

Н. С. Грибанова ✂ ПОЛОТЕНЦЕ в культуре русского сельского населения Алтая
в конце XIX – начале XXI века

Барнаул
2013

Н. С. Грибанова

ПОЛОТЕНЦЕ

в культуре русского
сельского населения Алтая
в конце XIX – начале XXI века

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»

Н. С. Грибанова

**Полотенце в культуре
русского сельского
населения Алтая
в конце XIX – начале XXI века**

Барнаул
2013

ББК 39(571.15)+94(571.15)
УДК 63.529(253.37)–739+63.3(253.37)–28
Г82

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор *Т. К. Щеглова*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е. Ф. Фурсова*
кандидат исторических наук, доцент *М. А. Жигунова*

Грибанова, Н. С.
Г82 Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX – начале XXI века : монография / Н. С. Грибанова. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 256 с. : ил.
ISBN 978-5-88210-713-9

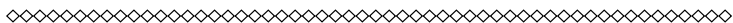
Монография посвящена комплексному изучению полотенца русского сельского населения Алтая как значимого компонента культуры, наделенного широким спектром функций и высоким семиотическим статусом. На основе широкого круга источников (данных полевых исследований, материалов музейных коллекций и др.) рассматриваются традиции и новации использования полотенец в быту и семейной обрядности, выявляется специфика их изготовления и орнаментации у разных этнокультурных групп русского населения Алтая в конце XIX – начале XXI в. Предлагается авторский вариант классификации и типологии полотенец.

Книга может представлять интерес для этнографов, историков, лингвистов, культурологов, специалистов в области музейного дела и всех интересующихся культурой русского народа.

ББК 39(571.15)+94(571.15)
УДК 63.529(253.37)–739+63.3(253.37)–28

Монография подготовлена и издана при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края., проект № 13-11-22006 а(р) «Русские Алтая в конце XIX – начале XXI в.: отражение процесса формирования и развития этнокультурной специфики в знаковых предметах культуры (на примере полотенца)».

Введение

В культуре многих народов (русских, украинцев, белорусов, мордвы и др.) полотенце занимает важное место, сочетая знаковую, декоративную и утилитарную функции. Однако каждая из этнических традиций имеет свои отличительные черты, которые проявляются в форме предмета, частоте его бытования, преобладании одних функций над другими и т. д.

У русских традиционное полотенце обладает наибольшим семиотическим статусом. Оно и выступает этническим символом русской культуры в целом, и обладает специфическими чертами у различных этнографических групп. Орнаментированное полотенце отражает социальный статус, религиозную принадлежность, уровень материального благосостояния, характер взаимодействия с иноэтничным окружением, мировоззренческие установки и эстетические представления его создательниц. В силу этого оно является важным источником для раскрытия особенностей процесса формирования и развития культурного многообразия русского населения Алтая.

Обращение к изучению полотенца обусловлено несколькими причинами. Прежде всего это связано с необходимостью заполнения существующих пробелов в изучении культуры русского населения Алтая. Как известно, в связи с особенностями развития отечественной этнографической науки вплоть до середины XX в. изучению русских Сибири уделялось крайне мало внимания. Интерес исследователей был сосредоточен на рассмотрении особенностей культуры и быта коренных народов. Только со второй половины XX в. активизировалась работа по изучению этнографии русских, вначале сотрудниками Института этнографии АН СССР под руководством профессора В. А. Александрова, в последующем — специалистами сибирских научных центров и учебных заведений. В целом к настоящему времени достигнут значительный прогресс в изучении культуры русских различных регионов Сибири: опубликованы результаты многочисленных исследований в виде научных статей и тезисов выступлений, издан целый ряд авторских и коллективных монографий различной тематики. Вместе с тем остается ряд нерешенных задач в области изучения этнографии русского населения Сибири в целом и Алтая в частности. Одну из них исследователи русской народной культуры видят в необходимости проведения обобщающих монографических исследований по отдельным сферам культуры с применением методов картографирования и типологизации¹.

---

¹ Томилов Н. А. Русский вопрос на современном этапе // Русский вопрос: история и современность: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2005. С. 4.

Еще одна причина, побудившая обратиться к этой теме, определяется стоящими перед научным и музейным сообществом практически задачами обработки, систематизации, каталогизации, введения в научный оборот, а также использования в экспозиционно-выставочной и просветительской деятельности музейных собраний. Полотенце, являясь одним из наиболее многочисленных предметов в фондах государственных, муниципальных и школьных музеев, все еще остается слабо атрибутированным, недостаточно изученным и мало вовлеченным в их выставочную и образовательную деятельность. В то же время multifunctionality полотенца позволяет включать его в экспозиционные проекты различной тематики, а его связь с различными сферами культуры и быта – активно использовать в учебном процессе и научно-исследовательской работе.

До настоящего времени полотенце русских не являлось предметом монографических исследований. Вместе с тем некоторые вопросы орнаментации и бытования полотенца затрагивались этнографами, историками и фольклористами в публикациях, посвященных различным аспектам традиционной культуры русских в целом, отдельных регионов России, этнографических групп русских Алтая.

Наибольший интерес этнографов вызывали вопросы использования полотенца в традиционных обрядах. Первые работы, посвященные определению роли полотенца в обрядовой культуре восточнославянских народов, были опубликованы еще в конце XIX – начале XX в. Н. Ф. Сумцовым² и Д. К. Зелениным³. Их выводы во многом обусловили последующее изучение полотенца как важного элемента семейных и календарных обрядов, обладающего прежде всего функцией защиты, оберега. В дальнейшем знаковой функции полотенца в семейных обрядах русских и других народов России уделяли внимание Н. И. Гаген-Торн⁴ и И. И. Шангина⁵.

Полотенце в качестве материального компонента семейной обрядности русских рассмотрено в монографии Г. С. Масловой⁶ и ряде публикаций

---

² Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов: избранные труды. М., 1996. С. 152–154.

³ Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. СПб., 1912. С. 12.

⁴ Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья (к вопросу о происхождении оберега) // Известия этнографического института и музея. Кн. VI. София, 1963. С. 279–290; Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // ЭО. 2000. № 6. С. 103–117.

⁵ Шангина И. И. Роль полотенца в погребальной и поминальной обрядности русских крестьян XIX в. // Тез. докл. Всесоюзной науч. сессии, посвященной итогам полевых работ. Т. 1–4. Тбилиси, 1971. С. 70–71; Шангина И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 17 с.

⁶ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. 216 с.

А. А. Лебедевой⁷. Работа Г. С. Масловой содержит богатый фактический материал о традициях использования полотенец в семейной и календарной обрядности русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. и их изменении в советский период, что дает широкие возможности для сравнительного изучения. Значительный интерес представляют выводы А. А. Лебедевой о полотенце как об одном из материальных компонентов, игравших важную роль в свадебном обряде русских на всей территории их расселения, включая Алтай, и определявших локальную специфику ритуала.

Использование полотенец в контексте изучения семейной обрядности русских крестьян в разной степени затрагивалось многими исследователями. В публикациях Т. С. Макашиной, посвященных русской свадьбе, отмечены общераспространенные и локальные варианты применения полотенца на различных этапах обряда⁸. Различным способам использования полотенец в свадьбе русского населения Сибири и Алтая уделяли внимание Н. А. Миненко, В. А. Липинская, А. В. Сафьянова⁹, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова, И. В. Куприянова, Л. А. Явнова, Е. А. Болотова, Н. Г. Панышина, В. И. Мотузная, О. А. Абрамова, Т. Г. Шарабарина¹⁰.

⁷ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 104–116; Лебедева А. А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 202–219; Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229–248.

⁸ Русские. М., 1997. С. 466–499; Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 473–574.

⁹ Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX века // СЭ. 1971. № 3. С. 91–103; Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 180–201; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае: XIII – начало XX в. М., 1996. 268 с.

¹⁰ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 97–101; Жигунова М. А. Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 83–94; Золотова Т. Н. «Сгинь нечистая сила!..» Как защищались от «злых сил» сибирские старожилы // Родина. 2003. № 2. С. 74–77; Куприянова И. В. Семейные обычаи и обряды // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 196–210; Явнова Л. А. Символика элементов свадебного обряда русского населения Алтая второй пол. XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 56–59; Болотова Е. А. «Брачный рынок» у русских крестьян в первой трети XX в. // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 185–189; Панышина Н. Г. Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 3. Барнаул, 1998. С. 136–154; Панышина Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района (по материалам экспедиции 2003 г.) // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 190–209; Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 187–195; Мотуз-

Применение полотенец в родильно-крестильной и похоронно-поминальной обрядности значительно слабее освещено в этнографической литературе, прежде всего в силу недостаточного внимания исследователей к изучению ритуалов. Отдельные аспекты функционирования полотенец в похоронно-поминальной обрядности русских Европейской России рассмотрены в работах И. И. Шангиной, И. А. Кремлевой¹¹; разных регионов Сибири – М. М. Громыко, П. Е. Бардиной, М. Л. Бережновой, Е. Ф. Фурсовой, М. А. Жигуновой, Т. Н. Золотовой, А. В. Матвеева, О. В. Голубковой¹². Фрагментарные сведения об использовании полотенец в похоронной обрядности русских крестьян Алтая имеются в публикациях И. В. Куприяновой, Е. А. Болотовой, Л. А. Явновой, В. И. Мотузной¹³. Назначение полотенец в

ная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 255–280; Абрамова О. А. Свадьба села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 189–199; Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. 250 с.

¹¹ Шангина И. И. Роль полотенца в погребальной и поминальной обрядности русских крестьян XIX в. // Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых работ. Тбилиси, 1971. С. 70–71; Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1999. С. 517–532.

¹² Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX веков // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII–XX вв. Новосибирск, 1975. С. 71–102; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 383–393; Бережнова М. Л. О соотношении духовного и материального в похоронном обряде русских // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1994. С. 52–56; Бережнова М. Л. Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 2. Новосибирск, 1997. С. 163–177; Бережнова М. Л. Представления о связях реального и потустороннего мира через умерших у русских Среднего Прииртышья (по материалам этнографической экспедиции 1996 года) // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1998. С. 227–231; Фурсова Е. Ф. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. 276 с.; Жигунова М. А. Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 83–94; Золотова Т. Н. «Сгинь, нечистая сила!..» Как защищались от «злых сил» сибирские старожилы // Родина. 2003. № 2. С. 74–77; Матвеев А. В. Жилище-дверь-двор-ворота в горизонтальной структуре мифологического пространства русских XIX – первой половины XX в. (по материалам Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск, 2001. С. 131–136; Голубкова О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 511–514.

¹³ Куприянова И. В. Семейные обычаи и обряды // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 196–210; Болотова Е. А. Похоронный обряд русских старожилов с. Верх-Катунское: сравнительно-исторический анализ // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 209–213; Мотузная В. И. Похоронная обрядность населения Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 288–291; Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной

родильно-крестильной обрядности отмечено в статьях М. А. Жигуновой и в многочисленных описаниях локальных вариантов обряда А. В. Курсаковой¹⁴.

Начало изучения роли полотенец в быту русских крестьян, особенностей их изготовления и орнаментации связано с именем Е. Э. Бломквист¹⁵. По результатам собственных экспедиционных исследований 1927 г. в рамках изучения искусства бухтарминских старообрядцев Алтая исследовательницей были охарактеризованы типы распространенных у них полотенец, способы их использования, структура и способы орнаментации, технические приемы и орнамент вышивки¹⁶.

Во второй половине XX в. исследователей в большей степени привлекали вопросы орнаментации и семантики полотенец русского населения Алтая, рассматриваемые, как правило, в контексте изучения декоративно-прикладного искусства на основе музейных коллекций и материалов, собранных в ходе экспедиционных исследований. При этом основное внимание этнографов было сосредоточено на изучении изделий старообрядческих групп русского населения Горного и Рудного Алтая. Н. И. Каплан приведена краткая характеристика полотенец «поляков» и кержаков, сопоставлены особенности их орнаментации с традициями украшения ткани различных регионов России¹⁷. Г. А. Щербик ввела в научный оборот полотенца «поляков» и бухтарминских крестьян из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Особенно ценными

и семейной обрядности старожилов Алтая (на примере похоронной обрядности) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 131–133.

¹⁴ Курсакова А. В. Крещение на дому в крестьянских семьях Алтая в период коллективизации // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 2. Барнаул, 2002. С. 214–217; Курсакова А. В. Специфика бытования родильно-крестильной обрядности в с. Новоалейке Третьяковского района Алтайского края в 30–60-х годах XX века // Снитковские чтения. Барнаул, 2005. С. 232–236; Курсакова А. В. Традиции, связанные с рождением и воспитанием детей // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 210–213; Курсакова А. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 281–287; Курсакова А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 171–185; Жигунова М. А. Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 83–94; Жигунова М. А. Родины и крестины у русских Западной Сибири (XX век) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 184–194.

¹⁵ Бломквист Е. Э. Полотенце в русском быту // Русский Музей. Этнографический отдел. Л., 1926. С. 25–28.

¹⁶ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 397–432.

¹⁷ Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961. 96 с.

представляются ее выводы относительно влияния казахского искусства на орнаментацию полотенец русских крестьян¹⁸.

Особо следует выделить исследование Л. М. Русаковой орнамента на полотенцах русских старожилов Алтая, в большей степени бухтарминских старообрядцев и «поляков». В ряде статей и монографии автором определены архаичные черты и инновации в репертуаре мотивов и сюжетов вышивки, принципах и приемах украшения полотенец, осуществлена попытка определить семантику орнаментальных мотивов и композиций¹⁹. Собранные в ходе экспедиционных исследований на Алтае 1977–1982 гг. несколько сотен полотенец позволили Л. М. Русаковой выявить их специфику у различных групп старожильского населения, сопоставить ее с украшением полотенец русских крестьян других регионов Сибири.

Изучение полотенец русских крестьянок северных и северо-восточных районов Алтайского округа было начато Е. Ф. Фурсовой²⁰. Обратившись к рассмотрению полотенец кержаков, чалдонов, российских переселенцев, она выявила их отличительные черты, определила взаимосвязь орнамента вышивки с техническими приемами ее исполнения. В контексте изучения традиций орнаментации рукоделий крестьянок юга Западной Сибири Е. Ф. Фурсова рассмотрела особенности орнитоморфных, антропоморфных и зооморфных мотивов на полотенцах, выявила среди них архаические и наиболее распространенные варианты²¹.

В последние два десятилетия опубликован ряд статей, посвященных описанию музейных коллекций полотенец, где основное внимание авторов обращено на характеристику особенностей орнамента в вышивке полоте-

---

¹⁸ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 162–177.

¹⁹ Русакова Л. М. Орнаментака полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 104–126; Русакова Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 99–125; Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX в. Новосибирск, 1985. С. 121–138; Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 176 с.

²⁰ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 127–147.

²¹ Фурсова Е. Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 126–136; Фурсова Е. Ф. Зооморфные орнаментальные композиции в традиционно-бытовой культуре восточных славян юга Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 95–106; Фурсова Е. Ф. Символика антропоморфных орнаментов в рукоделиях сибирских мастериц (старообрядок Васюганья) // Мастер и народная художественная традиция русского Севера: сб. науч. докл. III науч. конф. «Рябининские чтения 99». Петрозаводск, 2000.

нец и раскрытие семантики его мотивов²². Значимость публикаций такого рода заключается прежде всего во введении в научный оборот музейных коллекций и отдельных предметов.

Для сравнения орнамента на полотенцах русского сельского населения Алтая и других регионов России в процессе исследования были привлечены публикации Г. С. Масловой, Н. И. Шангиной, И. Я. Богуславской, А. К. Амброза, А. В. Черных и других исследователей. Большое значение для изучения орнамента на полотенцах русского сельского населения Алтая имеет монографическое исследование О. М. Рындиной²³, содержащее развернутую характеристику прикладного традиционного искусства русских Западной Сибири с конца XIX до 90-х гг. XX в.

Использованию полотенцев в убранстве икон исследователи уделяли внимание в контексте рассмотрения семантики красного угла или жилища в целом, а также в связи с определением места иконы в культуре русского народа. Значимыми для исследования являются замечания О. М. Рындиной относительно особенностей убранства икон у старожилов и переселенцев Западной Сибири²⁴. Описания красного угла в жилище населения Западной Сибири имеются в статьях Т. К. Щегловой и М. А. Жигуновой²⁵.

Особенностей изготовления полотенцев касались при изучении традиций обработки льна, прядения и ткачества русского населения Западной

---

²² Попова Л. Н. Коллекция предметов ткачества в районном краеведческом музее с. Усть-Пристань // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 245–248; Соловьева С. А. Орнаментированные полотенца русских крестьянок Алтая (из собрания Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки) // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 87–89; Скосырская Е. В. Антропоморфные изображения на русских домотканых полотенцах из собрания Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина // *Хранители наследия*. Вып. 1. Барнаул, 2003. С. 63–65; Шарабарина Т. Г. Выстроенные узоры русских крестьянок южного и юго-западного Алтая начала XX в. // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 150–154; Елизарова Л. И. К вопросу об орнитоморфных мотивах в русской крестьянской вышивке (обзор коллекции полотенцев Восточно-Казахстанского областного этнографического музея) // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 269–272.

²³ *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири*. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. 639 с.

²⁴ Там же, с. 498–499.

²⁵ Щеглова Т. К. Избяная литургия. Традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиций) // *Алтайский сборник*. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 253–257; Щеглова Т. К. Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX в.: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. // *Этнография Алтая*. Барнаул, 1996. С. 93–105; Жигунова М. А. О традиционных верованиях сибирского казачества // *Культурологические исследования в Сибири*. Омск, 2004. № 1 (12). С. 84–94.

Сибири П. Е. Бардина²⁶, Е. Ф. Фурсова²⁷, М. Л. Бережнова²⁸. На большое количество наименований, используемых для обозначения полотенец различного назначения, указывали Е. Э. Бломквист²⁹, А. А. Лебедева³⁰.

Важное значение для разработки типологии полотенец имеют публикации, содержащие характеристику их особенностей у этнографических групп русского населения Алтая. Основываясь на собственных полевых материалах, Е. Э. Бломквист и Л. М. Русакова³¹ подробно описали различные по назначению и орнаментации типы полотенца старожилов-старообрядцев южных районов региона. Е. Ф. Фурсова предложила типологию полотенец русских крестьян – старожилов и переселенцев – северных районов Алтайского края и Новосибирской области³². Попытки выделить критерии классификации полотенец русских и мордвы были предприняты Н. Н. Авдошкиной, молдаван – З. Д. Шофранской³³.

Таким образом, на сегодняшний день этнографами зафиксированы различные варианты использования полотенец в традиционной семейной обрядности русского населения Алтая, определены стилистические осо-

²⁶ Бардина П. Е. Узорное ткачество и ковровое изделие русского населения Томской области // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984. С. 67–79.

²⁷ Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Ч. I. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск, 2002. 287 с.; Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 98–128.

²⁸ Бережнова М. Л. Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 186–200.

²⁹ Бломквист Е. Э. Полотенце в русском быту // Русский Музей. Этнографический отдел. Л., 1926. С. 25–28.

³⁰ Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229–248; Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 104–116.

³¹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 397–432; Русакова Л. М. Орнамента полотенца сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 104–126; Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX в. Новосибирск, 1985. С. 121–138; Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 176 с.

³² Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 127–147.

³³ Авдошкина Н. Н. Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих на территории республики Мордовия: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005 [электронный ресурс] / Библиотека диссертаций РГБ. URL: <http://www.dlib.rsl.ru> (25.10.2010); Шофранская З. Д. Классификация молдавских полотенец // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: материалы пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006. С. 44.

бенности и семантика отдельных орнаментальных мотивов и композиций на полотенцах старожилов-старообрядцев Алтая, выявлены некоторые специфические черты орнаментации полотенца различных групп русского населения региона.

Другие аспекты бытования полотенца в рамках культуры русских в целом и русского сельского населения Алтая в частности не получили достаточного освещения в научной этнографической литературе. В связи с этим настоящая монография представляет собой первое комплексное исследование свойств и функций полотенца как компонента культуры русского сельского населения Алтая в конце XIX — начале XXI в.

Изучение культуры русского сельского населения Алтая — хранителя традиционных форм русской культуры — основано на ее понимании как совокупной культуры различных этнографических групп, каждой из которых присущи черты, как принесенные с прежних мест проживания, так и сформировавшиеся на территории Алтая в результате взаимодействия друг с другом и с представителями других этносов, а также в результате адаптации к новым географическим и социально-экономическим условиям.

Русское сельское население Алтая в исследуемый период не было однородным. Оно формировалось на протяжении XVIII–XX вв., отличалось культурной мозаичностью, являвшейся следствием импульсивной миграции на территорию Алтая из разных историко-культурных зон европейской части России, в результате чего возникли самостоятельные этнографические группы сельского населения³⁴.

В отечественной этнографии принято делить русское население Алтая на старожилов и переселенцев. К старожилам исследователи относят русское население, осевшее на территории Алтайского горного округа с начала его заселения в XVIII в. вплоть до выхода Закона от 30 июля 1865 г. «О водворении государственных крестьян в Алтайском горном округе». Переселенцами принято называть русских крестьян, пришедших на Алтай из южных и центральных губерний Европейской России и Урала после отмены крепостного права и разрешения селиться на землях округа³⁵. Среди переселенцев конца XIX — начала XX в. — так называемых «россейских/российских» крестьян — исследователи выделяют группы по месту (губернии) выхода: «воронежцы», «куряне», «рязаны», «смоляки» и т. д. К старожи-

³⁴ Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 111.

³⁵ Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 119. Жигунова М. А. Некоторые проблемы, методы и результаты исследований русской культуры в Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2006. № 2 (19). С. 20–26; Жигунова М. А., Исупов В. А., Шелегина О. Н. Русские // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 794–798.

лам относят различные в конфессиональном, социальном и этнографическом (культурном) плане группы крестьянского населения (сибиряков-чалдонов, сибиряков-старожилов (коренных сибиряков), кержаков, «поляков», бухтарминских и уймонских каменщиков), а также представителей линейного казачества³⁶.

Группы бухтарминских и уймонских каменщиков были расселены компактно: первые — в пределах Бухтарминского (современные Зырянский и Катон-Карагайский районы Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан), вторые — Каракорумского (современный Усть-Коксинский район Республики Алтай) уездов Алтайского округа.

Поселения «поляков» к концу XIX в. существовали в пяти волостях Змеиногорского округа: Риддерской, Владимирской, Александровской, Бобровской, Алейской³⁷, а также Алтайской и Ануйской Бийского округа³⁸ (современные Третьяковский, Солонешенский, Петропавловский, Алтайский районы АК РФ, Глубоковский и Шемонаихинский районы ВКО РК) (цв. ил. 1).

Районами расселения сибиряков-чалдонов являлись северо-западная степная, центральная лесостепная и восточная предтаежная зоны³⁹. Сибиряками или коренными сибиряками (не чалдонами) были основаны многие деревни в центральной лесостепной и предгорной зонах округа. Казачество было расселено вдоль Бийской линии, составлявшей 457 верст с 19 укрепленными пунктами, расположенными в пределах Змеиногорского и Бийского уездов Алтайского округа⁴⁰ (цв. ил. 1). Кержаки селились в лесостепной, предгорной и горной частях округа, переселенцы — повсеместно.

Основанием для определения этнографической принадлежности информантов в ходе исследования выступает самоидентификация⁴¹, а так-

³⁶ Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 101–102; Фурсова Е. Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: в 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 427–441; Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки: Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 119–134.

³⁷ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОИРГО, 1899. Кн. XXVI. С. 21, 25.

³⁸ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1880. С. 98–99.

³⁹ Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Новосибирск, 2002. С. 35.

⁴⁰ Исаев В. В. Формирование казачества на территории Алтая в XVIII – начале XX века // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 11–12.

⁴¹ Жигунова М. А. Русские Западной Сибири: проблемы самосознания и культуры // Русские: Материалы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Тюмень, 2004. С. 344–349; Жигунова М. А. Какие мы теперь, русские? // Родина. 2011. № 3. С. 15–18; Жигунова М. А. Этнокультурная идентичность русских:

же сведения о месте рождения предков. В случае невозможности определения конкретной этнографической группы старожилов или места выхода переселенцев они относятся соответственно к группе «старожилов» или переселенцев («русских»).

Целью исследования является комплексное изучение полотенца как значимого компонента бытовой и обрядовой культуры русского сельского населения Алтая, наделенного широким спектром функций и высоким семиотическим статусом. В задачи автора входило:

- выявить используемые русским сельским населением Алтая диалектные наименования полотенца, их семантику и распространение;
- проанализировать использование полотенца в бытовой и обрядовой (родильно-крестильной, свадебной, похоронно-поминальной) культуре, интерьере крестьянского жилища;
- проследить изменение традиций использования полотенца русским сельским населением Алтая с конца XIX до начала XXI в.;
- выявить этнографическую и локальную специфику изготовления и орнаментации полотенца, соотношение традиций и новаций на протяжении рассматриваемого периода;
- систематизировать полотенца русского сельского населения Алтая с целью выявления распространенных, этнографически маркированных, локально и хронологически ограниченных вариантов.

Исследование охватывает период конца XIX – начала XXI в. Нижняя граница определяется датировкой основного вида источников – полотенца, временем изготовления самых ранних из которых можно считать конец XIX в. Этот факт позволяет рассматривать полотенца в рамках традиционной (доиндустриальной) культуры русских Алтая. В этот период сформировавшиеся группы старожилов и складывающиеся группы российских переселенцев еще сохраняли целостность и самобытность, поэтому созданным ими предметам в наибольшей степени присущи традиционные черты и этнографическая специфика. Поскольку мы имели целью продемонстрировать вариативность или, напротив, устойчивость традиций, а также изменение роли полотенца в народной культуре под влиянием различных факторов, хронологические рамки исследования расширены вплоть до современности.

Территориальные рамки работы охватывают территорию Алтайского округа, включавшую в конце XIX в.⁴² современные Алтайский край и Республику Алтай, часть Кемеровской, Новосибирской областей и Республики Хакасия Российской Федерации и часть Восточно-Казахстанской обла-

---

современные проблемы изучения и сохранения // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 337–350.

⁴² Карта Алтайского округа 1896 г. // Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул, 2006. С. 100–101.

сти Республики Казахстан. Такой охват территории оправдан общностью административно-территориальных границ с конца XVIII по начало XX в. (Колывано-Воскресенский/Алтайский (горный) округ), процессов заселения и внутренних миграций, что оказало влияние на формирование и развитие этнографических групп русского населения, локальных вариантов русской культуры. В соответствии с этим в работе уделяется большое внимание территориальному распространению наименований, традиций изготовления, орнаментации и функционирования полотенец.

Источниками для работы послужили материалы этнографических исследований, вещественные источники из музейных собраний и хранящиеся в семьях информантов, а также широкий круг опубликованных источников. Основным источником являются полевые материалы (устные источники, результаты анкетирования, материалы непосредственного наблюдения и фотографирования), собранные в ходе историко-этнографических экспедиций Алтайской государственной педагогической академии 1996–2013 гг. (руководитель доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова). Сбор информации по теме исследования осуществлялся в рамках комплексной программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» и научно-исследовательской программы «Этнография народов Алтая» в сельских населенных пунктах Тальменского, Усть-Пристанского, Залесовского, Заринского, Мамонтовского, Кытмановского, Тогульского, Шелаболихинского, Зонального, Бийского, Чарышского, Быстроистокского, Поспелихинского, Павловского, Романовского, Волчихинского, Панкрушихинского и Егорьевского районов Алтайского края. Все собранные в экспедициях материалы хранятся в архиве лаборатории исторического краеведения АлтГПА. В зависимости от вида источники включены в состав одного из фондов: Фонд 1. Материалы историко-этнографических экспедиций: устные источники, полевая документация, анкеты; Фонд 3. Фотоматериалы. Самостоятельную коллекцию (фонд 8) составляют материалы полевых исследований автора в рамках собственных экспедиций (в работе обозначаются как ПМА).

Сбор источников автором по теме исследования проводился в рамках 13 историко-этнографических экспедиций АлтГПА (1996, 2001–2005, 2007–2013 гг.), а также в ходе самостоятельных полевых исследований в Третьяковском (2004), Петропавловском (2004), Усть-Калманском (2004, 2006) районах Алтайского края, Усть-Коксинском районе (2013) Республики Алтай. Всего автором обследовано 46 населенных пунктов в 16 районах Алтайского края, три – в Усть-Коксинском районе Республики Алтай (карта 11).

По теме исследования проведено более 120 интервью. Критериями выборки информантов являлись этническая и этнографическая принадлежность, возраст и пол опрашиваемых, что обусловлено предметом исследования. Так, основными информантами стали женщины – потомки старожилов (кержаков, чалдонов, казаков, сибиряков-старожилов, уймонских

старообрядцев) и переселенцев 1899–1939 гг. р., наиболее полно владеющие информацией об изготовлении и бытовании полотенец на протяжении всего изучаемого периода. Информация, воспроизведенная со слов других людей (мам, бабушек, сестер), позволила выявить особенности бытования полотенца в конце XIX – первой четверти XX в. Интервью информантов-мужчин фрагментарны и содержат преимущественно сведения об отдельных этапах современного похоронного обряда.

Дополняют материалы автора устные источники из фонда архива лаборатории исторического краеведения АлтГПА, собранные участниками историко-этнографических экспедиций разных лет. Репрезентативность устных источников обеспечивается повторяемостью и сопоставлением полученной информации.

Особую группу источников составляют материалы анкетирования, проведенного автором: в 2002 г. – с целью выявления роли полотенца в быту и семейной обрядности (135 анкет); в 2004–2006 гг. – с целью получения данных, характеризующих представления современного сельского населения Алтайского края о связи иконы и полотенца (97 анкет); в 2005–2006 гг. – с целью определения уровня знания поколением 1970–1980-х гг. наименований полотенец (65 анкет).

Полевые материалы автора в виде описаний, фотографий и зарисовок объектов непосредственного наблюдения – полотенец, используемых информантами или хранящихся как семейные реликвии, – представляют интерес для выявления степени сохранности традиций изготовления, наименования и использования полотенец. Ценность этих материалов заключается в получаемой от владельца полноценной информации об авторстве, времени, особенностях изготовления и способах использования предмета. Всего в ходе исследования было выявлено и зафиксировано более 200 полотенец. В работе использованы также фотографические материалы архива ЛИК АлтГПА, отражающие формы бытования полотенец в среде русского сельского населения Алтая в конце XX – начале XXI в.

Важный источник составили вещественные материалы – полотенца из музейных собраний государственных, муниципальных, ведомственных, общественных (сельских и школьных) музеев Алтайского края, а также сопредельных регионов: г. Шемонаиха (Республика Казахстан), Республики Алтай, Новосибирской, Томской, Омской областей (Российская Федерация). Всего в ходе исследования изучено 45 музейных коллекций, содержащих более 1100 полотенец (карта 11).

Значительными по объему и географии представленных материалов являются собрания полотенец Алтайского государственного краеведческого музея (188 предметов), Новосибирского государственного краеведческого музея (120), Областного историко-краеведческого музея г. Шемонаиха (80), Историко-краеведческого музея АлтГПА (70). Наличие сопроводительной информации (легенды) для большей части предметов коллек-

ций перечисленных музеев позволило использовать их в качестве полноценного источника по различным аспектам исследования.

Особую ценность для изучения полотенец старожилов-старообрядцев Алтая имеет коллекция полотенец Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН, собранная Н. Н. Покровским и Е. И. Дергачевой-Скоп в 1969 г. и в 1970-е гг. и, большей частью, Л. М. Русаковой в 1970–1980-е гг. в ходе экспедиций в старожильческие села Алтайского края (современные Чарышский и Солонешенский районы), Республики Алтай (Усть-Коксинский район) и Республики Казахстан (Восточно-Казахстанская область). Комплекс изученных предметов указанного собрания (более 60 полотенец) позволяет выявить все многообразие вариантов использования материала, технических приемов, способов орнаментации полотенец у представителей различных групп русского старожильского населения региона («поляков», бухтарминских и уймонских старообрядцев, кержаков) на рубеже XIX–XX вв.

Ценность коллекций районных и школьных музеев Алтайского края обусловлена прежде всего тем, что большую их часть составляют полотенца, изготовленные и бытовавшие в границах соответствующих населенных пунктов или районов. Это позволяет выявить локальные традиции бытования и орнаментации полотенец. Кроме того, небольшие музеи, как правило, имеют в своих собраниях полотенца, изготовленные на протяжении всего XX века.

Особое значение для формирования более полного представления о бытовании и функционировании полотенец в рассматриваемый период представляет музейная учетная документация. Книги регистрации поступлений, инвентарные книги, картотеки коллекций полотенец содержат ценную информацию об авторстве, времени и месте изготовления предмета, его назначении, местном наименовании и т. п. Однако приходится констатировать, что значительная часть собраний полотенец в музеях региона не имеет должной атрибуции или частично снабжена сопроводительной информацией, что существенно снижает ее информативность. Ввиду этого для характеристики отдельных параметров полотенец (наименований, использования) привлекаются только музейные предметы, имеющие соответствующие характеристики в документации.

К числу опубликованных источников, использованных в исследовании, относятся:

1. Нарративные источники – путевые наблюдения К. Ф. Ледебура (1826), этнографические заметки о быте и обрядах старожилов Алтая С. И. Гуляева (1845, 1848), Н. М. Ядринцева (1880), М. В. Швецово (1898, 1899), Ф. К. Зобнина (1900), Б. Герасимова (1909), Г. Е. Катанаева (1893)⁴³. В них со-

⁴³ Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 415 с.; Гуляев С. И. Этнографические очер-

держатся краткие упоминания об использовании полотенец в свадебном обряде и украшении интерьера жилища. В целях сравнительно-исторического исследования в работе использованы опубликованные материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева (1897–1901)⁴⁴ и богатое собрание эмпирического материала А. В. Терещенко⁴⁵.

2. Опубликованные каталоги коллекций полотенец музеев Алтайского края⁴⁶; Омской области⁴⁷, а также выставки Сибирского культурного центра «Шитое полотенце Омского Прииртышья конца XIX – XX в.» (1998 г.)⁴⁸; коллекции федосеевской моленной г. Новосибирска⁴⁹, включающие описания (в том числе научные), фотографии и рисунки полотенец.

ки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. 90. Ч. 1. СПб., 1848. С. 1–58; Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский // Записки ЗСОРО. Кн. 1–2. Омск, 1880. Кн. 2. С. 1–147; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРО, Омск, 1899. Кн. XXVI. С. 1–92; Швецова М. Из поездки в Ридерский край // Записки ЗСОРО. Омск, 1898. Кн. 25–26. С. 1–27; Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки СПЗСОИРО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. 122 с.; Катанаев Г. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // ЗСОРО. 1893. Кн. XIV. Вып. II–III. 38 с.

⁴⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1–8. СПб., 2004–2008.

⁴⁵ Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007.

⁴⁶ Гончарик Н. П. Материалы экспедиций искусствоведа Л. И. Снитко на выставке «Живая старина» в Государственном художественном музее Алтайского края: каталог // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 253–261; Гончарик Н. П. Народное искусство Залесовского района в государственном художественном музее Алтайского края // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 233–272; Абрамова О. А. Текстильные изделия с вышивкой из собрания Тальменского краеведческого музея // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 242–245; Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района: каталог // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 311–353; Панышина Н. Г. Краткий каталог этнографических экспонатов, находящихся в музее с. Верх-Катунского Бийского района // Бийский район: История и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 295–301; Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев: аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 272–296.

⁴⁷ Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог. Томск, 1994. С. 97–122; Раскевич Т. В. Этнографическая коллекция русских в фондах ОГИК музея (перечень поступлений в фонд тканей 1975–1995 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея № 5. Омск, 1997. С. 69–87; Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского: каталог. Омск, 2009. 266 с.

⁴⁸ Беляева Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX–XX веков. Полотенца. Омск, 2006. 82 с.

⁴⁹ Фурсова Е. Ф. Приложение 2: Описание женских рукоделий, предметов культа, хранившихся до 1999 г. в федосеевской моленной г. Новосибирска и зафиксированных в ходе экспедиций // Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Старообрядцы

3. Словари русского языка и диалектологические словари, выбор которых обусловлен стремлением выявить степень распространенности различных наименований полотенец у русских в XIX–XX вв. на общероссийском и региональном уровне⁵⁰.

4. Фольклорные тексты с упоминанием полотенца представлены загадками, приметами, заговорами, свадебными песнями в сборниках загадок И. А. Худякова, фольклора – Г. Н. Потанина, в описаниях свадеб старожилов С. И. Гуляева⁵¹, а также в публикациях современных исследователей⁵².

5. Опубликованные полевые материалы других исследователей в виде цитат информантов использованы в работе в качестве источников, хронологически и территориально дополняющих материалы автора.

В процессе сбора информации в ходе полевых этнографических исследований автором применялись традиционные для этнографической науки методы сбора материала: тематическое интервью или опрос, тематическое анкетирование, наблюдение. Специфика темы исследования обусловила использование различных форм интервью: неформального в виде беседы (открытая форма интервью), «мягкого» интервью, включающего список тем для беседы⁵³ (полуформализованного), индивидуального или группового. В ходе сбора источников использовалась специально разработан-

---

Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. С. 200–212.

⁵⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1958; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1–4. М., 1989–1991; Словарь русских народных говоров. Т. 1–41. Л., 1965 – СПб., 2007; Словарь русских старожилов-ческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1–3. Томск, 1964–1967; Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979; Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. Т. I–IV. Барнаул, 1993–1998.

⁵¹ Великорусские загадки с предисловием И. А. Худякова // Этнографический сборник. Вып. VI. СПб., 1864; Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник ИРГО. Вып. VI. СПб., 1864. С. 1–154; Гуляев С. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. 90. Ч. 1. СПб., 1848. С. 1–58.

⁵² Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межнационального взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Ч. II. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск, 2003. 268 с.; Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. 276 с.; Сигарева М. Н. Обряд повивания невесты как семантический комплекс (на материале традиционной свадьбы с. Камышенка Петропавловского района) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 130–132; Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. 250 с.

⁵³ Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2011. С. 93–95, 125.

ная авторская программа и ряд анкет. Интервью зафиксированы на аудио- или цифровой носитель информации.

Метод непосредственного наблюдения с применением фото- и видеофиксации позволил собрать материал, отражающий современное состояние предмета исследования. В большей степени в ходе экспедиций удалось зафиксировать использование полотенец в убранстве икон в красном углу, наличие полотенец, хранящихся в качестве реликвий, в семьях, употребление полотенец в быту, а также их использование для привязывания к надгробному кресту. Метод включенного наблюдения был реализован путем участия в свадебных и похоронных обрядах.

Необходимость выявления, сбора и обработки большого массива вещественных источников обусловила разработку собственной методики изучения музейных собраний полотенец и предметов, выявленных в ходе полевых исследований в семьях информантов. Основными этапами сбора и обработки информации о полотенцах являлись: 1) описание предметов в полевых условиях или на базе музея с занесением информации в специально разработанный бланк, исключающий утрату важной информации по неосторожности; 2) замеры, фотосъемка (по возможности) или зарисовка и «расшифровка» (создание схем вышивки и кружева) отдельных элементов орнамента; 3) научное описание каждого предмета в камеральных условиях по авторской схеме⁵⁴; 4) составление каталогов полотенец отдельных коллекций⁵⁵.

Теоретико-методологической основой исследования является принцип историзма, реализуемый путем применения историко-генетического и сравнительно-исторического методов исследования. Он определяет рассмотрение полотенца как явления культуры в его исторической динамике от прошлого к настоящему, от более ранних форм изготовления, бытования и использования к современным.

В соответствии с историко-генетическим методом традиции изготовления, орнаментации и использования полотенец русского сельского населения Алтая рассматриваются в различные периоды на протяжении конца XIX – начала XXI в. с целью выявления соотношения традиционных черт и новаций.

---

⁵⁴ Грибанова Н. С. Методика описания орнаментированного полотенца как музейного предмета // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф.* Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 262–264.

⁵⁵ Грибанова Н. С. Полотенца русских крестьянок в собрании историко-краеведческого музея БГПУ: каталог // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 233–244; Грибанова Н. С. Культура населения Мамонтовского района в коллекциях районного историко-краеведческого музея: каталог // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 155–171; Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края: каталог / сост. Н. С. Грибанова, И. В. Попова. Барнаул, 2013. 44 с.

Сравнительно-исторический метод плодотворен для выявления общих черт и региональных (локальных) особенностей рассматриваемого явления. При этом синхронный анализ применяется для сравнения полотенцев представителей различных этнографических групп русского населения Алтая и сопоставления их прежде всего с общероссийским материалом. При наличии источников для сравнительного анализа привлекается материал по другим восточнославянским народам и русскому населению соседних сибирских регионов. Диахронный анализ позволяет рассмотреть соотношение традиций и новаций в наименовании, изготовлении, орнаментации и использовании полотенцев русским сельским населением Алтая на протяжении рассматриваемого периода.

Существенное значение в исследовании принадлежит системному подходу, в рамках которого полотенце рассматривается как неотъемлемая часть культуры русского сельского населения Алтая, связанная множеством предметных и семантических связей с различными ее сферами. Кроме того, полотенце выступает как предмет, обладающий сложной композицией, сочетание элементов которой обусловлено этническими традициями и множеством факторов социально-бытового характера.

Применение междисциплинарного подхода обусловлено обращением к методам этнолингвистики, включая семантический анализ наименования полотенцев и определение степени их распространения.

С целью систематизации существующего многообразия полотенцев в работе использован типологический метод. При этом предпринята попытка реализовать предложенный Я. В. Чесновым подход к разграничению понятий классификации и типологизации (типологии)⁵⁶. Под классификацией понимается выделение групп по одному значимому признаку, наличие которого является причиной образования группы⁵⁷. Типология предполагает выделение групп-типов на основании комплекса формально-морфологических признаков предмета в сочетании с условиями его бытования. Классификация рассматривается как первый этап систематизации, посредством которого выявляются существенные признаки полотенцев. В основу типологии положено сочетание нескольких признаков, что определяет устойчивость выделенных типов.

Метод картографирования использован в работе с целью создания историко-этнографических карт, отражающих распространение наименований и типов полотенцев, способов орнаментации и мотивов орнамента

⁵⁶ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 189–203.

⁵⁷ Крюков М. В. О принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ. 1983. № 5. С. 5; Дмитриев В. А. О методологии музейной систематики в этнографии // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке. СПб., 2006. С. 7.

(карты 1–10), а также этнической карты, характеризующей расселение отдельных этнографических групп русских Алтая (цв. ил. 1).

Большое значение для исследования имеют разработанные С. А. Арутюновым теоретические положения о традициях и инновациях в культуре этноса. В интерпретации С. А. Арутюнова традиция предполагает передачу в диахронном плане устоявшихся форм поведения, навыков, понятий и всего, что образует костяк культуры. При этом важно подчеркнуть, что любая традиция — это бывшая инновация, а любая инновация — в потенциале будущая традиция⁵⁸. В ходе исторического развития традиции неизбежно обновляются и претерпевают изменения, что прослеживается в изменении формы и функций полотенца на протяжении конца XIX — начала XXI в.

Значимым для определения места полотенца в традиционной культуре является предложенный С. А. Арутюновым подход к рассмотрению функционирования четырех основных подсистем традиционной культуры: производственной, жизнеобеспечения, соционормативной, гуманитарной. По его мнению, все они существуют не обособленно, а пересекаются и взаимодействуют друг с другом. При этом большинство элементов культуры входят в различные ее подсистемы в силу присущих им как витально-прагматических, так и знаково-символических функций⁵⁹.

Задачи комплексного изучения полотенца как компонента культуры обусловили построение монографии по проблемному принципу. Работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена рассмотрению основных проблем функционирования полотенца русского сельского населения Алтая, вторая — специфике его морфологических свойств. В третьей главе дана характеристика существующих в этнографической литературе классификаций и типологий, предложен авторский вариант систематизации существующего многообразия полотенца русского сельского населения Алтая.

Слово «полотенце» используется в работе в качестве базового понятия, применяемого ко всем типам исследуемых предметов вне зависимости от их назначения и локальных вариантов названия. Диалектные наименования используются в цитируемых фрагментах текстов письменных источников и рассказов информантов.

В приложении представлены таблицы и карты, составленные автором. В качестве топографической основы использована карта-схема, на которой дано современное административно-территориальное деление и показан контур Алтайского округа начала XX в.

На первую цветную вкладку вынесены карта расселения отдельных этнографических групп русских на территории Алтайского округа и фотографии наиболее ярких полотенца. На второй вкладке размещена табли-

⁵⁸ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 160.

⁵⁹ Там же. С. 167; Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М., 2004. С. 78–79.

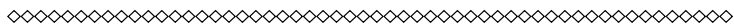
ца «Типология полотенец русского сельского населения Алтая конца XIX — начала XXI в.». Для удобства читателя использованы следующие обозначения иллюстративного и справочного материала: «рис.» — для фотографий в тексте, «цв. ил.» — для иллюстраций на цветной вкладке, «карта» — для карт в приложении. Таблицы в тексте пронумерованы римскими, в приложении — арабскими цифрами.

В тексте работы при ссылке на музейные фонды применяются аббревиатуры, официально используемые музеями (для государственных, муниципальных, вузовских и Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН). В отношении школьных музеев используются унифицированные сокращения названий, включающие заглавные буквы (Ш — школьный, М — музей, С — село) и букву, соответствующую первой букве в названии населенного пункта. При ссылке на фонд и номер музейного предмета обозначение основного фонда (ОФ) опускается ввиду того, что в нем состоит большая часть используемых полотенец; обозначение научно-вспомогательного фонда (НВФ) указывается.

Автор искренне благодарит своего научного руководителя, доктора исторических наук, профессора Татьяну Кирилловну Щеглову и всех коллег, оказывавших помощь и поддержку в процессе исследования и подготовки монографии. Особая признательность сотрудникам музеев за сохраненные и предоставленные материалы и низкий поклон нашим информантам — жителям сел Алтайского края, без участия которых эта работа не состоялась бы.

Глава 1 Наименование и использование полотенец русским сельским населением Алтая в конце XIX — начале XXI в.

1.1. Семантика и распространение диалектных названий полотенец

Полотенце является одним из распространенных, устойчивых и значимых материальных компонентов традиционной культуры восточнославянских народов. Его история насчитывает несколько столетий.

Самым ранним свидетельством существования полотенец у восточных славян являются археологические материалы — в бронзовых изделиях Б. А. Рыбаков усматривает имитацию вышитого полотенца с фигурой богини-оранты¹. Н. М. Карамзин, ссылаясь на рукописное «Житіе Муромского Князя Константина», писал: «Славяне в России также молились деревьям, особенно дупловатым, обвязывая их ветви убррусами или платами»². Письменные источники XVI–XVIII вв. содержат свидетельства об использовании полотенец представителями разных слоев русского народа: «[В сеннике, где будут спать новобрачные, ставятся] рукомойник, лоханка, полотенцо»³. Упоминается полотенце и в фольклорных произведениях: сказках, песнях, свадебных причетах невесты, загадках, фиксируемых исследователями с начала XIX в.

Одним из источников, раскрывающих особенности бытования и функционирования полотенца, является язык, отражающий не только сознание, мировоззрение, духовные ценности носителей русской культуры, но и «вещный» мир, окружавший их.

Для обозначения полотенца в русском языке существовало множество названий. Раньше других в оригинальных и переводных текстах встречается наименование *убрус*⁴ (от старославянского *оуброуѣ*). Исконное для русского языка слово *убрусъ* выступает в двух значениях: первичном — «полотенце, платок» и производном — «полотенчатый головной

---

¹ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве // СЭ. 1948. № 1. С. 105.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. I. М., 1988. С. 82, 229 (Примеч. 216).

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 246.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. М., 1958. С. 1118.

убор»⁵. Уменьшительное по происхождению образование *убрусъцъ* использовалось только как «полотенце, платок»⁶. Так, при описании внутреннего убранства дома «великорусского» народа XVI–XVII столетий Н. И. Костомаров отмечал: «...каждый образ поодиночке задерживался, привешенным к концу его *убрусцем*»⁷. Начиная с XVI в. в памятниках письменности также упоминаются *обрусъ/обрусецъ*⁸, *полка, полотенце(-о)*⁹, *ручникъ/рушникъ*¹⁰.

Сборы диалектной лексики, начатые исследователями в XIX в., позволили записать большое количество диалектных вариантов наименований полотенец, используемых в речи русского населения. В «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля включено 27 наименований полотенца, распространенных в губерниях Европейской России: *божник, крючник, набожник, наспичник, накрючник, обрус, убрус, плат, полотенце, полотенец, полка, рукотер, рукотерник, рукотерть, рукотирка, рукотерщик, рукотирный плат, ручник, утиральник, утирник, утирка, утирище, утирыш, утрище, ширинка, ширинка утиральная, личник*¹¹.

Согласно опубликованным материалам Словаря русских народных говоров (СРНГ), в речи русского населения на территории современной Российской Федерации в XIX–XX вв. употреблялось 56 наименований, обозначающих полотенца (приложение, табл. 1). Из них 40 существительных: *божник, крюковник, крюшник, набожник, накрючник, наспичник/насписник, пелена, перебирка, плат, платовье, платок, полка, полотенце, полотенец, полотенец, полотник, полотно, рукотейник, рукотельник, рукотельница, рукотёр, рукотёрник/рукотерник, рукотёрт, рукотёрка, рукотёрток, рукотерть, рукотёршек/рукотерщик, рукотершник/рукотёршник, рукотиник, рукотерицк/рукотёрцк, рукотиник, рукотирка, рукотирник, ручник/рушник, списник*; 14 уменьшительно-ласкательных вариантов: *наспичничек, полотельненцо, полотенчик, полотенецко, полотенушко, полотенышко, полотёнышко, полотенчишко, рукотёрничек, рукотёртик, рушничок, рушничочек, ручничек, ручничок*; один вариант с пренебрежительным оттенком: *полотенчишко*; одно словосочетание: *стенное полотенце*. Само слово *полотенец*, являющееся литературным, в СРНГ и другие словари диалектной лексики не включено.

Использование в речи информантов во второй половине XX в. различных диалектных вариантов названий полотенца отразилось также в этнографических публикациях. Наибольшее количество наименований (49)

⁵ Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990. С. 30.

⁶ Там же.

⁷ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 72.

⁸ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 161.

⁹ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 221, 246.

¹⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 264.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989–1991.

приводит в своей статье А. А. Лебедева, основываясь на материалах архивов, музеев и многолетних полевых исследований в различных регионах России и Украины¹². Приведенная автором «терминология полотенец» включает существительные, прилагательные, а также словосочетания, не встречающиеся в других источниках (*блинник, дарное, дарье, занавес, зеркальное, крючковое, наблинник, наметка, намитка, обыденник, обыденное, перемитка, пивка, подножник, полка, постинник, пристен, пулка, рукобитное, серпанок, скарач, скледнячка, спичное, спишник, спишное, утренник, ширинка подавальная*) или имеющие значение, отношение которого к тематической группе «полотенец» не подтверждается другими источниками: *наквашенник* — покрывало для квашни¹³; холщовая тряпка, которой покрывали квашню: *«Сошьешь холщовый наквашенник и завязки пришьешь, чтобы квашню завязать»*¹⁴. К сожалению, исследовательница не указывает специфику использования предметов с различными наименованиями и их территориальное распространение, что затрудняет включение приведенных данных в сравнительно-исторические исследования. В последние годы исследователи русской народной культуры все чаще обращают внимание на диалектные варианты названия предметов материальной культуры, в том числе и полотенец, выявляя особенности их употребления и новые лексические единицы¹⁵.

Таким образом, в русском языке от единственного слова *убрус*, встречающегося в источниках XI–XIV вв., к XX в. число названий полотенца возросло до ста. При этом, учитывая широту территории проживания русских, многообразие этнографических групп, локальных вариантов говора и диалектов, динамичный характер миграций населения, можно предположить, что имеющиеся данные далеко не исчерпывают всего многообразия наименований полотенца в русском языке. При этом увеличение числа вариантов для обозначения одного предмета невозможно объяснить только расширением круга источников. Возникновение новых названий происходило также по причине расширения и конкретизации функций полотенца в условиях известной этнокультурной обособленности некоторых групп русского населения.

Многочисленные наименования полотенца представляется возможным разделить на несколько групп в зависимости от происхождения слов и с учетом особенностей словообразования.

¹² Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 245.

¹³ СРНГ. Вып. 19. Л., 1983. С. 313.

¹⁴ Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Т. 2. Новосибирск, 2001. С. 335.

¹⁵ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. Внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяйственная утварь. СПб., 1999. 375 с.; Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003. 688 с.

В первую группу объединим наименования полотенец с корнем «руч» и «рук», а также состоящие из двух корней: рукотельник – [рук(а) + тел(о)] – рук(о)тел-ь-ник, рукотёрка – [рук(а) + тер(еть)] – рук(о)тёр-ка. Наименования этой группы наиболее многочисленны (29). Впервые они встречаются в источниках XIX в., за исключением слов *ручник* и *рушник*, отмеченных в Словаре русского языка XI–XVII вв. как бытовавшие уже в XVI и XVII вв. соответственно¹⁶. Появление большого числа наименований данной группы объясняется словообразовательным варьированием, характерным для русских говоров и возникшим как результат их обособленности, развития и совершенствования. Подтверждением этому является локальное бытование многих вариантов: *рукотельница* (Ярославль), *рукотёртик*, *рукотершик* (Новгородская губ.), *рукотёрщик* (Вологодская губ.), *рукотиник* (Томская губ.), *рушничок* (Курская губ.) и др. (приложение, табл. 1).

Несмотря на наличие единого корня, словообразовательным и лексико-фонетическим вариантам рассматриваемой группы свойственна специфика в этимологии и семантике. Так, широко распространенные названия *ручник* и *рушник* употреблялись часто как синонимы в значении «полотенце, обычно праздничное вышитое»¹⁷. Многочисленные контексты СРНГ показывают разнообразие способов использования *ручников/рушников* в различных регионах России: «Потом выходит невеста с подарками и дарит жениха и всю его родню *ручниками* своей работы» (Воронежская губ.); «*Ручники* – вытирали лицо, руки, а на иконы *полотенца* длинные вешали» (Новгородская губ.); «В праздники местами украшением избы служат *ручники (полотенца)*...» (Костромская губ.). «*Полотенце* по кооперативному, а *рушник* сами ткут» (Ярославская, Вологодская губ.)¹⁸. Последний текст позволяет связать происхождение названий *рушник/ручник* со словами *ручной*, *рушной* и *рушный* в значении *изготовленный вручную, кустарным способом*: «ну рушно то всё было (о домотканых изделиях)»¹⁹. Существует также точка зрения, что слово *рушник* происходит от корня «руш», «рух» и обозначает оторванный кусок ткани, отрез²⁰, поскольку *рушить* – *ломать, рвать*²¹. Единственным подтверждением такому толкованию слова *рушник*, на наш взгляд, может служить то, что в Тверской губернии в конце XIX в. слово *рушить* зафиксировано в значении *резать ткань*²². Таким образом, использование слов *ручник* и *рушник* для обозначения по-

¹⁶ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 264.

¹⁷ Там же, с. 283.

¹⁸ СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 283–284.

¹⁹ Там же, с. 286.

²⁰ Блинова Т. И. Рушники центральной России – наше языческое настоящее [электронный ресурс]. Режим доступа: http://sva-slava.narod.ru/nasledie_rukodelie/rushniki.htm (06.02.2009).

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. СПб., 1996. С. 524.

²² СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 290.

лотенец различного назначения может быть связано с неоднозначностью их этимологии.

Словообразовательные и лексико-фонетические варианты с корнем «рук» и «руч» — *рукотёр, рукотёрник, рукотирка, рукотерть, рукотерщик* В. И. Даль возводит к слову *рука*²³. Корни «тел» и «тер» в составе вариантов этой группы указывают на утилитарную функцию предметов с такими названиями. Материалы словарей свидетельствуют, что полотенца с наименованиями рассматриваемой группы использовали для вытирания рук, лица, посуды: «*Рукотёр — этим постоянно руки вытирали*» (НСО, Болотнинский район)²⁴, «*И лицо и посуду вытирали рукотёрником*» (НСО, Томская обл., Красноярский край)²⁵. «*Полотенце, которо лицо утирать, — то рукотельник — его тоненько ладили*» (АК, Тогульский район)²⁶.

Вторую группу составляют слова, образованные от глагола *утереть* (*утирать — вытирать*): *утирка, утирник, утирочка, утирище, утириш, утерка, утерник, утиральник*. Данный ряд слов соотносится с древнерусским названием полотенца — *убрус*, поскольку, по мнению М. Фасмера, его первоначальное значение — «утирка» — образовано от *бръснѣти, брысати*, что значит «тереть»²⁷. Утилитарное назначение полотенец данной группы подтверждают материалы словарей: «*Укатерт повешают вытираться*» (РА, Майминский район)²⁸, «*Мы полотенца тады не звали, укотерник — руки вытирать*» (АК, Тогульский район)²⁹.

Третью группу составляют наименования, обозначающие место расположения полотенца в доме. Названия предназначавшихся для икон полотенца *божник и набожник* происходят от слова *божница* — полочка для икон в «красном», как правило, восточном углу дома (рис. 1). Как свидетельствуют материалы словарей, так называли исключительно те полотенца, которыми накрывали иконы: «*Иконка у меня под божником*» (НСО)³⁰, «*Полотенце расшитое на иконе — набожник*» (АК, Угловский район)³¹.

Варианты *крюковник, крюшник, накрючник, наспичник, насписник, списник, наспичничек* образованы от слов *крюк* и *спица*, обозначающих вбитые в стену избы деревянные стержни, на которые развешивали полотенца (ср.: «накрючный — на крюку висящий»)³². При этом назначение по-

²³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1991. С. 109–113.

²⁴ СРНГ. Вып. 29. СПб., 1995. С. 255.

²⁵ СРГН. Вып. 35. СПб., 2001. С. 255.

²⁶ СРГА. Т. IV. Барнаул, 1998. С. 40.

²⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М., 2003. С. 144.

²⁸ СРГА. Т. IV. Барнаул, 1998. С. 175.

²⁹ СРГС. Т. 5. Новосибирск, 2006. С. 142.

³⁰ СРГС. Т. 1. Ч. 1. Новосибирск, 1999. С. 76.

³¹ СРГА Т. III. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 109.

³² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1989. С. 429.

Рис. 1. Красный угол в доме Е. Е. Беляновой 1927 г. р. Быстроистокский район, с. Новопокровка. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2007 г.

лотенца могло быть различным: для украшения стен во время свадебного обряда или календарных праздников, для вытирания лица, рук³³.

Ряд наименований полотенца происходит от названия материала, из которого изготовлено изделие. Древнерусские слова *плат* и *платок* исследователи обычно сближают со словом *полотно*³⁴ в значении «льняная ткань»³⁵. Вероятно, в эту же группу можно включить *платовье* и *полотник*. Происхождение слова «полотенце» М. Фасмер связывает с праславянским *polъno*, обозначающим «ткань», «одежда», «покрывало», «картина». В XI–XVII вв. слово *полотенце* употреблялось в четырех значениях: «льняная ткань тонкой выработки»; «кусок, штука льняной или какой-либо другой ткани тонкой выработки»; «изделие из ткани тонкой выработки, кусок льняной ткани различного назначения»; как «уменьш. к полотну»³⁶. Данные И. И. Срезневского также подтверждают, что слово «*полотьныце*» употре-

³³ СРНГ. Вып. 19. Л., 1983. С. 353; Вып. 20. Л., 1985. С. 184.

³⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 2003. С. 316.

³⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Т. 3. М., 1958. С. 1138.

³⁶ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 246.

блялось как уменьшительное от слова *полотно* — ткань льняная³⁷. *Полотенец, полотенчик, полотьельненцо, полотенец, полотенечко, полотенушко, полотеньшко, полотёньшко, полотенчико* представляют собой словообразовательные варианты от слова *полотенец*.

Таким образом, лексику тематической группы «полотенец» отличает отсутствие заимствований из других языков и прозрачность внутренней формы слов, исходя из которой представляется возможным определить этимологию большинства наименований. Так, происхождение названий второй, третьей и большей части первой групп связано с конкретизацией функций полотенца, четвертой — с определением материала, использовавшегося для их изготовления. Не решенным в полной мере остается вопрос этимологии названий *ручник* и *рушник*.

В конце XIX в. — 1970-х гг., согласно данным словарей диалектной лексики, употребление некоторых названий полотенца в живой речи характеризовалось отсутствием жесткой связи между семантикой слова и способом использования предмета. Наименования *плат, полотенец, накрючник, рукотёрт, ручник/рушник, утирка* употреблялись по отношению к полотенцам, выполнявшим разные функции (бытовые, декоративные, обрядовые). Многозначность этих названий, вероятно, является результатом развития их значения во времени и обусловлена изменениями, происходившими в культуре: «*Накрючником* называли прежде самое лучшее расшитое полотенце. Невеста вешала его на крюк в хате жениха. Старый свадебный обычай оставлен, и теперь *накрючником* называют любое полотенце» (Орловская губ.)³⁸. При этом использование одного и того же названия применительно к предметам разного назначения имеет как региональные, так и диалектные особенности. Например, *утирками* «русские» переселенцы юга Западной Сибири (НСО, АК) называли нарядные вышитые полотенца для украшения стен, углов с иконами, полотенца для лица и рук и тряпки из грубого холста для хозяйственных надобностей³⁹. *Рукотёртом* в Забайкалье называли полотенце для украшения иконы⁴⁰, а в Алтайском крае — для повседневного использования⁴¹.

Приведенные наименования полотенца имели различную степень распространения в русских говорах (приложение, табл. 2). Среди них выделяются общеупотребительные и локальные варианты.

Из 56 наименований тематической группы «полотенец», зафиксированных в СРНГ, повсеместно распространенными являлись *накрючник*,

³⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Т. 3. М., 1958. С. 1138.

³⁸ СРНГ. Вып. 19. Л., 1983. С. 353.

³⁹ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. С. 559.

⁴⁰ СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 256.

⁴¹ СРГА. Т. IV. Барнаул, 1998. С. 40.

ручник/рушник (последнее с преобладанием в южных губерниях). При этом для вариантов *ручник/рушник* в словаре приведено более всего контекстов, указывающих на место распространения названий: 58 – на всей территории Российской Федерации, 24 – в границах северного, южного наречия и среднерусских говоров на территории Европейской России (сравн.: *накрючник* – 10), что позволяет определить его как наиболее распространенное.

Для севернорусского наречия характерны 30 вариантов наименований, из которых 11 бытовали в рассматриваемый период только у русского населения северных областей (губерний) России: *наспичник, пелена, перебирка, платовье, полка, полотенушко, полотенышко, полотенок, рукодельник, списник, рукотёрщик* (приложение, табл. 1).

Говорам среднерусской полосы известны 19 наименований полотенца, из которых слово *полотник* бытовало только во Владимирской губернии, варианты *рукотёртик* и *рукотерщик* – в Новгородской губернии.

В границах распространения южнорусского наречия зафиксировано 12 наименований полотенца, три из которых не употреблялись в севернорусских губерниях и среднерусской полосе России: *божник, рушничок, рушничочек* (приложение, табл. 1).

Среди наименований полотенца, бытовавших в рассматриваемый период в диалектах русского населения Урала, помимо повсеместно распространенных, преобладали варианты, характерные для северного наречия и среднерусских говоров. Это обусловлено спецификой заселения Приуралья русскими с Севера, из центральных областей России и из Поволжья⁴².

Переселяясь в Сибирь, русские крестьяне принесли с собой не только традиции материальной и духовной культуры, но также диалектную речь, характерную для районов их прежнего проживания. По мнению лингвистов, большинство слов с «предметным» значением в русских говорах Сибири унаследовано из говоров русского языка Европейской России. Учитывая это, можно предположить, что предпочтения в употреблении наименований полотенца русским населением Алтая связано с местом выхода переселенцев.

Для анализа лексики тематической группы «полотенце» в говорах Алтая наряду с СРНГ привлечены «Словарь русских говоров Сибири» и узко-региональные словари⁴³, которые позволяют использовать диалектологический лексический материал сибирских регионов, накопленный исследо-

⁴² Русские: история и этнография / под ред. И. В. Власовой, В. А. Тишкова. М., 2008. С. 63.

⁴³ СРГС. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006; СРГА. Т. I–IV. Барнаул, 1993–1998; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Т. 1–3. Томск, 1964–1967; Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

вателями, но не вошедший в «Словарь русских народных говоров», а также данные учетной документации музеев региона.

В «Словаре русских говоров Алтая» приведено 18 вариантов наименования полотенца, используемых в диалектной речи русского населения Алтая в 1970-е гг.: *моховик, набожник, накрюшник, плат, подзор, полотенец, полотенчик, рукотельник, рукотёр, рукотёрник, рукотёрт, рукотёрка, ручник, стеновое полотенце, укатёрт/укутёрт, утирка, утирник, утирочка*. При сборе лингвистического материала для словаря филологами было обследовано 23 района (из 60, существовавших на 1 января 1997 г.) Алтайского края и два – Республики Алтай.

Согласно данным словаря, из наименований, повсеместно распространенных на территории Европейской России и Урала, на Алтае в XX в. бытовало только название *ручник* (приложение, табл. 2). Слово *накрюшник* претерпело изменение, характерное для говоров русского старожильского населения Алтая: замену [ч] на [ш]⁴⁴ – и стало употребляться в фонетическом оформлении как *накрюшник*. Еще одно наименование с широким ареалом распространения на территории России – *рушник* не включено составителями в СРГА, как заимствованное из украинского языка. Действительно, среди районов распространения слова *рушник* преобладали южнорусские губернии (некоторые из них со смешанным русско-украинским населением), например Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская. Однако использование варианта *рушник* в речи носителей северного наречия (Олонецкая, Вологодская, Ярославская губ.) и среднерусских говоров (Тверская, Новгородская губ.)⁴⁵, а также старожилов Сибири⁴⁶ противоречит мнению о заимствовании этого слова из украинского языка.

Варианты *рукотельник, рукотёр, рукотёрник, рукотёрт*⁴⁷, распространенные в северных, среднерусских губерниях Европейской России и на Урале, вероятно, были принесены на Алтай переселенцами XVIII – первой половины XIX в. Они употреблялись большей частью в районах первоначального заселения территории Алтая – современных Тогульском, Ельцовском, Павловском, Ребрихинском, Кытмановском, Советском районах и в предгорных районах Алтайского края: Чарышском (с. Чарышское, с. Малый Башчелак), Солонешенском (с. Топольное), Алтайском (с. Ая, АГКМ 16895/4). Также широко эти наименования употреблялись русскими Беловского, Прокопьевского, Яшкинского районов Кемеровской области; Мош-

⁴⁴ Байрамова Т. Ф., Луппова Г. П., Сенина В. Я. Русские говоры Алтая: хрестоматия. Бийск, 1991. С. 8.

⁴⁵ СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 283–284.

⁴⁶ Среднеобский словарь (дополнение к «Словарю русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби»). Ч. 1. Томск, 1983. С. 100.

⁴⁷ Наименование *рукотёрт* фиксируется также в Рязанской губернии. СРНГ. Вып. 35. СПб, 2001. С. 256.

ковского, Маслянинского, Сузунского, Коченевского, Тогучинского (НГКМ 19927/108) районов Новосибирской области⁴⁸ (карта 1).

Наименование *полотенец*, известное по южнорусскому наречию и среднерусским говорам, в Сибири зафиксировано филологами в Кольванском районе Новосибирской области⁴⁹ и в Косихинском, Кытмановском, Славгородском, Солонешенском, Табунском, Третьяковском, Усть-Калманском районах Алтайского края⁵⁰ (карта 1). Перечисленные лексемы: *полотенец*, *ручник*, *рукотельник*, *рукотёр*, *рукотёрт*, *рукотёрник* – характерны также для русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби⁵¹.

Название *рукотёрка*, бытовавшее только в Карелии (северное наречие)⁵², получило распространение на Урале и в Сибири (Омская, Кемеровская, Томская обл., Красноярский край), в том числе в Маслянинском и Ордынском районах Новосибирской области и старожильческих районах (Краснощековском, Сорокинском, Косихинском) Алтайского края.

Название *плат*, присущее русским говорам Сибири XVII – первой половины XVIII в., в региональных словарях, составленных преимущественно по материалам второй половины XX в., не встречается. Исключение составляет СРГА, где наименование *плат* помечено как бытовавшее в Ельцовском районе Алтайского края: *плат* – вышитое полотенце⁵³. Единичное упоминание этого варианта свидетельствует о его исчезновении из диалектной речи в качестве обозначения полотенца уже ко второй половине XX в.

Бытование слова *утирка* зафиксировано лингвистами в селах Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской (карта 1), Омской и Томской областей⁵⁴. Однако сопоставить степень его распространения в Сибири с районами Европейской России по данным словарей диалектной лексики не представляется возможным, поскольку в словаре В. И. Даля слова *утирка*, *утирочка*, *утирник* приведены без указаний на их распространение, а соответствующий выпуск СРНГ не издан. Об использовании слов *укатёрт*/*укутёрт*, *укотерник*/*укотёрник* в Европейской России сведений нет, в Сибири первое известно только на Алтае (Алтайский и Майминский районы), второе бытовало также в Красноярском крае, Томской и Кемеровской областях⁵⁵.

⁴⁸ СРГС. Т. 4. Новосибирск, 2005. С. 192–196; Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. С. 476–477.

⁴⁹ СРГС. Т. 3. Новосибирск, 2002. С. 362.

⁵⁰ СРГА. Т. III. Ч. 2. Барнаул, 1997. С. 121.

⁵¹ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Т. 3. Томск, 1967. С. 114.

⁵² СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 255.

⁵³ СРГА. Т. III. Ч. 2. Барнаул, 1997. С. 65.

⁵⁴ СРГС. Т. 5. Новосибирск, 2006. С. 174.

⁵⁵ Там же, с. 142.

Таким образом, согласно материалам словарей и данным учетной документации музеев, в говорах русского населения Алтая в XX в. были распространены следующие наименования полотенец: 1) повсеместно распространенное название *ручник*; 2) характерные для северного наречия и среднерусских говоров: *рукотельник*, *рукотёр*, *рукотёрник*, *рукотёрка*, *плат*; 3) характерные для южного наречия и среднерусских говоров: *полотенец*, *набожник*; бытовавшее на севере Европейской России и в Рязанской губернии название *рукотёрт*; 4) *утирка*, *утирник*, *утирочка* – слова, распространение которых в районах Европейской России не установлено. Перечисленные названия преимущественно сохраняли в речи русского населения Алтая значение, характерное для материнских говоров Европейской России и, за исключением варианта *полотенец*, широко употреблялись в других регионах Сибири.

Составителями СРГА и этнографами на Алтае были зафиксированы не встречающиеся в других регионах диалектные варианты названия полотенца: *моховик/маховик*, *стеновое полотенце*, *стеновой платок*, *стеновой плат*, а также *подзор*, использовавшееся в значении «нарядное полотенце, которым украшали иконы». Распространение данных наименований на территории Алтая локализуется географически и имеет этнографическую специфику (карта 1). Так, в отношении *подзора* информант, проживающий в с. Моховское Алейского района, пояснил: «*подзор* – это у курских⁵⁶ короткие полотенца на иконах». В других районах это название не встречается.

Слово *маховик* впервые упоминает Н. И. Лебедева в публикации «Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири». Исследовательница отмечает использование *замахного (маховика) полотенца* с одним широким украшенным концом в качестве подарка дружке во время русской свадьбы в горных районах Алтайского округа⁵⁷. В более поздней своей публикации Н. И. Лебедева, вновь обращаясь к теме свадебных даров, указывает в числе районов использования наименования *маховик* наряду с Алтаем Европейский Север России и Притоболье⁵⁸. Однако данными используемых в работе словарей эта информация не подтверждается.

На Алтае *моховиками* называли вышитые полотенца в Майминском районе (ныне Республика Алтай): «Помню, вышитые полотенца „моховики“ называли и в горницу вместо штор вешали, и к зеркалу вешали»⁵⁹.

⁵⁶ Курские – этнографическая группа русских переселенцев конца XIX – начала XX в. из Курской губернии.

⁵⁷ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 113.

⁵⁸ Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 241.

⁵⁹ СРГА. Т. III. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 92.

Рис. 2. Фрагмент стенового полотенца — моховик. Республика Алтай.
НМРА 19

Моховиком/маховиком «на бархатной основе» назван широкий наконечник для стенового полотенца Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки, приобретенный в с. Катанда (БКМ 4380, ш. 78 см)⁶⁰. В коллекции Алтайского краевого краеведческого музея имеется «моховик» — конец полотенца «под зеркало», выполненный в начале XX в. П. И. Ложкаревой (из староверов) в с. Ая (АГКМ НВФ 6349/1). Учитывая сведения об авторстве, а также характер орнамента наконечников (ковровое и узорное ткачество, вязание на вилке, вышивка в технике «набор»), можно с уверенностью сказать, что наименование *маховик/моховик* использовали русские старожилы-старообрядцы (кержаки) горных районов Алтайского округа применительно к полотенцам декоративного назначения и их фрагментам — наконечникам (рис. 2).

Более распространенным названием полотенец, служащих для украшения стен дома, у русского населения Алтая является вариант *стеновые полотенца*: «Полотенца расшивали, стеновые полотенца назывались»⁶¹. По данным СРГА, это словосочетание употреблялось населением Алейского, Павловского, Солонешенского районов Алтайского края, Усть-Коксинского района Республики Алтай (рис. 3). В СРНГ приведен иллюстративный текст к лексеме *полотенце*, записанный в Новосибирской области (р. п. Сузун): «стеновые полотенца были раньше, ими не утирались, а для красы на стену вешали»⁶². Дополнительный материал о распространении наименования *стеновое полотенце* дает учетная документация музе-

⁶⁰ Картотека Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки. ОФ 4380.

⁶¹ СРГА. Т. IV. Барнаул, 1998. С. 123.

⁶² СРНГ. Вып. 29. СПб., 1995. С. 121.

Рис. 3. Стеновое полотенце. Усть-Коксинский район, с. Тихонькая. НМРА 51

ев. Так, в музейных собраниях хранятся *стенные полотенца* и их фрагменты из с. Староалейское Третьяковского района (АГКМ 16186/1, 16188/1), с. Нижнекаменка (АГКМ 16802/2), с. Ая (АГКМ 16895/3) Алтайского района, с. Топольное (БКМ 6089), с. Сибирячиха (БКМ 9283, 11859; МИКНС СО РАН 1673) Солонешенского района Алтайского края, с. Верхний Уймон (МИКНС СО РАН 1657; НМРА 121, 122, 1003), с. Усть-Кокса (МИКНС СО РАН 1743; БКМ 2798; цв. ил. 9), с. Мульта (НМРА 1134), с. Тихонькая (НМРА 51) Республики Алтай.

Названия *стенной платок*, *стенной плат* также использовались только на Алтае. Согласно данным Е. Э. Бломквист, *стенными платка-*

ми называли полотенца русские крестьяне Бухтарминской долины и уймонские каменщики⁶³. В учетной документации музеев названия *платок* и *стеновой платок* используются применительно к полотенцам, изготовленным в селах Сенное Катон-Карагайского (МИКНС СО РАН 1707, 1709), Александровка (МИКНС СО РАН 1706, 1708) Зырянковского районов Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (МИКНС СО РАН 1710)⁶⁴ и Усть-Коксинского района Республики Алтай (НМРА 699/39). В документации Шемонаихинского историко-краеведческого музея *стеновыми платками* названы полотенца, приобретенные в селах со значительным процентом «поляцкого» населения: Верх-Убинском, Стеклянке, Большой Речке ВКО РК.

Таким образом, локально распространенные в пределах Алтая наименования полотенца использовались русскими старожилами, преимущественно старообрядцами, для предметов, украшавших жилище. *Стеновыми платками* называли полотенца уймонские и бухтарминские старообрядцы, *стеновыми платами* — «поляки», *стеновыми полотенцами* — старожилы многих сел Алтая, *моховиками/маховиками* — кержаки предгорных и горных районов Алтая. На территории современной Новосибирской области также зафиксированы наименования, не встречающиеся в других регионах России: *настольник* — полотенце с кистями (Ордынский район)⁶⁵, *посудник, чайно полотенце* — полотенца для посуды (Сузунский район)⁶⁶.

Оценить широту бытования наименований полотенца на современном этапе представляется возможным на основе полевых материалов, собранных автором в 17 районах Алтайского края, и результатов анкетирования по теме исследования. В 2001–2010 гг. было выявлено, что в быденном речевом общении русского сельского населения 1899–1937 гг. р. Бийского, Быстроистокского, Волчихинского, Зонального, Кытмановского, Мамонтовского, Павловского, Первомайского, Поспелихинского, Романовского, Солонешенского, Тальменского, Тогульского, Третьяковского, Усть-Калманского, Чарышского, Шелаболихинского районов Алтайского края встречаются следующие наименования: *божник, полотенце, полотенчик, полотенец, рукотёрт, рушник, ручник, утирка*. Не были зафиксированы в речи информантов вошедшие в «Словарь русских говоров Алтая» слова *моховик, набожник, накрюшник, плат, подзор, рукотельник, рукотёр, рукотёрник, рукотёрка, укатёрт, укотёрник, утирник, стеновое полотенце*. Отчасти это объясняется различным территориальным охватом в ходе сбора материала, локальным бытованием отдельных названий, а также

⁶³ СРНГ. Вып. 29. СПб., 1995. С. 403.

⁶⁴ Сборы Л. М. Русаковой в селах Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан в 1978 г.

⁶⁵ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. С. 325.

⁶⁶ Там же, с. 425.

разницей в этнографическом и возрастном составе информантов. Известно, что в ходе диалектологических экспедиций БГПИ предпочтение отдавалось опросу информантов из числа старожильческого населения Алтая: «поляков», кержаков, сибиряков 1880–1910 гг. р. В рамках полевых исследований автора значительную долю опрошенных (1899–1953 гг. р.) составили «российские» переселенцы.

В различных селах отмечается особый набор доминирующих вариантов названий полотенца, что объясняется этнографическим составом населения и соответственно бытующими говорами. Так, потомки южнорусских переселенцев (преимущественно Воронежская губ.) сел Михайловка и Васильевка Усть-Калманского района в настоящее время продолжают использовать наименования, характерные для южного наречия: *утирка*, *полотенец*⁶⁷. В с. Екатерининском Третьяковского района проживают потомки чалдонов, «поляков» и южнорусских переселенцев, которые употребляют и северно-, и южнорусские названия: *рукотёрт*, *полотенец*, *рушник*⁶⁸. Потомки южнорусских переселенцев, проживающие в селах Романовского района в соседстве с «хохлами», полотенца называют *рушниками* и *божниками*⁶⁹. Картографирование наименований полотенца показало, что наибольшее число вариантов использовалось в речи русского сельского населения предгорных и горных районов современного Алтайского края, на территории которых проживают потомки различных групп старожилов (кержаков, «поляков», сибиряков-старожилов, казаков) и переселенцев (карта 1).

Во всех обследованных населенных пунктах наиболее распространенным является общерусское название – *полотенец*. В речи потомков старожилов оно составило 44%, переселенцев – 38% от общего числа используемых названий. Литературное слово *полотенец* используется в настоящее время по отношению к предметам независимо от их назначения и часто одновременно с использованием других – диалектных – названий.

Вторым по широте употребления является слово *полотенец*. У потомков старожилов оно составляет 39%, переселенцев – 19% от общего числа используемых понятий. В «Словаре русских народных говоров» оно приведено как одно из самых распространенных в центральных, южных областях Европейской России, на Урале и в Сибири. В настоящее время название *полотенец* используется применительно к традиционным предметам домашнего изготовления различного назначения, а также к современным фабричным изделиям в селах Бийского, Быстроистокского, Кытмановского, Шелаболихинского, Поспелихинского, Чарышского, Третьяковского, Усть-Калманского районов Алтайского края (карта 1).

⁶⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА. 2004, 2006 гг.

⁶⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Бондарева И. И. 1920 г. р.

⁶⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район.

Распространенное прежде повсеместно (в большей степени в южно-русских губерниях Европейской России) название *рушник* употребляется на Алтае потомками украинских и «российских» переселенцев, а также старожилов-«поляков» преимущественно для обозначения орнаментированных предметов декоративного назначения. По словам информантов, *рушником* называют полотенца «российские» и «хохлы»⁷⁰. У «поляков» наименование *рушник* широкое распространение получило в селах современного Третьяковского района Алтайского края⁷¹ и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан⁷². Распространенность термина *рушник* у русского и украинского народов объясняется близостью культуры южно-русских переселенцев и украинцев. Говор «поляков» также имеет «южную основу», приобретенную во многом благодаря проживанию на территории Черниговской и Гомельской губерний (современные республики Украина и Белоруссия). В единичных случаях понятие *рушник* используют потомки старожилов, однако это отмечается в селах со смешанным этнографическим составом и является скорее заимствованием, нежели сохранением языковой традиции, принесенной из северных или центральных губерний Европейской России.

Наименование *утирка* употребляется в обследованных селах потомками российских переселенцев и составляет 25% от общего числа используемых ими названий полотенец. При этом информанты из числа старожилов и из числа переселенцев однозначно подчеркивают употребление этого слова последними: *«Сибиряки — здесь урожденные, они не называли утирками. А утирками называли — приехали, значит, оттуда, из России: из Тамбовской, Воронежской области»*⁷³. При этом на Алтае *утирками* называли полотенца утилитарного, обрядового и декоративного назначения: *«Полотенца на зеркало, на икону российские называли „утирка“»*⁷⁴; *«Раньше утирки вышивали, развешивали на стены»*⁷⁵. В настоящее время *утирками* называют преимущественно предметы бытового назначения, чаще — для вытирания посуды.

Бытование названия *божник*, распространенного в южнорусских губерниях России, в ходе экспедиций отмечено в Бийском, Романовском,

⁷⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.; Скопинцева А. П. 1930 г. р.

⁷¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, сс. Шипуниха, Екатерининское, Староалейское.

⁷² Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004.

⁷³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Скопинцева А. П. 1930 г. р.

⁷⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Маралиха, Белозерских А. Р. 1928 г. р.

⁷⁵ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА 2003 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

Волчихинском районах Алтайского края. Материалы полевых исследований 2010 г. среди «хохлов» в селах Романово и Дубровино Романовского района дают основания полагать, что слово *божник* сохранилось в большей степени в речи потомков украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. из Полтавской и Черниговской губерний, нежели южнорусских переселенцев. Основной причиной, вероятно, может быть способ орнаментации полотенец для икон – *божников*, отличающих их от *рушников* другого назначения. Помимо украшенных концов, на *божнике* вдоль одного продольного края полотна располагалась узкая кайма вышивки (рис. 4). В то же время в коллекции АГКМ имеются *божники* переселенцев-украинцев из Черниговской губернии, проживающих в с. Староглушинка Заринского района (АГКМ 17331/3, 17332/1), орнаментированные, как обычные *рушники*, с двух концов (рис. 5).

Полевые материалы свидетельствуют о распространении слова *рукотёрт* в речи разных групп старожилческого населения Алтайского края: чалдонов (Каменский, Шелаболихинский, Третьяковский районы), казаков (Быстроистокский, Чарышский районы), кержаков (Чарышский, Усть-Калманский и другие районы). При этом информанты подчеркивают очевидную для них разницу в названии полотенца переселенцами и старожилами: «...россейские называли рушником, а сибиряки рукотёртом звали»⁷⁶. Следовательно, название *рукотёрт*, характерное для северорусского наречия, было принесено на Алтай русскими крестьянами с севера Европейской России и (или) Урала и сохранилось в речи их потомков до настоящего времени.

Рис. 4. Божник. Начало XX в.
Каменский район. ККМ

⁷⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

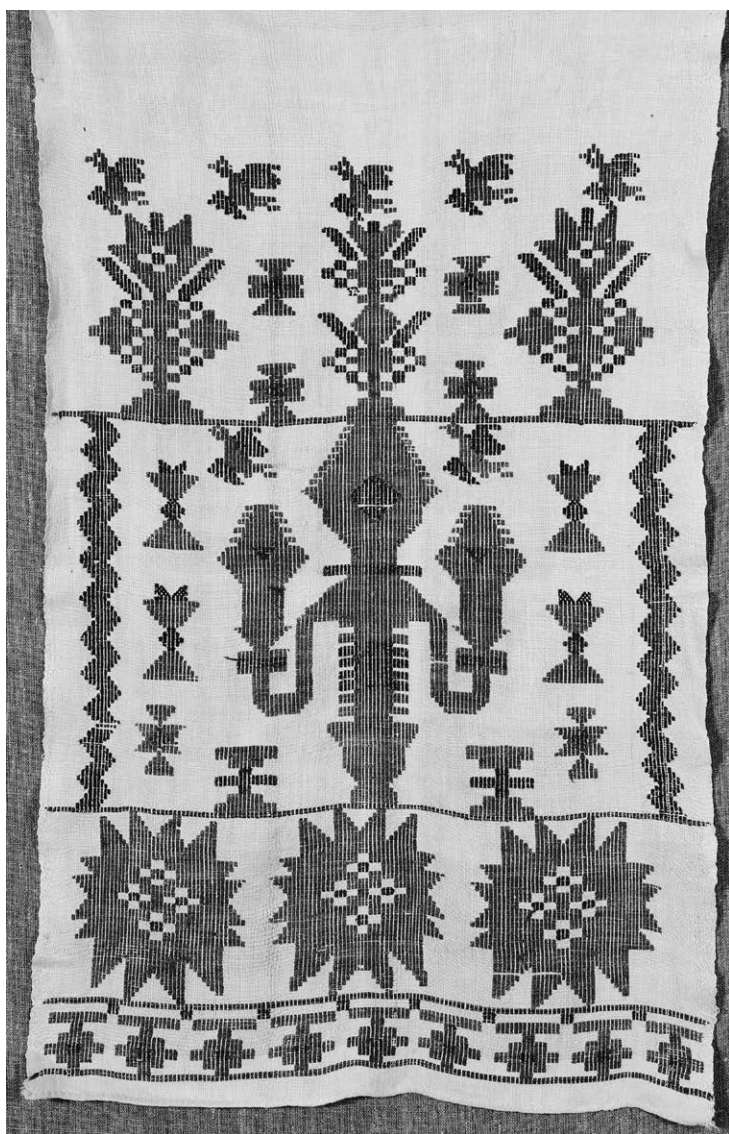

Рис. 5. Божник. Заринский район, с. Староглушинка. АГКМ 17331/3

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. в речи русского населения Алтая 1899–1937 гг. продолжают использоваться диалектные варианты названий полотенца, большая часть которых характерна для русских говоров Европейской России. Рассмотрение лексики показывает устойчивость культурных и языковых традиций этнографических групп старожилов и переселенцев Алтая, принесенных из районов прежнего проживания и сохранявшихся на протяжении столетия. В то же время в речи информантов отмечается тенденция к замещению литературным вариантом *полотенце* рас-

пространенных ранее названий. Процесс замещения диалектных названий литературным словом также отражен в словарях: «Раньше не звали *полотенце*, *рукотёрт* говорили» (НСО)⁷⁷; «Мы *полотенцы* тады не звали, *укотёрник* – руки вытирать» (Алтай)⁷⁸; «У вас *полотенце* – а у нас *рукотёр*» (Алтай)⁷⁹; «*Полотенцем* сейчас все зовут, а раньше – у нас *рукотёрт*, у тамбовских – *утиральник*»⁸⁰.

О современной ситуации с использованием диалектных названий полотенец представителями среднего и молодого поколений можно судить по результатам анкетирования, проведенного в 2006–2007 гг. среди студентов исторического факультета БГПУ (ныне АлтГПА), родившихся в 1968–1988 гг. в сельских населенных пунктах Алтайского края (30 районов). Всего получено 65 анкет. Из предложенных в анкете 58 названий полотенец все анкетированные не знают значения слов: *крюшник*, *насписник*, *насписничек*, *укотерник*. 99% всех опрашиваемых не знают значения слов: *рукотёрничек*, *рукотерник*, *рукотёрт*, *рукотёртик*, *рукотертник*, *рукотершник*, *рукотёршник*, *рукотерищик*, *рукотёрщик*, *рукотиник*, *рукотирник*. Девять лексических единиц респондентам известны, но никогда не употребляются в речи: *божник*, *моховик*, *накрючник*, *наспичник*, *плат*, *рукотёр*, *укатерт*, *утирка*, *утирник*. При этом в качестве источника знаний на первом месте – речь родителей и дедов (преимущественно бабушек), затем – литература, учебные курсы. В графе «знаю и употребляю слово» отмечено всего 26 лексических единиц, в том числе 11 уменьшительно-ласкательных вариантов. Общеупотребительными являются слова *полотенце* (97% от общего числа респондентов), *полка* (92%), *полотно* (88%), *полотнище* (66%). Однако употребление слов *полка*, *полотно* и *полотнище* в значении «полотенце» респондентам не известно. Эти слова используются в современном литературном значении. Слова *моховик* и *ручник* получили определение как технические термины. Слово *набожник* употребляется в значении «набожный, верующий человек». Таким образом, самым распространенным является наименование *полотенце*. Наряду с ним 35% анкетированных используют название *полотенец*. Из уменьшительно-ласкательных вариантов слова *полотенце* преобладают *полотенчик* (38%), *полотенчико* (12%).

Особый интерес представляет сравнение результатов анкетирования респондентов 1968–1988 гг. р. с данными СРГА (информанты 1880–1920-х гг. р.). Так, в пассивный лексический словарь этой возрастной

⁷⁷ Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. С. 477.

⁷⁸ СРГС. Т. 5. Новосибирск, 2006. С. 142.

⁷⁹ СРГА. Т. III. Ч. 2. Барнаул, 1997. С. 40.

⁸⁰ Перминова А. К. 1911 г. р. Цит. по: Словарь говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края (материалы для сводного словаря) // Русские говоры на Алтае. Барнаул, 1977. С. 89.

группы перешли ранее широко употребляемые на Алтае слова: *накрючник*, *рукотельник*, *рукотёр*, *рукотёрник*, *рукотёрт*, *рукотёрка*, *стенное полотенце*, *утирка*, *утирник*. Просматривается тенденция к сокращению использования наименований: *полотенец* (по 35% в активном и пассивном слове), *рушник* (6% и 46% соответственно), *стенное полотенце* (6% и 23%). Наименования *моховик*, *набожник*, *плат* употребляются в других значениях. Слово *укотерник* респондентам неизвестно.

Проведенное исследование показало, что основная часть употребляемых в речи русского населения Алтая наименований полотенец сложилась в рамках северного, южного наречий и среднерусских говоров. Переселившись на Алтай, русские крестьяне продолжали изготавливать и использовать полотенца согласно традициям, распространенным в местах их прежнего проживания, и употреблять привычные для тех мест наименования с частичным сохранением их семантики, обусловленной материалом и назначением. Возникновение особых вариантов названий полотенца в старожильческих селах Алтая связано с формированием локальных особенностей в их орнаментации и использовании.

До конца XX в. в речи сельского населения сохранялись многие названия полотенец: общерусские, локально распространенные в материнских говорах и возникшие на Алтае, что позволило исследователям их зафиксировать. В настоящее время диалектные варианты наименования полотенца продолжают использоваться старшим поколением сельского населения. Речи среднего и молодого поколений свойственно употребление литературного слова *полотенце* при сохранении знания (в пассивном слове) диалектных названий, употреблявшихся дедами и родителями или часто встречающихся в литературе. Устойчивая тенденция современности к замещению диалектных названий полотенца литературным вариантом в речи сельского населения Алтая объясняется прежде всего сокращением обрядовой и декоративной функций полотенца, заменой предметов ручного производства фабричными изделиями со стандартными наименованиями (*махровое*, *банное*, *кухонное полотенце*).

1.2. Полотенце в быту и интерьере жилища русского сельского населения Алтая

В традиционной крестьянской культуре русских жилище обладало самостоятельным символическим значением, так как создавалось и обживалось в условиях особой социальной и природной среды в соответствии с художественными, знаковыми, религиозными и этническими представлениями его владельцев. В стенах дома протекала повседневная жизнь крестьянской семьи, осуществлялись процессы социализации, усвоения и сохранения традиций. Именно крестьянский дом являлся тем местом, где во всей полноте проявлялись различные функции полотенца: утилитар-

ная, обрядовая, знаковая, декоративная. При этом время, место, способ использования полотенец четко регламентировались традицией, не исключавшей наличие локальной и этнографической специфики.

Полотенце в быту

В быту русского сельского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в. для вытирания лица, рук и посуды использовали полотенца, изготовленные в домашних условиях из льняного или конопляного холста. Согласно данным полевых исследований, для вытирания тела полотенца в народной среде стали применять достаточно поздно (не ранее середины XX в.): «А в баню отродясь с полотенцами не ходили»⁸¹. Во всех словарях также находим только одно указание на такое назначение: «Мылись мы вихоткой, потома вытирались утиркой и домой бежали сразу на койку» (Благовещенский район)⁸². С 1950-х гг. в обиход входят полотенца фабричного производства или изготовленные из фабричной хлопчатобумажной или льняной «полотенечной» ткани. Нередко вместо полотенец женщины использовали для вытирания рук и посуды тряпки – фрагменты изношенной одежды, скатертей и пр.

Среди названий полотенец утилитарного назначения на Алтае преобладают варианты первой и второй групп, происхождение которых связано с утилитарной функцией: *утирка, ручник, рукотёр, рукотёрник, рукотёрт, рукотёрка*, а также слова третьей группы: *полотенец, полотенце* (см. раздел 1.1). В селах Алтая, как и других регионов Сибири, для лица и рук использовали разные полотенца. При этом повсеместно отмечают различия в их наименовании. Варианты с корнем «рук» и «руч» обозначали в селах Алтая большей частью полотенца для рук: «...вытирали руки мы *рукотёрником*»⁸³ (Ельцовский район); «*Ручник* – руки вытирать»⁸⁴. В музейной документации использование *рукотера* для вытирания рук в первой трети XX в. отмечено у старообрядцев с. Ая Алтайского района (АГКМ 16895/4). В некоторых селах *рукотёром* или *рукотёртом* называли полотенца, предназначавшиеся как для рук, так и для посуды (АГКМ 15966/5, Каменский район АК; НГКМ 19927/108, Тогучинский район НСО; с. Топольное, Солонешенский район⁸⁵, с. Киприно, Шелаболихинский район⁸⁶ АК). Только бухтарминские крестьяне *рукотёртами* называли полотенца для украшения стен.

⁸¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Иня. Пройдакова Н. И. 1936 г. р.

⁸² СРГА. Т. 4. Барнаул, 1998. С. 183.

⁸³ Там же, с. 40.

⁸⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Малый Башелак. Комарова М. Н. 1922 г. р.

⁸⁵ СРГА. Т. 4. Барнаул, 1998. С. 40.

⁸⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно.

Для вытирания лица использовали *полотенца*: «Руки вытираем – *рукотерник*, а *полотенцем* лицо вытирали»⁸⁷; «Вытираются *полотенцем*, это как почище, а убираешься, как всегда, надо руки вытереть – это *рукотёрт*» (Кемеровская обл.)⁸⁸. Видимо, использование слова *полотенце* по отношению к предметам для вытирания лица объясняется качеством ткани, из которой оно изготавливалось, – «льняная ткань тонкой выработки»⁸⁹, в отличие от холстяных *рукотеров*, *рукотёртов* и т. п.

В среде российских переселенцев, несмотря на разделение полотенцев по назначению, не существовало строгого разграничения в их наименовании. *Полотенцами* (ед. ч. *полотенец*) называли предметы декоративного назначения и для вытирания лица, а *утирками* – не только собственно полотенца, но и «тряпки» для хозяйственных нужд. Для последних в среде воронежских переселенцев существовало особое название – *лохмот*⁹⁰.

Полотенцам утилитарного назначения в жилище русского сельского населения Алтая не было отведено определенного места. Посетивший Алтайский горный округ в 1826 г. К. Ф. Ледебур при описании интерьера жилища крестьян д. Бутаковой отмечал: «Стол покрыт белой скатертью, без которой не подают на стол, и где-нибудь всегда висит чистое полотенце»⁹¹. Если в доме был рукомойник, около него вешали полотенце для вытирания лица (рис. 6). *Рукотёры* и *рукотёрты* хозяйки хранили в удобном, но не видном для посторонних месте. Полотенца утилитарного назначения меняли на чистые по мере необходимости. Если в семье было несколько снох, то понедельно использовали полотенца каждой из них в зависимости от того, чья неделя была «стряпчая»⁹².

Полотенцем для лица пользовались всей семьей независимо от числа ее членов. Эта традиция породила своего рода «легенду» о нерадивой снохе, записанную в старожильческих селах: «*Вышла девка замуж, а ленивато была. Утром встанет, полотенце мокрый – давно-то одним полотенцем все вытирались. Пришла проведовать ее родна мама, а та ей жалуется, что она каждый день мокрым полотенцем вытирается в мужнином дому. Пожалела дочку мать: «Мила ты моя, вставай пораньше, полотенце-то сухонький и будет»*»⁹³.

⁸⁷ СРНГ. Вып. 35. СПб, 2001. С. 255.

⁸⁸ СРНГ. Вып. 35. СПб, 2001. С. 256.

⁸⁹ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 246.

⁹⁰ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка.

⁹¹ Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи, Новосибирск, 1993. С. 39.

⁹² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район; ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, Третьяковский район.

⁹³ Кучуганова Р. П. Мудрость уймонских старцев. Новосибирск, 2008. С. 60; Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Скопинцева А. П. 1930 г. р.

Рис. 6. Рукомойник и полотенце.

Фрагмент экспозиции историко-краеведческого музея АлтГПА. 2013 г.

Среди хранящихся в музейных собраниях полотенец бытового назначения преобладают предметы, изготовленные в домашних условиях из льняного холста, сотканного в технике простого полотняного переплетения. Сырьем для прядения служили, как правило, пачеси или изгребья. В результате сотканный из них холст не отличался высоким качеством: был грубым, толстым, а также рыхлым в силу редкого переплетения нитей основы и утка (14–17 нитей основы на 11–18 нитей утка). Его белению не

придавалось особого значения. Представляется, что белеными были лишь те полотенца бытового назначения, которые были сшиты из остатков качественного льняного или хлопчатобумажного домотканого полотна, предназначенного для других целей. Края таких полотенцев часто подгибали и подшивали ручным или машинным швом. Но наиболее распространенным способом обработки и украшения полотенцев бытового назначения являлось оформление узких поперечных сторон полотенца мелкими кистями из распущенных нитей основы (шир. 0,5–2 см).

Музейные материалы свидетельствуют также, что для бытовых полотенцев холст специально не ткали. Для этого использовали полотно, сотканное для рубах, орнаментированных полотенцев или скатертей. Возможно, это были остатки полотна, поскольку длина полотенцев бытового назначения колеблется в пределах 80–217 см при преобладающей 120–160 см. Об этом свидетельствует и разная ширина бытовых полотенцев: от 35 до 42 см. Известно, что 35–37 см – это преобладающая ширина полотенцев декоративного и ритуального назначения. Несколько предметов утилитарного назначения из рассматриваемых коллекций изготовлены из полотна в технике многоремизного ткачества, характерной прежде всего для скатертей. Музейная документация свидетельствует, что такие полотенца как шили из остатков полотна, так и перешивали из вышедших из употребления скатертей (ИКМ АлтГПА 933).

Полотенца бытового назначения составляли часть приданого женщины, поэтому к замужеству девушки «припасали» либо уже готовые изделия, либо холст для них. В коллекциях музеев имеется несколько «заготовок для *рукотёртов*» длиной 260–350 см (НГКМ 22102/13; АГКМ 15856/1). В приданое девушек входили также орнаментированные полотенца, предназначенные преимущественно для вытирания лица. Украшались они сравнительно скромно: полоской кружева, связанного крючком, или вышивки, редко – их сочетанием. На *рукотёртах* старожилов присутствуют узкие (2,5 см) полосы характерного для них браного ткачества и оборки из фабричной ткани (рис. 6), на переселенческих *утирках* иногда вытканы цветные полосы в технике присущего им переборного тканья. Во второй половине XX в. отмечается использование в быту (для лица, посуды, накрывания хлеба при выпечке) полотенцев, ранее имевших обрядовое или декоративное назначение. Об этом свидетельствует их длина (более 250 см) и орнаментация: широкие полосы вышивки в сочетании с широкими кружевными наконечниками (рис. 7). Вероятно, не востребованность в этот период полотенцев в декоративном убранстве жилища и обрядовой культуре позволяла владельцам (потомкам авторов) применять их в быту.

Таким образом, в использовании полотенцев утилитарного назначения русским сельским населением Алтая в конце XIX – первой половине XX в. не отмечено этнографических и локальных особенностей. Вместе с тем су-

Рис. 7. Полотенце, использовавшееся для накрывания хлеба после выпечки. Изготовлено в 1930-е гг. Заринский район, с. Голубцово. ИКМ АлтГПА 1007

ществовали отличия в наименовании полотенец, связанные с непосредственным назначением предмета и обусловленные языковыми традициями различных групп старожилов и переселенцев. Специфика орнамента полотенец бытового назначения выражается в выборе технических приемов орнаментации, цвета и в целом соотносится с украшением предметов декоративного и обрядового назначения.

Полотенце в интерьере жилища

Согласно имеющимся источникам, полотенце в интерьере жилища русского сельского населения Алтая в конце XIX — начале XX в. располагалось на иконах, на зеркалах и портретах, развешанных на стенах, на самих стенах избы.

Наличие в доме переднего угла («красного», «святого», «большого») с полочкой-«божничкой» для икон является общерусской традицией, распространенной и в Сибири. На Алтае, как и на большей территории Европейской России и Урала⁹⁴, передним считался восточный или юго-восточный угол, расположенный по диагонали от печи и образованный боковой и фасадной стенами в глубине избы. В избах алтайских крестьян полочка-божница представляла собой так называемый «уголок» в виде двух плашек, сходящихся к углу и прибитых к перпендикулярно расположенным стенам, либо цельной треугольной доски⁹⁵. *«В переднем углу, как заходишь — восток сюда, тут и были [иконы]. У нас божничка была такая треугольная — тут стояли иконы»*⁹⁶ (рис. 8).

С распространением пятистенных домов в конце XIX в. божница в избе располагалась по диагонали от печи, в дальнем от входа правом или левом углу в зависимости от расположения печи. В одном из углов горницы также вешали или ставили на полочку иконы. В этом случае свекровь и невестка могли поместить свои иконы в разных комнатах: *«...Если мать мою [икону] тут оставляет, свою туда несет, поставит в углу»*⁹⁷. Полагали, что две иконы обеспечат больше богатства в жизни⁹⁸.

Значительные изменения во внутреннем убранстве избы сельского населения Алтая произошли с 50–60-х гг. XX в. С перестраиванием домов и распространением «водяного» отопления печь нередко переносили из одного угла в другой, в результате чего традиционное диагональное взаиморасположение полочки-божницы и печи нарушалось. Во вновь строящихся домах с этого времени, как свидетельствуют материалы многолетних обследований жилой крестьянской архитектуры в селах Алтая, божницы не делали, но иконы подвешивали на вбитые в стену гвозди в одном из углов⁹⁹ (рис. 9).

⁹⁴ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 30.

⁹⁵ Щеглова Т. К. Внутренне убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX века // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 99.

⁹⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Скопинцева А. П. 1930 г. р.

⁹⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Мальцева Курья. Рекунова А. С. 1923 г. р.

⁹⁸ Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь, 1993. С. 24.

⁹⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Картотека памятников архитектуры 1991–2010 гг.

Рис. 8. Иконы на полочке-«божнице». Чарышский район, с. Чарышское.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2004 г.

По мнению исследователей, в интерьере традиционного крестьянского жилища передний угол имел не столько утилитарное, сколько символическое значение¹⁰⁰. Красный угол был теснейшим образом связан с семейными обрядами, регулировавшими социальный аспект жизни человека, его социализацию и десоциализацию¹⁰¹. Семиотическая ценность красного угла подчеркивалась тем, что здесь хранились наиболее значимые культурные символы: иконы, Библия, молитвенные книги, крест, свечи¹⁰². На божницу клали также веточки вербы и троицких берез, первое пасхальное яйцо, просфоры (рис. 8, 10). Вместе с тем пространство стола и иконных полок считалось местом пребывания духов и вызывало особое поклонение. В этих пространственных координатах локализовались различные мифологические существа, домашние духи и души предков¹⁰³.

Красный угол старались держать в чистоте, размещенные на полочках иконы по общерусской традиции занавешивали вышитыми полотенца-

¹⁰⁰ Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1993. С. 9; Пермиловская А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005. С. 216–218.

¹⁰¹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. С. 177.

¹⁰² Там же, с. 176, 184.

¹⁰³ Пермиловская А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX в.). Архангельск, 2005. С. 217.

Рис. 9. Святой угол в доме В. И. Проскуриной 1953 г. р. Усть-Калманский район, с. Васильевка. ПМА 2012 г.

ми. Так, при описании внутреннего убранства дома великорусского народа XVI–XVII столетий Н. И. Костомаров отмечал наличие убрисцев в убранстве переднего угла: «Образа ставили в переднем углу покоя, и этот угол задерживался занавесом, называемым застенком. Сверх того, что каждый образ поодиночке задерживался привешенным к концу его убрисцем, а внизу спускался кусок материи, называемый пеленою. Убрисцы и пелены переменялись на образах, и в известные праздничные дни привешивались более нарядные, чем в будни и в посты»¹⁰⁴. Обычай украшать иконы вышитой тканью был особенно широко распространен в конце XIX – начале XX в. в южнорусских деревнях¹⁰⁵. Подтверждением этому может служить большое число названий полотенец, служивших для занавешивания икон, в южном наречии: *божник*, *иконник*, *набожник*, *накут-*

ник, *пелена для богов*, *половинка*, *рушник для богов*, *платок*. Для северного наречия характерно только наименование *плат*, означающее «полотенце для икон». В западнорусских губерниях (среднерусские говоры) с этой целью употреблялись названия *набожник*, *обвеска* и *оборозник*¹⁰⁶. В селах Западной Сибири, в том числе и Алтая, в красном углу вешали *набожники* (Ордынский район НСО; Большереченский район Омской обл.¹⁰⁷; Угловский¹⁰⁸, Косихинский районы АК¹⁰⁹), *рушники* (Усть-Калманский рай-

¹⁰⁴ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 72–73.

¹⁰⁵ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 78; Станюкович Т. В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 85.

¹⁰⁶ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 65–109.

¹⁰⁷ СРГС. Т. 2 (К–Н). Новосибирск, 2001. С. 314.

¹⁰⁸ СРГА. Т. III. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 109.

¹⁰⁹ Книга поступлений ИКМ АлтГПА. ОФ. 862.

Рис. 10. «Божница» в доме Р. Д. Тенякшевой 1942 г. р. Шелаболихинский район, с. Иня. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2005 г.

он АК¹¹⁰; ВКО РК¹¹¹), *утирки* (Ордынский район НСО¹¹²; Чарышский, Усть-Калманский районы АК) и *божники* (Бийский¹¹³, Алтайский районы АК¹¹⁴).

В современной научной литературе общепринятым является утверждение об использовании полотенца с целью украшения иконы или божницы¹¹⁵. При этом истоки данной традиции неясны и объясняются исследователями по-разному. По мнению В. В. Цеханской, «...украшение икон полотенцами ведет свою историю с глубокой древности, когда появилась первая христианская икона „Спас на убресе“. В русской традиции это день „Третьего Спаса“ (29 августа по новому стилю), когда в церкви вспоминают

¹¹⁰ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

¹¹¹ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 80.

¹¹² СРГС. Т. 5. Новосибирск, 2006. С. 174.

¹¹³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район.

¹¹⁴ Картотека АГКМ. ОФ. 16895/3.

¹¹⁵ Кидяева Г. В. Православие в крестьянской среде Бийского Приобья в XX веке: по материалам этнографической экспедиции 2002 г. // Зональный район: история, люди, судьбы. Барнаул, 2003. С. 325; Щеглова Т. К. Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX в.: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 105; Цеханская К. В. Икона в русском доме // ЭО. 1997. № 4. С. 80.

перенесение в 900 г. из Эдессы в Константинополь Нерукотворного Образа Спасителя. В народе праздник называют „полотняным“ или „Спасом на холстах“, „холщовым“. В некоторых местах Сибири и Центральной России в этот день освящали домотканые полотна, предназначенные для божницы. Это церковное чествование святого убруса, то есть того „четверосвитого“ полотна, на котором нерукотворно отпечатался Божественный Лик Спасителя для благочестивого царя Авгаря, в народном быту соединилось с торгом полотнами»¹¹⁶.

Исследователь В. А. Руднев связывает происхождение данной традиции с женским персонажем славянской мифологии: «В числе наиболее почитаемых богов была и Мокошь — богиня воды, дождя, плодородия, покровительница льноводства, прядения и ткачества. В православии ее место заняла Параскева Пятница — „льняница“, которой приносили в жертву первые снопы льна и вытканые убрусы (полотенца). Отсюда пошел обычай украшать иконы и статуи святых полотняными убрусами»¹¹⁷.

Полученные полевые материалы позволяют говорить о неправомерности ограничения роли полотенца в красном углу исключительно декоративной функцией. Несмотря на то, что орнаментированное полотенце в крестьянском быту часто выступало предметом украшения жилища, оно представляло собой один из важнейших атрибутов в обрядовой культуре, где было наделено множеством ритуальных функций. К тому же связь иконы и полотенца отмечается не только в жилище, но и вне его. Так, при снятии иконы с божницы для благословения молодых или для переноса в новое жилище она непременно должна была быть помещена на полотенце или накрыта им. *«Мать икону отдает, на нее полотенца с галунцом»*¹¹⁸. В ходе похоронного обряда полотенце вешали на икону и несли впереди процессии, а затем повязывали на надмогильный крест¹¹⁹. Многочисленные случаи одновременного совместного использования иконы и полотенца позволяют предположить существование в народном сознании некой связи между ними.

Иконы с богословской точки зрения являются посредниками между теми, кто изображен, и теми, кто молится. Будучи своеобразным «окном» в иной мир, икона, с точки зрения верующих, соединяет собой оба мира — земной и горний — в единое Творение¹²⁰. Полотенце нередко называют до-

¹¹⁶ Цеханская К. В. Икона в русском доме // ЭО. 1997. № 4. С. 80.

¹¹⁷ Руднев В. А. Древо жизни: об истоках народных и религиозных обрядов. Л., 1989. С. 107.

¹¹⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Маралиха. Медведева П. К. 1932 г. р.

¹¹⁹ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 95.

¹²⁰ Любимова Г. В. Иконы в народной религиозной практике сельского населения Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. II. С. 113–114.

христианской иконой, поскольку семантика традиционных орнаментальных композиций, по мнению исследователей, связана с мифологическими представлениями восточных славян. Более того, Л. М. Русакова усматривает в структуре конца полотенца отражение деления мира на три сферы по вертикали: «мир умерших предков», «мир людей и всего живого» и «верхнюю небесную сферу»¹²¹. При этом мотивы традиционного орнамента, цветное решение и технические приемы позволяют одновременно разграничивать и объединять эти сферы в единое целое.

По мнению О. В. Лысенко и С. В. Комаровой, полотенце, «размещенное в красном углу – сакральном пространстве жилища, где обитают покровители дома „предки“, „деды“ и где обычно размещались ритуальные предметы – иконы, ритуальная пища во время поминальных ритуалов, ритуалов жизненного цикла, выполняет функцию информационного канала, обеспечивающего связь между противоположными сферами мира»¹²². Таким образом, икона и полотенце, используемые одновременно, вероятно, изначально были призваны выполнять аналогичные функции и служить связующим звеном для живущих: первая – с миром божественным, второе – с миром предков. Однако в изучаемый период осознание семантики полотенца в целом, как и его орнаментальных композиций, можно считать утраченным. Использование полотенца объясняется информантами преимущественно необходимостью обязательного следования некогда заведенной традиции – «как принято старыми давно еще предавно»¹²³ или декоративной ролью – «на божницу полотенца вешали, чтоб красиво было»¹²⁴.

Как известно, к началу освоения русскими земель Алтая в основном сложились устойчивые типы внутренней планировки жилища. При заселении Алтая каждая группа насельников приносила свой опыт убранства избы. При этом различным было не только место расположения печи и встроенной мебели, но и декоративное убранство. Во второй половине XIX – начале XX в. наибольшие отличия в оформлении красного угла отмечались в жилищах старожилов и переселенцев Алтая.

Сведения о традициях убранства красного угла у старожильского населения в этот период находим в работах очевидцев-исследователей. Так, М. В. Швецова, посетившая селения старообрядцев-поляков в конце XIX в., писала: «В переднем углу первой от входа комнаты – божница с

¹²¹ Русакова Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 99–125.

¹²² Ткань. Ритуал. Человек: Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб., 1992. С. 48.

¹²³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

¹²⁴ СРГА. Т. I. Барнаул, 1993. С. 79.

несколькими иконами старинного письма... Вокруг божницы развешаны разные картины религиозного содержания, портреты царской фамилии и т. п.»¹²⁵ Похожим образом выглядела божница и в домах бухтарминских старообрядцев: «В переднем углу помещается божница, уставленная иконами. Божница раскрашивается красной и зеленой красками или выбеливается известкой. Летом божница иногда украшается живыми цветами, которые в засохшем виде держатся довольно долго. На божнице у грамотеев хранятся и книги духовного содержания. Вокруг божницы размещаются картины религиозного содержания, портреты царствующего дома и др. изображения»¹²⁶. В работах других исследователей также отсутствуют указания на использование старожилами полотенца для убранства икон в переднем углу¹²⁷, из чего следует, что для старожилов Алтая в конце XIX – начале XX в. было нехарактерно украшение икон полотенцами.

По мнению О. М. Рындиной, в старожильской традиции Западной Сибири в целом прослеживается очень слабая связь между декоративно оформленным полотенцем и иконой. Только по большим праздникам, например на Пасху, старожилы доставали икону из красного угла и ставили на стул или стол, предварительно застеленные узорным полотенцем. У переселенческого населения, напротив, основным местом размещения узорных полотенца являлись иконы и передний угол, причем их присутствие здесь не ограничивалось лишь праздничными днями¹²⁸. О. М. Рындиной удалось также зафиксировать очень важную информацию, касающуюся смещения традиций в результате активизации переселенческого потока в села старожилов. Так, в притрактовых селах в некоторых старожильских семьях начинали убирать иконы расшитыми полотенцами, памятуя о том, что «деды так не делали». И наоборот, иногда переселенцы не вывешивали орнаментированные полотенца на иконы, отступая от принятого «в Россее» и подчиняясь старожильским обычаям¹²⁹.

Полевые источники, полученные в селах Алтая, свидетельствуют о широком распространении в конце первой четверти XX в. традиции вешать полотенца на иконы, независимо от этнографической принадлежности. Божница становится основным местом нахождения орнаментированных полотенца не только в переселенческом, но часто и в старожиль-

¹²⁵ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРО. 1899. Кн. XXVI. С. 27.

¹²⁶ Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. С. 15.

¹²⁷ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРО. Кн. 1–2. Омск, 1880. С. 99; Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905. С. 212.

¹²⁸ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 498–499.

¹²⁹ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 499.

Рис. 11. Красный угол в доме А. И. Хабаровой 1916 г. р. Петропавловский район, с. Антоньевка. ПМА 2004 г.

ческом доме. Согласно сообщениям информантов, *«на икону весили полотенца — красивые, вышитые концы. Тогда же иконы у всех были»*¹³⁰. У казаков, входивших в группу старожилов, так же как и в крестьянском жилище, в переднем углу находилась «божничка» с иконами, украшенная специальным полотенцем с вышивкой и кружевом (*рушником, набожником*)¹³¹. *«У меня соседка была, казачка, у нее все время было [полотенце]»*¹³².

Вместе с тем были отмечены некоторые различия в использовании полотенца для занавешивания икон у старожилов и российских переселенцев в ходе полевых исследований. Так, потомки переселенцев и казаков (станция Антоньевская) вспоминают, что полотенце висело в красном углу в течение всего года, перед большими церковными праздниками и после побелки его стирали или заменяли чистым. *«Всегда висели! Выстирают: они, конечно, мараются. А выстирают — опять вешают»*¹³³. Старожилы использовали полотенце преимущественно для украшения избы, в том числе и красного угла, к церковным праздникам: Пасхе, Троице, Благовеще-

¹³⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

¹³¹ Жигунова М. А. О традиционных верованиях сибирского казачества // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2004. № 1 (12). С. 85.

¹³² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Красный Партизан. Пастухова М. Ф. 1919 г. р.

¹³³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

Рис. 12. Полотенце в убранстве «божницы». Чарышский район, с. Алексеевка.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы
ИЭЭ 2004 г.

нюю¹³⁴. *«По праздникам, по большим праздникам. Вот неделя после Пасхи прошла, и снимают»*¹³⁵. В Чарышском районе Е. И. Лямкина (из кержаков) сообщила, что полотенца вешали на иконы только летом в горнице, которую на зиму забивали, чтобы не отапливать¹³⁶.

У русского сельского населения Алтая, по свидетельствам информантов, было принято обрамлять икону в переднем углу одним орнаментированным полотенцем. Расположение полотенца на иконе при этом зависело прежде всего от того, как размещалась икона: стояла на полочке-божнице или была подвешена на гвоздиках. Если в доме была божница, то ее засти-

лали кружевной или вышитой салфеткой, оставляя край немного свисать, полотенцем накрывали иконы сверху и спускали его концы ниже салфетки (рис. 11). Если полотенце было достаточно большого размера, им накрывали икону сверху, а затем застилали полочку, расправляя свисающие концы вплотную друг к другу (рис. 1). В старожильческих селах полотенце стелили на полочку под иконы (рис. 12).

При отсутствии полочки полотенце сворачивали вдвое по длине и помещали на икону сверху, расправляя свисающие концы таким образом, чтобы был виден вышитый на них узор. *«В углу — угол занят иконами, значит, — их вот так спускали и правой стороной расправляли — с той стороны конец и с этой... Икону не закрывали. Лики святых разве можно было закрывать?»*¹³⁷. В некоторых селах внутренние углы полотенца заворачивали в середину, *«чтобы икона была как бы в платке подвязана»*, а внешние расправляли¹³⁸ (рис. 13). Имеется информация и о том, что укра-

¹³⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Скопинцева А. П. 1930 г. р.; Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Селезнево. Черкашин М. Д. 1931 г. р.

¹³⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Александрова М. И. 1919 г. р.

¹³⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

¹³⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Александрова М. И. 1919 г. р.

¹³⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Капустина В. К. 1929 г. р.

Рис. 13. Полотенце в убранстве иконы. Бийский район, с. Мальцева Курья.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2003 г.

шенные концы полотенец закрепляли деревянными рейками¹³⁹. Этот вариант несколько сходен с традицией украинских переселенцев Алтая расправлять концы рушников с помощью деревянного прута (веточки), закрепляя его с изнаночной стороны поперек полотна¹⁴⁰.

Имеющиеся вещественные источники позволяют охарактеризовать материал, технику и способы орнаментации полотенец русского сельского населения Алтая, предназначавшихся для занавешивания икон в переднем углу.

Во всех изученных музейных коллекциях выявлено только 12 предметов, атрибутированных как «полотенца для икон». Изготовлены эти полотенца в конце XIX – 30-х гг. XX в. Среди них шесть предметов представляют собой прямое полотно, украшенное различными способами, шесть имеют сдвоенные концы (рис. 14). И хотя в ходе собственных полевых исследований не было записано свидетельств об украшении икон полотенцами со сдвоенными концами, учетная документация музеев свидетельствует, что последние использовались для этой цели в первой трети XX в. в селах со значительным процентом старожильского населения: села Верх-

¹³⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Материалы анкетирования 2004–2006 гг. Новичихинский район, с. 10 Лет Октября. Латышева А. Т. 1928 г. р.

¹⁴⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район.

Рис. 14. Полотенце в убранстве иконы.
Быстроистокский район, с. Новопокровка.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2007 г.

Слюдянка (Усть-Калманский район; МИКНС СО РАН 62), Косиха (Косихинский район; ИКМ АлтГПА 862), Ая (Алтайский район; АГКМ 16895/3), Межовка (ШИКМ КП 04-1862), Верхний Уймон, Мульта, Тихонькая (Усть-Коксинский район, НМРА 51, 699/39, 1009, 1004 и др.) Участниками ИЭЭ БГПУ в 2007 г. такие полотенца были сфотографированы в с. Новопокровка (Быстроистокский район), население которого состоит преимущественно из потомков переселенцев и казаков бывшего станца Терского. На территории Европейской России подобные рушники, сшитые из двух полотнищ ткани с прорезью по середине, вешали на иконы в Орловской губернии¹⁴¹. В Западной

Сибири, кроме Алтая, такие полотенца бытовали на севере современной Новосибирской области (с. Кыштовка, НГКМ 18865-18).

Полотенца для икон, согласно сведениям большинства информантов – потомков старожилов и переселенцев, изготавливали из хорошо отбеленного тонкого льняного полотна, концы которого украшали вышивкой, кружевом, кистями. «...Льняные, холщовые были, но больше льняные. <...> Тоньше его прядешь и ищю повышиваешь его... и крестом и гладью, всяко вышивали сами»¹⁴².

Льняное полотно на полотенца, предназначавшиеся для икон, ткали простым полотняным переплетением или различными способами узорного – многоремизного ткачества (например: саржа ромбовидная – ШИКМ КП 01-488; саржа ломаная – АГКМ 15598/1 и др.) с плотностью переплетения нитей от 16 до 20 нитей основы на 17–20 нитей утка. Ширина полотна разнится от 26,5 до 42,5 см. Преобладающая длина готовых полотенцев составляет 270–290 см, редко – 180–240 см. Длина полотенца, как отмечают информанты, зависела от того, сколько икон было на божнице. Чем больше икон, тем длиннее должно быть полотенце (рис. 15).

¹⁴¹ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 109.

¹⁴² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Уперенко М. И. 1927 г. р.

Рис. 15. Полотенце в убранстве икон. Усть-Калманский район, с. Михайловка.
Ф. А. Кузнецова 1899 г. р. ПМА 2004 г.

Длина орнаментированных концов у значительной части рассматриваемых предметов превышает 20 см. Большинство полотенец из музейных коллекций и зафиксированных у информантов составные: двухчастные (основное полотно и наконечник) и многоярусные, преимущественно включающие по две проставки (кружевную и тканую) и наконечник, заканчивающийся зубцами или кистями (см. раздел 3.2). Вешать на иконы простые по структуре орнаментации полотенца (вышивка выполнена непосредственно на основном полотне и дополнена бахромой) было не принято, их стали использовать с этой целью только во второй половине XX в. (рис. 13).

В числе рассматриваемых музейных предметов одно полотенце украшено проставкой, сотканной в технике браного ткачества (АГКМ 15598/1, с. Сибирячиха, 1926 г.), большая часть – вышивкой в технике простой или двойной крест по счету нитей полотна. Нитки для вышивки использованы хлопчатобумажные фабричного производства («бумага») красные и черные, на одном предмете – с дополнением желтых (АГКМ 16895/3, 1920-е гг.). Одно полотенце заканчивается бахромой, одно – оборкой из ткани, три предмета украшены кружевом, связанным крючком, остальные – фабричным хлопчатобумажным кружевом. Орнамент вышивки данных полотенец

типичен для начала XX в. и преимущественно представляет собой бордюры в виде растительных побегов, розеток и других геометризованных элементов. Информанты чаще всего вспоминают вышитых «петухов» на полотенцах для «божницы». Однако иногда в декоре полотенца для икон могли использовать мотив церкви, креста или вышивали начальные слова молитвы. Например, в коллекции полотенца Ребрихинского краеведческого музея имеется полотенце, на котором вышиты слова «Кресту твоему» («Кресту твоему поклоняемся и святое воскресение твое славим») ¹⁴³. Следовательно, назначение полотенца со второй четверти XX в. не оказывало существенного влияния на выбор орнамента вышивки. Чаще всего это могло быть самое красивое из имеющихся у хозяйки полотенца или самое старинное, доставшееся ей по наследству.

В некоторых селах Алтая иконы занавешивали красными кумачовыми полотенцами. Такая информация была записана в с. Шипуниха Третьяковского района ¹⁴⁴. В коллекции Шемонаихинского историко-краеведческого музея хранится фрагмент «стенового плата для иконостаса» из двух полос кумача, вышитого в технике «набор». В музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН имеется так называемая «занавеска к красному углу», представляющая собой конец полотенца, состоящий из двух сшитых боковыми сторонами полос браного ткачества, к которым пришито цельное кружево, связанное на вилке из шерстяных ниток фабричного и домашнего прядения и оканчивающееся бахромой (рис. 16). К верхней части тканых полос пришиты металлические петельки в количестве 20 штук для пристегивания к полотенцу. Подобные концы, по данным Е. Э. Бломквист, использовались населением Бухтарминской долины в качестве фрагментов *стеновых платков*, изготовленных из красного сатина или кумача и использовавшихся исключительно для украшения зеркала ¹⁴⁵.

Рассмотренные материалы показывают, что традиция вешать кумачовые полотенца — *стеновые платки* — на иконы была характерна для различных групп старожилов-старообрядцев предгорных и горных районов Алтайского округа. Если исходить из того факта, что старожилы еще в XIX в. не вешали полотенца в красном углу, то можно предположить, что с появлением переселенцев в своих селах они стали накрывать иконы кумачовыми полотенцами, ранее предназначавшимися для украшения зеркал. То же объяснение может быть дано и использованию старожилами для украшения икон льняных белых полотенца с соединенными концами (карта 2).

¹⁴³ Материальная культура Сибири: Материальная культура русских крестьян Алтая: учеб.-метод. пособие / сост. И. В. Куприянова. Барнаул, 2009. С. 86.

¹⁴⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Шипуниха. Матвеева К. Н. 1922 г. р.

¹⁴⁵ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 403.

Рис. 16. «Занавеска к красному углу». Усть-Калманский район, с. Верх-Слюдянка.
МИКНС СО РАН 62

В целом имеющиеся в распоряжении вещественные источники разнородны и не позволяют говорить о существовании типичных черт полотенец, использовавшихся русским сельским населением Алтая для занавешивания икон в конце XIX — начале XX в. В то же время они отражают такие тенденции, как распространение вышивки в технике «крест», использование кружева, связанного крючком и фабричного производства, печатных рисунков для вышивки, и подтверждают сведения, полученные от информантов, о стремлении женщин к выбору качественного материала при изготовлении полотенец для божницы и их богатой орнаментации.

Если в начале XX в. обрамление икон полотенцами имело повсеместное распространение и у старожилов, и у переселенцев Алтая, то события второй четверти прошлого столетия не способствовали сохранению традиций в убранстве крестьянского жилища, в том числе и святого угла. Одной из причин, вызвавших отступление от традиции, являлись гонения на церковь и антирелигиозная агитация, начавшаяся в 1920-е гг. Во времена «воинствующего атеизма» иконы и украшавшие их полотенца исчезли из красного угла и хранились в сундуках. *«Иконы потом запретили. Были они — иконы, я не знаю, куда они девались. Запрет-то какой был страшный! Их куда-то прятали, убирали»*¹⁴⁶. Однако полевые материалы свидетельствуют о том, что далеко не все сельские жители снимали иконы. Не-

¹⁴⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Староалейское. Будянская Л. Н. 1924 г. р.

редко гонения на церковь, напротив, способствовали усилению роли домашних икон (центром духовной жизни верующего крестьянина становился собственный дом с традиционными атрибутами веры — иконами). Так, многие верующие в сельской местности отказывались снимать домашние иконы. А. Г. Черникова вспоминает: *«Агитировали против церкви, учителя же говорили, что Бога нет. «Иконы снять надо» — ходили. Но мы не снимали иконы. А кто их снимал?»*¹⁴⁷. Данная тенденция, выражающаяся в стремлении сохранить религиозные святыни, наблюдалась и в дальнейшем. Главными мотивами в отказе снимать иконы была их семейная принадлежность: *«Не я иконы вешала, не я сымать буду»*¹⁴⁸.

В то же время полотенца переставали помещать в красный угол и по другим причинам, связанным с колхозно-совхозной модернизацией, ликвидацией единоличного хозяйствования и, как следствие, сокращением объема волокнистых культур, возделываемых семьями и обрабатываемых в домашних условиях. Посевов льна, перенесенных с полей на огороды, хватало лишь на изготовление одежды, дерюжек, мешков и т. п. Кроме того, на качественную обработку волокна и ткачество у женщин, занятых на колхозных работах, практически не оставалось времени. Как следствие, с 1930-х гг. в семьях уменьшается число орнаментированных полотенец, пригодных для занавешивания икон. Более того, традиционные полотенца, отличавшиеся значительной длиной, как и женская праздничная одежда (юбки, сарафаны), перешивались на детскую одежду и другие необходимые предметы. А. П. Скопинцева рассказывала: *«У матери были полотенца такие натканы, такие белые, и вот еще там кружева привязанные и вышивки. Дак вот, у матери последнее было; сумок нету — мама концы-то отрежет и нам сумки сошьет. Мы книжки складываем и в школу ходим с такими цветными сумками. А сам холст белый — мать то кофточку из него сошьет... Это началось до войны — не стало ничего в этих магазинах, никаких товаров, ничего. Купцов всех разогнали, они-то всё возили. А когда всех закулачили — некому стало возить-то. Вот мать эти полотенца и извела»*¹⁴⁹. В 1930-е гг., а особенно в годы Великой Отечественной войны, полотенца нередко становились товаром, который жители сел обменивали на продукты питания: *«Когда колхозы-то образовали, есть нечего было — возили по селам, где урожаи были, за хлеб меняли и полотенца, и полушалки»*¹⁵⁰. Есть сведения, что полотенца отправляли

¹⁴⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Новая Чемровка. Черникова А. Г. 1926 г. р.

¹⁴⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Новая Чемровка. Согрикова А. Х. 1918 г. р.

¹⁴⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Скопинцева А. П. 1930 г. р.

¹⁵⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2000 г. Мамонтовский район, с. Ермачиха. Гладышева А. Г. 1931 г. р.

на фронт: *«Последнее полотенце вышитое отдала в фонд помощи фронту. Мужского-то у меня ничего не было. Мамино полотенце лежало новое, концы были расшиты и кисточки висели»*¹⁵¹.

К 1950-м гг. значительная часть имевшихся в семьях традиционных орнаментированных полотенец была утрачена. Согласно полевым материалам, в послевоенные годы во многих селах Алтая хотя и продолжали сеять и обрабатывать лен, но уже не ткали полотна для полотенец. Полотенца вышивали, преимущественно используя фабричные ткань и нитки, в редких случаях – сохранившееся домотканое полотно.

С середины 50-х гг. XX в., как свидетельствуют информанты, многие представительницы среднего и молодого поколения предпочитали не вешать полотенца на иконы, боясь не столько властей, сколько осуждения со стороны односельчан: *«Вроде бы как покультурнее стали, обсуждать стали, что к старой вере придерживаешься»*¹⁵². Иконы нередко переносились из переднего угла в одну из дальних комнат дома, чаще занимаемую старшими членами семьи. В отсутствие божницы их вешали на гвоздики, ставили в шкаф или на него. В селах Верхнего Приобья, согласно полевым исследованиям А. Ю. Майничевой, после появления и распространения этажерок образа стали ставить на их верхней полке¹⁵³.

Начиная с середины 1980-х гг., как отмечают многие исследователи культуры русского населения Сибири¹⁵⁴ и свидетельствуют собственные полевые материалы, в связи с изменением отношения к религии в обществе, возрождением и строительством храмов красный угол во многих сельских жилищах возвращает свой традиционный облик. Иконы, бережно хранившиеся долгие годы, возвращаются в передний угол: *«Они у меня тайно лежали, а теперь, как церковь открыли, я их открыто поставила, божничок сделала сама»*¹⁵⁵. Наряду со старинными иконами, сохранившимися от бабушек и прабабушек, в домах появляются новые покупные иконы и картинки с изображением библейских сюжетов¹⁵⁶. Современные ико-

¹⁵¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г. Павловский район, с. Чернопятново. Дулепина В. И. 1924 г. р.

¹⁵² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

¹⁵³ Майничева А. Ю. Крестьянское жилище северной части Верхнего Приобья в конце XIX – начале XX в. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск, 2002. С. 139.

¹⁵⁴ Жигунова М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX в. Омск, 2004. С. 77; Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск, 2002. С. 124.

¹⁵⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Романово. Курашова Т. Е. 1926 г. р.

¹⁵⁶ Жигунова М. А., Шелегина О. Н. Об основных тенденциях развития культуры жизнеобеспечения у русского населения Западной Сибири в XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 81.

Рис. 17. Иконы на кухонном шкафу. Шелаболихинский район, с. Киприно.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2005 г.

ны вырезают из дерева и бересты, вышивают цветными нитками и бисером, выжигают по дереву. Однако икона и полотенце далеко не всегда занимают традиционное место в красном углу (рис. 17). *«А сейчас и вешать нечего. Полотенцев тех нету уже. Щас махровые не повешаешь. Ну, есть маленькие полотенчики, ну дак моды нету. И место не позволит тут повешать»*¹⁵⁷.

С целью получения данных, характеризующих сложившиеся представления современного сельского населения Алтайского края о связи иконы и полотенца, а также значимости последнего, было проведено анкетирование среди русских женщин православного вероисповедания 1914–1985 гг. р. В итоге удалось получить 97 анкет, из которых интерес представляют только анкеты (78 шт.) респондентов, имеющих иконы (80% всех опрошенных).

Анкетирование показало, что из 78 респондентов, имеющих иконы, только у четверых они расположены на божнице. Отсутствие полочки для икон в современном жилище связано с тем, что большинство домов респондентов было построено в 1950–1990-е гг., когда полочки-божницы уже не изготавливали, а иконы если и размещали на традиционном месте – в переднем углу, то закрепляли на вбитых в стену гвоздиках.

В зависимости от наличия или отсутствия полотенца на иконе выделены две группы респондентов. Из 37% опрошенных первой группы нали-

¹⁵⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

чие полотенца на иконе объясняют: сложившейся традицией («так принято», «так велось», «такой обычай») – 48% респондентов, декоративным назначением («для красоты», «для украшения») – 24%, утилитарной ролью («для прикрытия иконы») – 7%, не дали определенного ответа 14% опрошенных. Следовательно, декоративной функции полотенца опрошенные отводят второстепенную роль. Наиболее значимым является следование сложившимся традициям, сохранение «обычая», заведенного дедами.

У 63% респондентов второй группы иконы не занавешены полотенцем. При этом 10% из них никогда не задумывались над этим, 10% не считают нужным использование полотенца, 6% опрошенных вывешивают старинные полотенца только в праздники, 4% хранят их как память, 8% имеют иконы малого размера, что исключает использование полотенца, 16% не дали ответ на поставленный вопрос. Важно отметить, что только у 24% респондентов, не имеющих полотенца на иконе, последняя расположена согласно традиции на кухне в противоположном от печи и (или) восточном углу, в других случаях местом расположения иконы является детская комната, зал, спальня. Иконы при этом размещают преимущественно на стенах, на полочках, в шкафах, на телевизоре, что само по себе уже исключает возможность использования полотенца (рис. 18).

В целом результаты анкетирования показали существование в народных представлениях взаимосвязи старинной иконы и орнаментированного полотенца домашнего изготовления. Так, 16% респондентов, не вешающих полотенца на икону, объясняют это тем, что не имеют «старинного» полотенца. 6% опрошенных считают, что новые иконы не стоит покрывать полотенцем («нет старинной иконы»).

Устойчивый характер подобных представлений подтверждают и многочисленные полевые материалы. Многие информанты также усматривают некую связь иконы и старинного орнаментированного полотенца и считают нецелесообразным вывешивание полотенца позднего происхождения на божнице, оставляя ее непокрытой. Особенное значение информанты придают материалу домашнего производства – льняному полотну и способу украшения – ручной вышивке, тканью, кружевоплетению. *«Холста нет. А корявые (вафельная полотенецная ткань. – Н. Г.) не стоит вешать. Раньше холщовые вешали, их вышивали, кружева привяжут, там разошьют их – концы до половины – любо посмотреть было!»*¹⁵⁸ В то же время в числе зафиксированных в ходе экспедиций полотенца в убранстве икон менее половины составляют полотенца, изготовленные в первой половине XX в. Отсутствие таковых одновременно с сохранением устойчивой традиции покрытия икон, особенно среди потомков южнорусских переселенцев, в настоящее время привело к использованию для этого поло-

¹⁵⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Золотухина П. Д. 1919 г. р.

Рис. 18. Икона на стене. Пospelихинский район, с. Клепечиха.
Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2008 г.

тенец, изготовленных из фабричной ткани. В то же время вышивка на полотенцах непременно должна быть ручной работы.

Большая часть изделий на иконах в домах информантов в настоящее время выполнена из белой хлопчатобумажной ткани фабричного производства (миткаля, бязи, полотенечной вафельной ткани) и украшена вышивкой в технике простой или двойной крест по счету на вафельной ткани, крест по канве или односторонняя гладь на ткани полотняного переплетения. Вышивка иногда дополнена белым кружевным наконечником ручной вязки (рис. 19). Покупные полотенца с набивным рисунком у русского сельского населения, в отличие от украинского, используются в единичных случаях. В то же время застилание полочки-божницы такими полотенцами в некоторых селах весьма распространено. Нередко место полотенца в украшении божницы занимают сшитые из ткани шторы, назы-

Рис. 19. Святой угол в доме З. М. Грибановой 1937 г. р. Усть-Калманский район, с. Васильевка. ПМА 2012 г.

ваемые потомками российских переселенцев «штанами»¹⁵⁹. «Щас просто шторы такие вешают перед иконами. А полотенца щас никто не вешать. Щас такая пошла мода»¹⁶⁰ (рис. 20).

¹⁵⁹ Книга поступлений ИКМ АлтГПА. ОФ 937. Усть-Калманский район, с. Огни.

¹⁶⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

Рис 20. Вышитые «шторы» в убранстве иконы. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Е. С. Чувакина 1912 г. р. ПМА 2004 г.

Таким образом, полевые исследования и анкетирование показали, что значительная часть современного населения в селах Алтая не только имеет представление об общерусской традиции размещения икон в святом углу и их убранстве орнаментированными полотенцами, но и продолжает следовать ей. Объяснением этому может служить сохранение представлений о некой связи иконы и полотенца, а следовательно, знаковой функции последнего.

Другие общерусские традиции использования полотенца в интерьере жилища, широко распространенные у русских крестьян Алтая в середине XIX – первой половине XX в., в настоящее время утрачены. К ним относятся развешивание полотенец на стенах избы, зеркалах и рамах с фотографиями. В редких случаях в домах пожилых жительниц сел можно встретить занавешенные полотенцем панно или портрет, помещенные в деревянные рамки под стекло (рис. 21). Между тем в деревнях и селах Алтая украшение интерьера вышитыми полотенцами было широко распространено до 1940-х гг., а местами вплоть до 1970-х гг.

По стенам избы на деревянные спицы или гвозди полотенца развешивали старожилы и переселенцы Алтая. Н. М. Ядринцев писал: «Жилища поляков расписаны красками и изукрашены разными обоями, цветными скатертями и шитыми полотенцами. Этими яркими, иногда кумачными, полотенцами увешаны все стены»¹⁶¹. Бухтарминские старообрядцы разве-

¹⁶¹ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРГО. Кн. I-2. Омск, 1880. С. 99.

Рис 21. Полотенце в убранстве вышитого панно. Усть-Калманский район, с. Михайловка. Н. С. Бровкина, 1922 г. р. ПМА 2004 г.

шивали *рукотёрты* в простенках между окнами и на стене над столом¹⁶². Большая часть информантов — потомков как крестьян-старожилов, так и переселенцев, в обследованных селах также подтверждает этот факт: «Украшали... *Щас шторами, а тада полотенцами украшали комнаты*»¹⁶³. «У сибиряков в доме штор не было, а обязательно полотенца висят: вот тут бы обязательно гвоздик и полотенце расшитое с кружевами, и тут бы...»¹⁶⁴. Но из-за малого числа полевых источников невозможно с уверенностью говорить об устойчивом бытовании этой традиции у казаков Алтая. В учетной документации музеев имеются сведения об использовании казаками полотенца для украшения интерьера жилища, без конкретизации назначения. Не проясняют вопроса и данные, опубликованные М. А. Жигуновой, много лет исследующей культуру и быт казаков: «Для украшения интерьера [казаками] повсеместно использовались рушники — специальные полотенца, декорированные вышивкой и кружевом. Рушники изготовлены из домотканого льняного полотна, украшены на

¹⁶² Бломквист Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 285.

¹⁶³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

¹⁶⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г. Кытмановский район, с. Кытманово. Парамзина А. Г. 1921 г. р.

концах мережкой с кисточками, вышивкой, выполненной крестом черными и красными нитками»¹⁶⁵.

Крестьяне размещали полотенца преимущественно в простенках между окнами и над столом. При этом полотенце сворачивали вдвое, место сгиба закрепляли на гвозде, а свободно свисающие концы расправляли по стене так, чтобы как можно лучше был виден узор. Окна в крестьянском доме было не принято занавешивать. Старообрядцы считали грехом «от белого света закрываться»¹⁶⁶: *«Шторы мы в старое время не признавали, занавесок не было, полотенца вешали на стену и на простенок»*¹⁶⁷. Сведения об украшении полотенцами непосредственно «бровки окна» единичны. Возможно, это объясняется особой символической ролью окна и полотенца в похоронно-поминальной обрядности. Так, исследователями записаны обычаи прикрепления куска полотенца к оконному косяку в день смерти человека и в дни поминовения всех усопших¹⁶⁸. Согласно народным представлениям, такие полотенца предназначались для душ умерших предков. Этот факт, скорее всего, исключает возможность использования полотенца на окнах как декоративного элемента. Но уже со второй четверти XX в. повсеместно отмечается стремление крестьян к закрытию окон занавесками. Так, Е. Э. Бломквист отмечала, что к 1927 г. в домах особенно богатых крестьян Бухтарминской долины на окнах уже висели занавески из покупной ткани¹⁶⁹. Поэтому украшения окон полотенцами, упомянутые жителями с. Бобровка (Глубоковский район ВКО РК)¹⁷⁰ и с. Муны (Майминский район РА)¹⁷¹, вероятно, следует рассматривать как отступление от традиции и своего рода предтечу появления на окнах занавесок.

Стены избы украшали во время свадьбы и больших православных праздников. Развешивание полотенца в ходе свадьбы являлось неотъемлемой частью традиционного обряда, о чем будет отдельно сказано ниже. (см. раздел 1.3). В убранстве избы и горницы полотенцами в праздничные дни не усматривается ритуального назначения. Являясь ярко декорированным предметом, полотенца прежде всего способствовали созда-

¹⁶⁵ Жигунова М. А. Культурное наследие сибирского казачества и современность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 211.

¹⁶⁶ Кучуганова Р. П. Уймонские старoverы. Новосибирск, 2000. С. 52.

¹⁶⁷ Чернова В. А. 1904 г. р. Цит. по: Кучуганова Р. П. Уймонские старoverы. Новосибирск, 2000. С. 57.

¹⁶⁸ Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд. М., 2005. С. 167.

¹⁶⁹ Бломквист Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 288.

¹⁷⁰ Дементьева А. С. 1919 г. р., с. Бобровка, Глубоковского района. Цит. по: Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 62.

¹⁷¹ СРГА. Т. III. Ч. I. Барнаул, 1997. С. 92.

нию праздничной атмосферы, т. е. выполняли исключительно декоративную функцию. Об этом свидетельствуют материалы интервьюирования: «Горницу украшали: вот половики самотканые, одеяла, подушки, и так вот полотенца вешали... для красоты»¹⁷², «...это выходные, имя не вытирались, они для украшения — на стены вешали их, они были красиво расшиты»¹⁷³. Стоит заметить, что украинские переселенцы Алтая также придавали большое значение украшению хат во время праздников рушниками¹⁷⁴. По окончании праздника полотенца, как и нарядные скатерти, украшавшие избу, чаще всего убирали в сундук, не допуская их загрязнения, что свидетельствует о бережном отношении к полотенцам. «К Рождеству [вешали полотенца]. <...> Мясоед кончался и Масленка, после Масленки к Пасхе. Три дня пройдет — Троица, и снимали»¹⁷⁵.

Горница воспринималась крестьянами как символ богатства семьи¹⁷⁶ и не предназначалась для постоянного проживания¹⁷⁷, поэтому у бухтарминских крестьян она всегда была «убрана расшитыми и затканными полотенцами — *рукотёртами* и *стеновыми платками*»¹⁷⁸. Крестьянами-старожилами станицы Чарышской допускалось развешивание полотенцев в горнице в течение лета¹⁷⁹.

У разных этнографических групп русского населения Алтая для украшения стен использовались различные по материалу и типу орнаментации полотенца. Традиционным украшением стен у бухтарминских каменщиков были *рукотёрты* из белого холста длиной до 3,5 м, концы которых украшались различного типа вышивкой, тканьем и вязаньем¹⁸⁰ (цв. ил. 6). При этом использовалась преимущественно красно-бело-черная (синяя) цветовая гамма (МИКНС СО РАН 1707, 1709 (с. Сенное ВКО РК), 1706 (с. Александровка ВКО РК), 1759 (с. Соловьево ВКО РК). Также бухтарминские крестьянки развешивали на стены и «более нарядные поздние полотенца», сшитые из красного кумача или сатина, с наконечниками, связанными из цветных

¹⁷² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Усятское. Шеняпина Е. Я. 1922 г. р.

¹⁷³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

¹⁷⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г. Поспелихинский район, ИЭЭ 2010 г. Романовский район.

¹⁷⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Бондарева И. И. 1920 г. р.

¹⁷⁶ Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 358.

¹⁷⁷ Бломквист Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 246.

¹⁷⁸ Там же, с. 285.

¹⁷⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

¹⁸⁰ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 399.

хлопчатобумажных ниток фабричного производства, получивших в крестьянской среде название «бумага». Вышивка и узорное тканье проставок для таких полотенцев выполнялись яркими шелками и гарусом¹⁸¹.

Сведений о предпочтениях уймонских старообрядцев в выборе полотенцев для украшения стен в этнографической литературе не имеется, за исключением сообщения Е. Э. Бломквист о распространении у каменщиков Уймонской долины *стеновых платков*, сшитых из красного сатина или кумача и скрепленных внизу кромками вышитых концов или имеющих общую неразрезанную вышивку, бахрому, кружево и т. п. При этом, однако, остается неясным, как использовали уймонские старообрядцы *стеновые платки*: вешали их на стены или только на зеркала, как заимствовавшие эту традицию бухтарминские крестьяне¹⁸². В коллекциях музеев (БKM, ГХМАК, МИКНС СО РАН) представлены приобретенные у каменщиков долины Катунь красные *стеновые платки* (цв. ил. 9) и наконечники для них, а также белые льняные *стеновые полотенца* с соединенными концами (НМРА, рис. 22), некоторые из них сходны по орнаментации с *бухтарминскими руковертами*. Это объясняется тем, что районы Уймона и Бухтармы издавна были связаны между собой целым рядом взаимоотношений (родственных, культурных и прочих). На Уймон с Бухтармы через хребет Холзун ведет выючная тропа, путь по которой занимает около трех дней. Между уймонцами и бухтарминцами происходило постоянное взаимодействие: уймонцы брали себе невест с Бухтармы, которые привозили с собой бухтарминские полотенца¹⁸³.

«Поляки» Алтая также вешали на стены как льняные, так и кумачовые полотенца¹⁸⁴. Те и другие отличались от аналогичных полотенцев других групп русских наибольшей яркостью, создаваемой цветовой гаммой и многообразием приемов орнаментации. На концах полотенцев и *стеновых платов* из красного кумача «поляков», как правило, соединены многочисленные проставки из хлопчатобумажных тканей и бархата, вышитых в технике «набор», «тамбур» («по-киргизски») «бумажными» и гарусными нитками (цв. ил. 7). Значительная часть стеновых платов имеют сдвоенные — «сшивные» концы. Завершают такие полотенца оборки из ткани, плетение на «цыганских пяхах» или кружево, связанное крючком из шерстяных ниток домашнего или фабричного производства. *Стеновые полотенца* «поляков», имеющиеся в музейных коллекциях региона, собраны в селах компактного проживания «поляков» (цв. ил. 1): Шипунихе, Старо-

¹⁸¹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 402.

¹⁸² Там же, с. 403.

¹⁸³ Шитова Н. И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск, 2005. С. 25.

¹⁸⁴ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРГО. Кн. I-2. Омск, 1880. С. 99.

Рис. 22. Стеновой платок. Усть-Коксинский район, Республика Алтай.
НМРА 699/39

алейском, Екатерининском (Третьяковский район АК); Секисовском, Быструхе, Большой Речке, Верх-Убинском, Стеклянке (Глубоковский, Шемонаихинский районы ВКО РК).

Стеновые полотенца старожилов-старообрядцев Солонешенского района, несмотря на то, что среди них была значительная доля «поляцкого» населения, а деревню Сибирячиху Н. М. Ядринцев даже называл «их метрополией»¹⁸⁵, сходны с полотенцами кержаков других предгорных районов Алтая: Чарышского, Краснощековского, Алтайского, Красногорского, а также с. Верх-Слюдянка Усть-Калманского, с. Верхозерного Быстроистокского района Алтайского края и Усть-Коксинского района Республики Алтай.

Кержацкие стеновые полотенца изготовлены большей частью из хорошо отбеленного льняного полотна и украшены одной или двумя проставками, вышитыми набором, крестом, реже росписью или сотканными в тех-

¹⁸⁵ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРГО. Кн. I–2. Омск, 1880. С. 99.

нике браного ткачества. Иногда они сочетались с кружевными проставками. Вышивали и ткали нитками белого, красного, черного, в редких случаях – желтого цветов. Галунцы вязали крючком, на рамке или спицах из белых в сочетании с красной или черной «бумагой». В качестве наконечников кержачки часто использовали фабричное хлопчатобумажное кружево. Судя по музейным материалам, старожилы-старообрядцы указанных районов в равной степени использовали для украшения стен полотенца с одинарными и сдвоенными концами. Своеобразным способом орнаментированы два полотенца из коллекции Бийского краеведческого музея, привезенные Б. Х. Кадиковым в 1970-е гг. из с. Сибирячиха (Солонешенский район). К основному полотну, соединенному боковыми сторонами, помимо проставок фабричного кружева, браного ткачества, фабричного кружевного наконечника выше орнаментированной части пришиты: на одном полотне – полоса кружева (БKM 11857), на другом – полноценный орнаментированный конец полотенца (рис. 23). В результате этого декоративность полотенца значительно усилена.

В начале XX в., с увеличением потока российских переселенцев, в орнаментации полотенца всех групп старожилов в целом и стеновых в частности получают распространение вышивка простым и двойным крестом красными и черными хлопчатобумажными нитками и кружево, связанное крючком из белых хлопчатобумажных ниток фабричного производства. Такие полотенца по способу орнаментации практически не имеют специфики у разных этнографических групп русского населения Алтая. Некоторые отличия сохраняются в степени украшения (ширина орнаментированных полос) и предпочитаемых мотивах вышивки.

Переселенцы в селах Алтая украшали стены полотенцами из белого льняного или конопляного полотна. В учетной документации музеев, как правило, отсутствует информация об использовании полотенца переселенцев, что не позволяет выделить отличительные черты *полотенцев* (ед. ч. – *полотенец*) и *утирок*, предназначавшихся для украшения стен. Информанты указывают лишь то, что полотенца для украшения избы были «красиво расшиты» (вышивкой, атласными лентами, полосками цветной фабричной ткани), с кистями или «кружевами» на концах. Очевидно, для переселенцев назначение полотенца не играло существенной роли при его орнаментации.

В селах со смешанным русско-украинским населением (например, с. Романово Романовского района) русские часто использовали для украшения стен покупные «королевские рушники», привозимые из Украины¹⁸⁶ (цв. ил. 4).

¹⁸⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Романово. Курашова Т. Е. 1926 г. р.

Рис. 23. Стенное полотенце. Солонешенский район, с. Сибирячиха.
Сборы Б. Х. Кадикова 1970 г. БКМ 11859.

В XIX в. в русской, в том числе и алтайской, деревне появилось и распространилось зеркало, представлявшее собой предмет роскоши и показатель зажиточности дома. Раньше всего в сельской среде зеркала вошли в обиход казаков, поскольку, являясь более зажиточными и образованными по сравнению с крестьянством, они в значительной мере тяготели к городской культуре. По свидетельству Г. Е. Катанаева, обязательной принадлежностью «сколько-либо благоустроенного дома» казаков являлись два зеркала, и притом «не дешевле 5–10 рублей каждое...»¹⁸⁷. Зеркало почти всегда украшали дополнительно к росписи и резьбе нарядными полотенцами, декорированными вышивкой, ткачеством и кружевом, усиливая тем самым его роль¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Катанаев Г. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки ЗСОРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II–III. С. 8.

¹⁸⁸ Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 74.

Упоминания о зеркалах, украшенных полотенцами, в домах «поляков», бухтарминских крестьян и других групп старожилов Алтая имеются в работах исследователей XIX — начала XX в.¹⁸⁹ Н. М. Ядринцев при характеристике хозяйства, быта и традиций населения Алтайского округа сообщал (1878): «У сибирских крестьян повсюду и в том числе на Барабе существует большое пристрастие к раскрашиванию изб. Так раскрашены двери, косяки, ставни; зеркала обвешиваются полотенцом...»¹⁹⁰. М. В. Швецова об убранстве домов «поляков» Змеиногорского округа писала: «Обязательные украшения всех комнат, как черной, так и чистой половины — зеркала, на которых повешаны полотенца с вышитыми концами, и вокруг потолка гирлянды желтых махровых цветов, очень долго сохраняющих свой цвет и вид»¹⁹¹. Очевидно, к концу XIX в. зеркало прочно занимает свое место в интерьере жилища старожилов Алтая, а украшение зеркал полотенцами становится неотъемлемым элементом не только праздничного, но и повседневного его убранства и характеризуется исследователями как устойчивая традиция. Интересно, что М. В. Швецова расценивает отсутствие в степных селениях «поляков» (Быструха, Лосиха, Шемонаиха) полотенца в виде украшений зеркала как отступление от старины, а сохранение его в с. Староалейском объясняет расположением села в стороне от трактов и редкостью пребывания в нем посторонних¹⁹².

Для большинства переселенцев в конце XIX — начале XX в. зеркала, не являвшиеся предметами первой необходимости, были недоступны ввиду их дороговизны. Обустройство на новом месте требовало от них более насущных затрат. Единственное упоминание об украшении зеркал полотенцами в доме переселенца принадлежит князю Н. А. Кострову. Он так описывает дом зажиточного переселенца с. Брюхановского на реках Косьме и Чебур (территория современной Кемеровской области): «В горнице двери, окна и косяки выкрашены масляной краской, особенно расписана дверь. <...> В простенке между окнами зеркало в деревянной рамке, над ним полотенце»¹⁹³. Вероятно, зажиточные переселенцы, имевшие зеркала и стремившиеся обустроить свой быт на манер старожилов, также украшали их полотенцами.

О том, что зеркала в большей степени были элементом интерьера дома зажиточных крестьян-старожилов и казаков и украшались полотен-

¹⁸⁹ Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. 122 с.; Голвачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905.

¹⁹⁰ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОИРГО. Кн. 1–2. Омск, 1880. С. 25.

¹⁹¹ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXVI. Омск, 1899. С. 28.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово, 1997. С. 58.

цами, свидетельствуют также полевые материалы, относящиеся к первой половине XX в. Воспоминания об этом удалось записать в разных селах Алтайского края у потомков сибиряков-старожилов, кержаков, чалдонов и казаков. Так, например, Н. П. Осипова, родившаяся в 1919 г. в семье казаков бывшей Антоньевской станицы, помнит небольшое зеркало в доме, на котором всегда висело полотенце¹⁹⁴. По словам М. П. Малыгиной, в доме ее свекрови-казачки полотенца на иконы *«и на зеркало вешали, все украшали»*¹⁹⁵. В семье родителей-кержаков Е. И. Лямкиной на зеркале висело полотенце со *«сшитыми концами»*¹⁹⁶. В домах уймонских старообрядцев, как пишет Р. П. Кучуганова, *«на стене висело большое зеркало, украшенное стеновым полотенцем»*¹⁹⁷.

В музейных собраниях региона выявлено 18 предметов (полотенец и их фрагментов), в учетной документации которых имеется указание на использование их *«для украшения зеркала»*. Из них два полотенца принадлежали российским переселенцам (АГКМ 16802/2, ГХМАК П-962), одно — казакам (АГКМ 16322/3), остальные — крестьянам-старожилам сел Ая (АГКМ 16845/3; НВФ 6349/1, 2, 3), Куяча (АГКМ 15880) Алтайского района, Платово (АГКМ 16863/2) Советского района, Староалейское (АГКМ 16186/3) Третьяковского района, Сибирячиха (АГКМ 16679/3) Солонешенского района, Чарышское (ИКМ АлтГПА 932) Чарышского района (Алтайский край), Коргон (НГКМ 1206), Санаровка (НГКМ 1197), Замульта (НМРА 26), Тихонькая (НМРА 14) Усть-Коксинского района Республики Алтай, Зевакино (ШИКМ 3838, 3839) ВКО Республики Казахстан.

Как видно, все предметы бытовали в селах предгорных и горных районов Алтая с преобладающим старожильческим населением. Этнографическая принадлежность авторов-дарителей указана в документации не для всех предметов. Два полотенца были приобретены Н. Н. Нагорской в 1927 г. у сибиряков-старожилов, три принадлежали старожилам-старообрядцам: два — кержакам, одно — *«полякам»*, три предмета — старообрядцам (без указания этнографической группы). Из 18 полотенец только четыре имеют отдельные концы. Среди них — предметы, принадлежавшие казакам, переселенцам, сибирякам-старожилам, и одно неопределенной принадлежности. Все полотенца (и их фрагменты) кержаков и *«поляков»* имеют сдвоенные концы. Учитывая также данные полевых исследований¹⁹⁸, можно

¹⁹⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Осипова Н. П. 1919 г. р.

¹⁹⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

¹⁹⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

¹⁹⁷ Кучуганова Р. П. Через лютую боль с чистым сердцем остаться. М., 2010. С. 12.

¹⁹⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

сделать вывод о том, что предпочтение в украшении зеркал полотенцами со сдвоенными концами в начале XX в. отдавали все группы старожилов-старообрядцев: кержаки, «поляки», бухтарминские и уймонские каменщики. Ссылаясь на свидетельства информантов, Е. Э. Бломквист утверждает, что обычай вешать на зеркала специально изготовленные *стенные платки* из красного сатина или кумача и скрепленные внизу кромками вышитых концов пришел на Бухтарму с Уймона и в первой четверти XX в. широко распространился у бухтарминских старообрядцев¹⁹⁹. Вопрос о том, заимствована ли данная традиция другими группами старожилов-старообрядцев от уймонцев или принесена ими из районов прежнего проживания, остается открытым.

Кроме формы, изготовленные в первой четверти XX в. и ранее полотенца для зеркал названных групп русского населения Алтая объединяет также материал (кумач, сатин, бархат, цветные нитки — хлопчатобумажные и гарус, тесьма) и способы орнаментации (вышивка набором, росписью; вязание «на пятах», на вилке). Для украшения зеркал старожилы использовали и белые полотенца. Так, при описании внутреннего убранства жилища крестьян (преимущественно старожилов) с. Сенного Верх-Бухтарминской волости Б. Герасимов писал: «На одной из внутренних стен, над зеркалом висят кумачное или белое ситцевое полотенце, с расшитыми гарусом концами»²⁰⁰. Одно из кержацких полотен (АГКМ 15880, с. Ая, Алтайский район) аналогично по способу украшения упомянутым ранее стеновым полотенцам старожилов с. Сибирячиха Солонешенского района (БКМ 11857, 11859) и представляет собой белое льняное полотно узорного ткачества, украшенное двумя нашитыми один поверх другого концами, орнаментированными вышивкой и кружевом.

Полотенца для зеркал, изготовленные во второй четверти — середине XX в. в селах Ая (Алтайский район) и Платово (Советский район), представляют собой белое льняное полотно, сдвоенные концы которого украшены вышивкой и кружевом, связанным крючком из белых хлопчатобумажных фабричных ниток. Этнографическая принадлежность авторов данных полотен в документации музеев не указана. Материал, форма и орнаментация не позволяют однозначно определить их принадлежность. Аналогичное полотенце, также изготовленное в 1920-х гг., но использовавшееся для украшения стен, в АГКМ (16673) поступило от уроженки Воронежской губернии, проживавшей в с. Черемшанка Солонешенского района. Подобное полотенце («стенное для иконы или зеркала») из коллекции ГХМАК принадлежало переселенке из Европейской России, проживавшей в Чарышском районе (П-962).

¹⁹⁹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 403.

²⁰⁰ Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. С. 16.

На основе имеющихся в музейных собраниях единичных образцов полотенец для зеркал российских переселенцев и казаков выявить их типичные черты не представляется возможным.

В диалектной речи русского сельского населения Алтая отсутствуют специальные наименования для полотенец, использовавшихся для украшения зеркал. Бытование названий *зеркальное*, приведенное А. А. Лебедевой, и *подзеркальник* – в учетной документации НГКМ не подтверждаются данными словарей народных говоров, и возможно, они имели локальное бытование (с. Санаровка, с. Коргон Усть-Коксинского района РА). Полотенца для зеркал в учетной документации Алтайского государственного краеведческого музея названы *полотенцами* (села Платово, Ая, Сибирячиха, Верх-Алейское), *стеновыми полотенцами* (села Староалейское, Ая, Нижнекаменка), *настенными полотенцами* (с. Куяча), один орнаментированный конец – *моховиком* (с. Ая). Полотенца Шемонаихинского историко-краеведческого музея зафиксированы как *стеновые платы* (с. Зевакино ВКО РК). Этот факт, а также то, что, во-первых, в описаниях некоторых предметов указано одновременно их использование для украшения зеркал и стен, во-вторых, что часть *стеновых полотенец, платков и платов*, как отмечалось ранее, также имели соединенные концы, свидетельствует, что в начале XX в. в среде старожилов-старообрядцев полотенца со сдвоенными концами в равной степени использовались для украшения стен и зеркал.

Во второй половине XX в. на смену настенным зеркалам в резной или металлической оправе стали приходить небольшие настольные зеркала. Они становились также неотъемлемой частью мебели – трюмо, трельяжей, шифоньеров. Кроме того зеркала потеряли свой знаковый статус признака зажиточности и перешли в разряд необходимых предметов. В силу этого традиция украшения полотенцами зеркал перестает существовать и в настоящее время сохраняется только в памяти старшего поколения.

Еще более поздним способом украшения интерьера, ставшим весьма популярным в среде сельского населения Алтая в XX в., стало развешивание полотенец на рамах с фотографиями близких родственников, которые информанты называют «портретами». Вероятно, украшение их полотенцами возникло по аналогии с украшением зеркал. Развешивание на стенах фотографий в рамках в семьях русского сельского населения Алтая в первой половине XX в., согласно полевым материалам, не было широко распространенным явлением. Воспоминания об их украшении полотенцами записаны большей частью от потомков российских переселенцев в Шелаболихинском, Павловском, Бийском, Третьяковском районах и относятся к 1930–1970-м гг. XX в. В ходе полевых исследований отмечено, что украшение фотографий и портретов, развешенных на стенах, до современности сохранилось во многих домах украинских переселенцев. Это может

служить косвенным подтверждением того, что южнорусские переселенцы, близкие в культурном отношении к украинцам, больше тяготели к яркому, декоративному убранству жилища, чем сибиряки-старожилы.

По сообщениям информантов, на зеркалах и «портретах», как и на иконах, полотенца висели круглый год. Стирали или заменяли их на чистые перед большими церковными праздниками. *«Да восемь полотенец было, она [мама] их все попеременно вешает, вот два полотенца на иконы и на зеркало или карточки, портреты. К Пасхе, к Троице, в праздники все [меняла]»*²⁰¹.

В музейной документации практически отсутствуют указания на использование полотенца для украшения фотографий. Подобного рода запись удалось встретить только в АГКМ применительно к полотенцу казаков из села Верх-Алейское (АГКМ 16322/3, Третьяковский район), которое также использовалось для украшения зеркала.

Подводя итог, следует отметить, что в конце XIX – первой половине XX в. орнаментированное полотенце являлось традиционным предметом быта и неотъемлемым элементом декоративного убранства жилища русского сельского населения Алтая. Его вешали в простенки между окон и на стены в праздники, на зеркала, рамки с фотографиями и в будни, создавая уютную и праздничную атмосферу в доме, демонстрируя материальное благополучие и мастерство хозяйки. К 50–60-м гг. XX в. полотенце уступает свое приоритетное место в декоре интерьера жилища русского сельского населения Алтая в связи с распространением моды на использование орнаментированных изделий иного рода: вышитых и связанных крючком салфеток, скатертей, подзоров, наволочек, штор и занавесок и т. п. Тонкая фабричная ткань белого цвета (миткаль, бязь, мадаполам), яркие нитки «мулине» придавали этим изделиям большую декоративность по сравнению с традиционными полотенцами, что соответствовало основной цели их использования во время праздников.

Полотенца бытового назначения – для лица, рук и посуды ручного производства – быстрее других замещаются фабричными изделиями. Несомненно, что первостепенную роль при этом сыграла утрата необходимости изготовления домотканого полотна с 1950-х гг. при наличии достаточного количества в продаже фабричных тканей и средств для их приобретения.

Самое устойчивое место вплоть до настоящего времени сохранило полотенце в красном углу на иконе, благодаря не столько декоративной, сколько особой ритуальной роли. Семантическое значение связи иконы и полотенца современным поколением сельских жителей утрачено, однако частично сохраняется представление о необходимости следования тради-

²⁰¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Мальцева Курья. Рекунова А. С. 1923 г р.

циям предшествующих поколений. Между тем в настоящее время нарастает тенденция к утрате полотенца как элемента красного угла. Это связано, на наш взгляд, не столько с влиянием моды в убранстве сельского жилища или с отсутствием духовной связи между поколениями, сколько с утратой предметов, изготовленных в традиционной технике ткачества, ручной вышивки, кружевоплетения. Потеря современным поколением навыков их производства делает невозможным трансляцию культурных традиций в полном объеме и неизбежно влечет их изменение.

1.3. Полотенце в семейной обрядности (родильно-крестильной, свадебной, похоронно-поминальной)

Этнографами, исследовавшими вопросы материального оформления традиционных обрядов восточнославянских народов, неоднократно отмечалась значимость и многофункциональность используемых полотенец. Г. С. Маслова, изучая обрядовую роль полотенца наряду с одеждой и другими материальными компонентами, приводит два способа его использования в аграрных обрядах: «обычай приношения холста, полотенца при начале или окончании уборки урожая», а также подробно рассмотренный Д. К. Зелениным²⁰² обычай тканья обыденных полотенец. Первый был распространен в Гродненской и Витебской губерниях, второй — преимущественно у белорусов²⁰³. Аналогичных обрядов в исследуемый период на Алтае не зафиксировано. В календарной обрядности русского сельского населения Алтая полотенца выполняли роль важнейшего элемента декоративного убранства дома. К Рождеству, Пасхе, Троице крестьяне развешивали полотенца на иконы и по стенам. При этом информанты отводят полотенцам исключительно декоративную роль.

Существенно более значимую и содержательную роль полотенца играли в обрядах жизненного цикла: родильно-крестильном, свадебном, похоронно-поминальном. Возможно, этот факт объясняется тем, что изменение характера обычаев и обрядов, утраты их магическо-религиозной основы, происходивший, по мнению исследователей, уже в течение XIX — начале XX в.²⁰⁴, в меньшей степени коснулось семейной обрядности в силу устойчивости функциональной направленности обрядовых действий²⁰⁵.

---

²⁰² Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. СПб., 1912. С. 1–14.

²⁰³ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 124–125.

²⁰⁴ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 130–131.

²⁰⁵ Жигунова М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX в. Омск, 2004. С. 81.

Несмотря на коренные изменения в семейной обрядности в советский период, до настоящего времени сохранились обряды, связанные с основными событиями в жизни семьи: свадебные, крестильные, похоронные и поминальные. «И хотя обряды утратили свою монополию в передаче традиций, жизненного опыта от поколения к поколению, тем не менее они по-прежнему выполняют функции эмоционального воздействия и санкционирования в глазах общественного мнения различных семейных событий. Несмотря на то, что обрядность утрачивает свою обязательность, она частично сохраняет свою роль этнического интегратора»²⁰⁶.

Под влиянием социально-экономических преобразований в жизни этноса меняются не только функции обычаев и обрядов, но и их форма и содержание. Эти изменения происходят медленно и неравномерно. Обычно сначала изменяется содержание обряда и только потом его форма. Иногда первоначальный смысл обряда забывается, а традиционная форма наполняется новым содержанием²⁰⁷. Учитывая то, что полотенце, будучи материальным компонентом, является выражением формы обряда, представляется интересным выявить особенности его использования в обрядах жизненного цикла русского сельского населения Алтая на протяжении рассматриваемого периода.

Полотенце в родильно-крестильной обрядности

О значении полотенца в родильно-крестильной обрядности русского сельского населения Алтая представляется возможным судить только по материалам исследований 1990–2000-х гг. В силу столь позднего обращения этнографов к изучению данного цикла семейной обрядности место и функции в нем полотенца определены далеко не в полной мере. Однако даже имеющиеся источники свидетельствуют об их востребованности в ходе каждого этапа традиционного ритуала: в процессе родов, обряде размывания рук и во время крещения младенца.

Использование полотенца во время родов отмечается до середины XX в. и связано с помощью бабушки-повитухи. При трудных родах повитуха в числе практических приемов, направленных на усиление потуг, заставляла роженицу с силой тянуть полотенце, привязанное к матице или к печному брусу (Кытмановский, Солонешенский, Бийский районы). Назначение полотенца в данном случае могло быть сугубо практическим, а его предпочтение другим предметам (поясу, веревке) обусловлено удобством использования и наличием «всегда под рукой». В то же время исследователями установлено, что в рамках традиционной культуры русских для об-

²⁰⁶ Федянович Т. П. Обычаи и обряды: их место и роль в жизни этноса (по материалам народов Урало-Поволжья) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29. М., 2003. С. 82.

²⁰⁷ Там же, с. 81.

легчения родов совершались действия прежде всего с предметами домашнего обихода, имеющими устойчивое сакральное значение²⁰⁸.

Повсеместно в селах Алтая, как и на большей части расселения русских²⁰⁹, полотенце использовалось в обряде «размывания рук» повитухи и роженицы. Хронологически этот обряд совпадает с окончанием пребывания повитухи в доме роженицы. Его необходимость была вызвана представлениями крестьян о том, что роженица и повитуха являются нечистыми не только физически, но и духовно, так как послеродовая нечистота навлекает на них нечистую силу²¹⁰. Использование при совершении обряда полотенца и другой атрибутики, ассоциируемой с чистотой (воды, мыла), по мнению исследователей, обусловлено сакральным смыслом обряда, заключающимся в символическом очищении повитухи и роженицы²¹¹. В то же время его выполнение должно было обеспечить роженице в дальнейшем возможность иметь много детей²¹², а повитухе обеспечивало право продолжать свою миссию²¹³.

Обряд проводился в доме, иногда над порогом. Женщины поочередно мыли руки с мылом и вытирали одним полотенцем – роженица одним концом, повитуха другим. Необходимые для совершения обряда мыло и полотенце должны были быть новыми. По окончании обряда их отдавали бабушке в числе других предметов (платок, шаль, отрез ткани и др.) в качестве вознаграждения за помощь (Усть-Калманский, Петропавловский районы, Бийский, Залесовский, Третьяковский районы АК)²¹⁴. После размывания рук устраивали обед или поили повитуху чаем.

²⁰⁸ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 1997. С. 505.

²⁰⁹ Шангина И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 12.

²¹⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 322.

²¹¹ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 1997. С. 505; Курсакова А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 179; Куприянова И. В. Некоторые моменты родильно-крестильной обрядности в селах Алтайского края // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 180.

²¹² Шангина И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 12.

²¹³ Лештаева Н. В. Функции членов семьи в обрядах, связанных с рождением ребенка, у русского населения Казанского Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 88.

²¹⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.; Петропавловский район, с. Антоньевка. Осипова Н. П. 1919 г. р.; Жигунова М. А. Родины и крестины у русских Западной Сибири (XX век) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 185; Курсакова А. В. Специфика бытования родильно-крестильной обрядности в с. Новоалейке Третьяковского района Алтайского края в 30–60-х годах XX века // Снитковские чтения. Бар-

Обрядом очищения младенца по народным представлениям считалось крещение. По установившейся у русских традиции крестный отец платил за совершение таинства, он же обычно дарил крестик, крестная мать приносила полотенце (иногда кусок материи), на который принимали окрещенного ребенка из купели²¹⁵. *«Если мальчик — мужику (крестному. — Н. Г.) на руки кладут, заворачивают в это полотенце, а потом круг купели...»*²¹⁶. *«Крестному ложишь на руки — на полотенце: „Нарекается крестный раб Божий...“»*²¹⁷. Используемое при этом полотенце, согласно материалам опросов, обязательно должно быть новым. При этом кержаки и сибиряки-старожилы предпочтение отдавали вышитым полотенцам (Чарышский, Солонешенский, Бийский районы АК)²¹⁸. Со временем подготовка полотенца к крещению младенца перестает быть обязанностью крестной матери. При совершении обряда крещения или погружения с середины XX в. ребенка принимали на полотенце, приготовленное родителями²¹⁹, а часто на пеленки или простынки²²⁰.

А. В. Курсаковой в селах Бийского района было зафиксировано использование полотенца для накрывания ведра с водой, предназначенной для крещения в церкви: *«Крестная ребеночка несет: завернет его, да все в чистое, хорошее. <...> А он, крестный, ведро с водой несет, полотенцами прикрытое ведро он несет. Да бабка-повитуха, она тоже идет, она помогает там все, рубашку, полотенце несет»*²²¹.

наул, 2005. С. 235; Курсакова А. В. Традиции, связанные с рождением и воспитанием детей // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 211; Курсакова А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 179–180.

²¹⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Малый Баше-лак. Черепанова Г. А. 1936 г. р.; Жигунова М. А. Родины и крестины у русских Западной Сибири (XX век) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 188–189; Жигунова М. А. Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 85.

²¹⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

²¹⁷ Курсакова А. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 286.

²¹⁸ Курсакова А. В. Крещение на дому в крестьянских семьях Алтая в период коллективизации // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 2. Барнаул, 2002. С. 216; Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

²¹⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Маралиха. Яковлева А. С. 1925 г. р.

²²⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, Петропаловский район.

²²¹ Сковородникова О. Ф. 1917 г. р., с. Большое Угреново. Цит. по: Курсакова А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 181.

Известно, что полотенце в конце XIX – начале XX в. в селениях Европейской России часто выступало платой церковному причту за совершение венчания, крещения, причащения и прочих треб²²². В некоторых селах Алтая эта традиция сохранялась до 1940-х гг.: *«Повела мать нас с братом крестить. Ну а домой-то пришли, мать говорит, вот попу надо за работу... Тогда чё, ни денег, ничё не было... Говорит – курицу ловите нести попу. Как щас помню, мать достала полотенце расшитое из сундука и унесла с полотенцем эту курицу»*²²³.

Начиная со второй трети XX в., по мере того как дом переставал быть местом рождения, а крещение – обязательным для ребенка обрядом, традиционные функции полотенца в родильно-крестильной обрядности постепенно утрачивались. С 1960-х гг. активно осуществлялись попытки создания новой обрядности, соответствующей уровню развития социалистического общества. В некоторых селах, как и в городах, в 1960–1980-е гг. вместо обряда крещения проводилась торжественная регистрация новорожденных и гражданский обряд имянаречения, получившие в народе название «советские крестины»²²⁴, в ходе которого полотенце использовали для встречи молодых родителей с хлебом-солью. В настоящее время полотенце иногда используется в церковном обряде крещения для принятия ребенка из купели или вытирания ему головы.

Полотенце в свадебной обрядности

Первое описание крестьянской свадьбы русских старожилов Алтая принадлежит С. И. Гуляеву и относится к концу 1830-х гг. В нем находим и первое свидетельство об использовании полотенца в свадебном ритуале: *«В это время на кушаке у него [дружики] с левой стороны висит нож, для разрезания кушанья, на переди берчатое полотенце и пистолет, на правой стороне заткнута плетть или бич»*²²⁵. Значительное число описаний свадебного обряда русского старожильского населения Алтая исследователями конца XIX – начала XX в.²²⁶ не содержит сведений о полотенце. На наш взгляд, это отнюдь не означает его отсутствия в свадебном ритуале, а

²²² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. СПб., 2004. С. 238.

²²³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Селезнево. Косолапов А. Я. 1939 г. р.

²²⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Ключи. Плотникова А. Г. 1925 г. р.

²²⁵ Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. 90. СПб., 1848. С. 8.

²²⁶ Зобнин Ф. К. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (этнографический очерк) // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 199–219; Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. 122 с.;

лишь свидетельствует о том, что исследователи произвольно фиксировали интересовавшие их моменты, уделяя, как правило, большее внимание ходу ритуала и песенному репертуару. Косвенным подтверждением этого являются материалы исследователей: Н. А. Иваницкого, Я. Кузнецова, П. П. Чубинского, Е. Р. Романова, П. В. Шейна и др., обобщенные Г. С. Масловой²²⁷, а также источники «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, свидетельствующие о широком использовании полотенца в качестве свадебного атрибута крестьянами европейских губерний России в тот же период²²⁸. В связи с этим основным источником изучения роли полотенца в традиционной свадебной обрядности русского населения Алтая являются полевые материалы – воспоминания информантов, а также музейные коллекции.

Полотенце использовалось на всех этапах традиционного свадебного ритуала не только у русских, но и у других восточнославянских народов и наряду со множеством материальных компонентов придавало ему этническую, этнографическую и локальную специфику. Для всех восточных славян характерно использование полотенца в качестве приданого невесты, предмета убранства избы жениха и свадебного поезда, предмета дарения родственникам жениха и участникам свадьбы, атрибута участников свадьбы или существенного элемента обряда (обертывание рук полотенцем, расстилание ширинок под ноги молодым при венчании, встреча молодых с хлебом-солью), элемента свадебного костюма невесты. Однако как у русских, украинцев и белорусов в целом, так и у различных групп русских отмечается значительная специфика в способе использования полотенца на одних и тех же этапах, в выборе материала, размерах и орнаментации свадебных полотенцев, в их наименовании и количестве.

Анализ полевых и музейных материалов показал, что в свадебной обрядности русского населения Алтая второй половины XIX – начала XX в., в отличие от европейских губерний России, полотенце выполняло все вышеперечисленные функции, кроме последней. В источниках отсутствуют сведения об использовании невестой полотенца в качестве головного покрытия и «ручного полотенца», как это было принято, например, в Тамбовской и Владимирской губерниях²²⁹.

Полотенце в свадебном сценарии выступает неотъемлемым атрибутом, имеющим непосредственное отношение к невесте. Если семье жени-

Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРГО. Кн. I–2. Омск, 1880. С. 1–147.

²²⁷ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. 216 с.

²²⁸ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1–8. СПб., 2004–2008.

²²⁹ Шангина И. И. Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 156–212.

ха полотенце было необходимо для встречи молодых с хлебом-солью от венца и одно или несколько – для украшения упряжи лошади при снаряжении свадебного поезда, то полотенца невесты использовались на разных этапах обряда с различными целями.

Полотенца традиционно составляли обязательную часть приданого девушки. Их число, как и размеры приданого в целом, зависели от многих обстоятельств, прежде всего от состоятельности крестьянской семьи²³⁰. А. А. Лебедева отмечает, что в богатых семьях старожилов Сибири раздаривалось до 30 полотенец; помимо этого, в дом жениха привозились многочисленные полотенца разного назначения²³¹. В работе Т. Г. Шарабариной, посвященной описанию русских свадебных традиций на Рудном Алтае конца XIX – середины XX в., приведены слова старинной свадебной песни, в которой упоминается в приданом невесты «сорок сороков рушников, пятьдесят скатертей-бранок»²³². При этом автор констатирует, что «...фразеологизм „сорок сороков“ уже давно обозначал просто бесчисленное множество, а не старинную единицу счета (буквально – 40 раз по 40 штук)²³³, хотя в каждом конкретном случае это «бессчетное количество» считалось с особой скрупулезностью, т. к. было не только предметом гордости семьи, но и залогом грядущего благополучия дочери»²³⁴. Как известно, приданое составляло личную собственность женщины, даже в большой неразделенной семье, и в случае ее смерти переходило по наследству дочери, а если дочерей не было, то возвращалось в семью родителей. Кроме того, размеры приданого и его качество влияли на общественное мнение.

Зависимость количества полотенец в приданом девушки от состоятельности ее семьи подчеркивают и информанты: «...у кого какой достаток позволяет: может десять, у кого мало – может и пять пройдет»²³⁵. При этом под достатком понималось прежде всего достаточная площадь для посевов льна или конопли (у южнорусских переселенцев), возможность приобретения ниток для вышивания и вязания, наличие у девушки свободного от полевых и домашних работ времени для занятия рукоделием. По сведениям информантов, родившихся до 1920-х гг., в селах Ал-

²³⁰ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 13.

²³¹ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX – XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 109.

²³² Записано в 1982 г. в г. Шемонаиха от Агафоновой Е. М., 1915 г. р. Цит. по: Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 43.

²³³ Фразеологический словарь русского языка. М., 1987. С. 447.

²³⁴ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 43.

²³⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

тая в приданое девушки из зажиточной семьи входило до 20 орнаментированных полотенец. *«Жили крепко, в приданое давали по 15 скатертей, по 15–20 рушников, шелковые и кашемировые сарафаны...»*²³⁶. Девушки из бедных семей старались приготовить от двух до пяти полотенец. Иногда для этого они специально нанимались в няньки или работницы к зажиточным односельчанам. Л. Е. Оленькина вспоминала: *«Жила в людях, родители умерли рано. Работала у Данилова Иойла Демидовича. Доила у него коров, мыла все, водилась с детьми. За проработанные три года получила три сарафана, три подшалка, три фартука, три опояска, четыре рушника — это и было мое приданое к свадьбе»*²³⁷.

Каждая семья начинала готовить приданое задолго до вступления дочери в брачный возраст. До 1920-х гг. в селах Алтая не было распространено использование фабричных полотенец. Весь процесс их изготовления, включающий прядение нити, ткачество полотна и его орнаментацию, осуществлялся в домашних условиях. На первом и втором этапах большая роль принадлежала матери, иногда бабушке девушки, на последнем — самой будущей невесте и ее подругам. Учитывая продолжительность и трудоемкость процесса обработки льна, прядения и ткачества, женщина готовила холст заранее, чтобы к моменту свадьбы дочери он был готов к дальнейшей работе: *«Я еще девка-девчонка, а мне мать тклет — припасает»*²³⁸. Учитывая также то, что для свадебных полотенец ткали особенно тонкое, нередко узорное полотно, эта работа была под силу только опытной мастерице. В тех случаях, когда девушка сама ткала холст, мать основывала ткацкий стан (кросна) и следила за работой дочери. Прядение нити на полотенец доверяли взрослым девушкам, достаточно хорошо владеющим этим непростым навыком. *«Мама ткала, я пряла. Она мою пряжу любила, сестра пряла быстро, а я потихонечку, так спокойно, и она мою пряжу — на основу, а той потыкает»*²³⁹.

Сведения о возрасте начала включения девочки в трудовой процесс обработки волокнистых культур, ткачества и вышивки в опубликованных источниках и литературе несколько разнятся. В селах Рудного Алтая к 6–7-летнему возрасту девочка должна была научиться прясть, годам к 8–9 — ткать, шить и вышивать, а к 12 — свободно обращаться со швейной

²³⁶ Сорокоумова М. С., 1906 г. р., с. Верх-Уба, Шемонаихинский район. Цит. по: Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 43.

²³⁷ Оленькина Л. Е., 1908 г. р., с. Выдриха, Шемонаихинский район. Цит. по: Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004, С. 44.

²³⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

²³⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

машиной²⁴⁰. В современном Тогучинском районе Новосибирской области прясть и вышивать начинали с 10–12 лет²⁴¹. В Залесовском районе Алтайского края девочек обучали ткать с десяти лет²⁴², в целом по Сибири — несколько позже, с 12–13 лет²⁴³. Обращаясь к вопросу о возрасте включения девочек в трудовой процесс, Т. А. Листова пишет: «Лет с 7–8 девочка понемногу училась прясть, держать иглу, а лет в 12 она уже помогает матери ткать холст более простой, отлично владеет иглой и шьет белье для маленьких». Лет с 14 девочка-подросток осваивала сложную науку домашнего ткачества и рукоделия, готовя себе приданое и помогая матери обшивать семью²⁴⁴. При этом исследовательница совершенно справедливо замечает, что приведенные возрастные рамки выполнения работ можно считать наиболее принятыми в крестьянской среде, но не жестко установленными²⁴⁵. Полевые материалы показывают, что в селах современного Алтайского края в рассматриваемое время девочки раньше всего начинали осваивать прядение: *«Прясть с восьми лет начинают учить: сперва вертит какие-нибудь отрепья, а потом начнут хорошую давать — побольше станешь. И ткали»*²⁴⁶. *«До школы (девять лет. — Н. Г.) меня мама садила прясть»*²⁴⁷. *«Мне годов пять-шесть было, батяка сделал мне прялочку. Мама даст задание: вот тебе куделечка, отпрянешь ее тогда играть побежишь. Кручу, кручу, кручу — плохо убывает, отщипну — пойду в снег ее воткну. А все равно заставляли»*²⁴⁸. Несколько позже девочкам разрешалось сесть за ткацкий стан. Это объясняется не столько сложностью процесса тканья, сколько необходимым физическим развитием девушки: чтобы дотянуться до берда, нужны были доста-

²⁴⁰ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 42.

²⁴¹ Голубкова О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 513.

²⁴² Курсакова А. В. Традиции, связанные с рождением и воспитанием детей // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 213.

²⁴³ Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 120; Бережнова М. Л. Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 196.

²⁴⁴ Листова Т. А. Традиции трудового воспитания в деревне // Русские: историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 117.

²⁴⁵ Там же, с. 118.

²⁴⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

²⁴⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Александрова М. И. 1919 г. р.

²⁴⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Соколово. Рыбникова А. С. 1909 г. р.

точно длинные руки. В семье создавалась такая обстановка, чтобы девочке захотелось ткать²⁴⁹.

В отличие от прядения, ткачества и шитья ручной строчкой, вышивка не вменялась в обязанности девушки. Однако многие девушки стремились освоить искусство вышивания и заслужить одобрение со стороны односельчан и родни будущего мужа. *«Я когда еще девушкой была, задумку себе задумала, что замуж не выйду, пока двенадцать рушников и одну большую скатерть не вышью — это как Иисус Христос и двенадцать апостолов»*²⁵⁰.

Традиция приобщения девочек к рукоделию с раннего возраста устойчиво сохранялась до конца 1920-х гг. С образованием колхозов и распространением школьного образования навыки ткачества, вышивки, кружевоплетения постепенно теряют значение обязательных при оценке достоинств девушки как будущей невесты. *«Мама все умела делать, а мы из-за колхозной работы ни черта не умели. Пока с работы придешь — уже руки не работают»*²⁵¹. С этого времени отмечается тенденция к угасанию интереса к традиционной вышивке среди самих девушек. Так, из опрошенных женщин до 1915 г. р. все владели техникой вышивки, а начиная с 1918 г. р. отмечается резкое уменьшение числа таковых. В то же время усиливается интерес к вязанию кружева крючком. В числе свадебных полотенец увеличивается доля предметов, переданных по наследству девушке от матери или бабушки, а также изготовленных ими к ее свадьбе. Количество богато орнаментированных полотенец в приданом невесты в целом со второй четверти XX в. стало сокращаться.

Назначение полотенца непосредственно влияло на его размер, на выбор материала, техники и богатство орнаментации. Заранее, в девичество, девушки стремились вышить полотенца для украшения икон, стен, зеркал. Это объясняется по меньшей мере двумя причинами: во-первых, эти полотенца отличались обилием украшений, для выполнения которых требовалось значительное время; во-вторых, они оставались невесте и составляли ее приданое (рис. 24). Именно такие полотенца развешивались в избе жениха в первый день свадьбы и оценивались гостями, а в последующем размещались на стенах, иконах и зеркалах во время больших церковных праздников. Такие полотенца составляют сегодня большую часть музейных коллекций и хранятся как семейные реликвии.

²⁴⁹ Бережнова М. Л. Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 196.

²⁵⁰ Голубкова О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 513.

²⁵¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г. Поспелихинский район, с. Клепечиха. Толоконникова Ф. Е. 1914 г. р.

Вторыми по значимости при подготовке приданого являлись полотенца, предназначавшиеся для даров родственникам жениха и использующиеся в ходе свадьбы. Они украшались значительно скромнее. Кроме того, будущей хозяйке необходимо было обеспечить семью полотенцами бытового назначения на некоторое время после свадьбы. *«И лицо вытирать, и посуду — все это молодуха доставляет свое»*²⁵².

В большинстве крестьянских семей недостающие «дарные» полотенца, как и предметы бытового назначения, изготавливались подружками невесты в период подготовки к свадьбе, который практически повсеместно в селах Алтая называли «девичником/девишником»²⁵³. *«В молодые годы любила ходить по девишникам. За неделю до свадьбы сидели с невестой, готовили приданое: шили сарафаны, вышивали полотенца для подарков, всё, что не дошито, помогали дошивать»*²⁵⁴. *«Рушнички, какие дарить, подружки вышивали»*²⁵⁵.

При этом каждая девушка выполняла ту работу, которая у нее лучше получалась: вышивала, «мережила» (вышивала в технике «мережки»), вязала кружево, плела кисти. Случалось, что несколько предметов

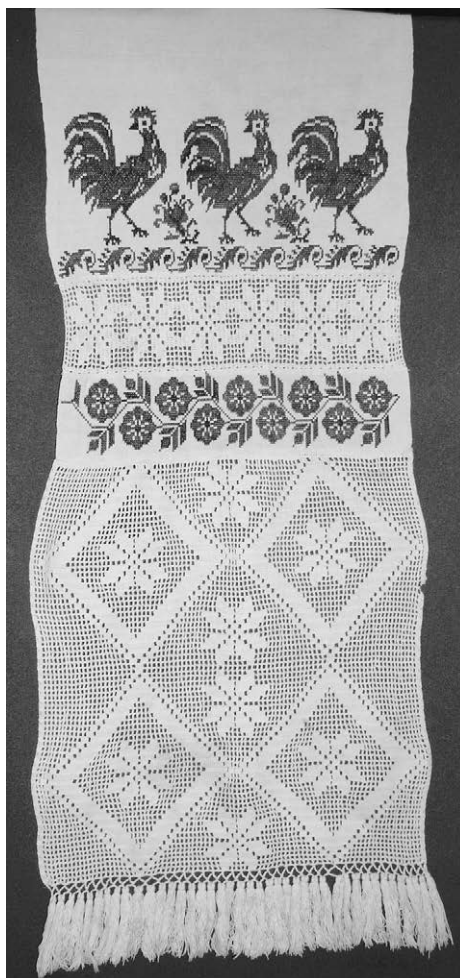

Рис. 24. Свадебное полотенце. Конец XIX в. Залесовский район, с. Залесово. ИКМ АлтГПА 502

²⁵² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

²⁵³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Соколово. Рыбникова А. С. 1909 г. р.; 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

²⁵⁴ Миронова Е. С. 1912 г. р. (полячка). Цит. по: Абрамова О. А. Свадьба села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 191.

²⁵⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

за время девишника были изготовлены «одной рукой»²⁵⁶. Невеста во время девишника помогала матери готовить угощение для подруг или проводила время с женихом.

В подготовке свадебных полотенец подругами невесты во время девишника Г. С. Маслова усматривает аналогию украинскому обряду «торочины», посвященному подготовке свадебных полотенец. При этом невеста собирала подружек, давала им иголки, нитки, два-три рушника каждой и по куску тороков (концы полотна, остававшиеся при тканье на ткацком стане) с длинными висящими нитями основы. От пришитых тороков рушники делались длиннее и красивее²⁵⁷.

По данным А. А. Лебедевой, казачки обычно заказывали полотенца и холсты крестьянкам — мастерицам, умевшим с большим искусством выполнять на крестьянском ткацком стане ткани с разнообразными узорами. В богатых семьях также нередко нанимали рукодельниц, которые шили и вышивали одежду для невесты и готовили дары, если приданое заранее не было приготовлено в нужном количестве²⁵⁸. М. В. Швецова отмечает, что «полячки Южного Алтая» собственноручно должны были вышить только те полотенца, которые невесты дарят женихам в задаток²⁵⁹.

Начиная со второй четверти XX в. «дарные» полотенца могли иметь скромную вышивку или не быть вышитыми вовсе. А. С. Харламова вспоминает о покупке для даров к ее свадьбе в 1924 г. фабричных полотенец: *«Тогда продавали всякие — цветастые, лучше вышитых»*²⁶⁰.

Изготовление «богато расшитых» полотенец требовало не только умения ткать, вышивать, вязать кружево и т. п., но и значительных временных и материальных затрат, что было доступно не каждой семье. В связи с этим в крестьянской среде на рубеже XIX–XX вв. орнаментированные полотенца являлись признаком материального благополучия семьи, которое особенно стремились показать во время свадьбы. Поэтому развешанные по стенам избы жениха полотенца демонстрировали трудолюбие и способности к рукоделию невесты, а их количество — достаток ее семьи. Этот факт многократно подтверждают материалы интервьюирования: *«О, богатые как навешают в горнице всяко расшитые — любо поглядеть»*²⁶¹. Приданое не-

²⁵⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Соколово. Рыбникова А. С. 1909 г. р.

²⁵⁷ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 80.

²⁵⁸ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX–XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 108.

²⁵⁹ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРО. Кн. XXVI. Омск, 1899. С. 36.

²⁶⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

²⁶¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Лямкина Е. И. 1919 г. р.

весты выставлялось напоказ, и всякий мог войти в дом и осмотреть его. Для молодых людей и особенно для их родителей очень важным являлось мнение односельчан: *«чтобы все было как у людей, чтобы люди не осудили»*. *«Тогда ведь по полной хате народу набивалось — глядеть свадьбу — битком до стола. Такая мода была»*²⁶². Развешанные в избе полотенца, как и расстеленные скатерти, выполняли и декоративную функцию, придавая избе нарядный, праздничный вид (рис. 25, цв. ил. 13).

По мнению исследователя свадебной обрядности русских Поволжья Н. В. Зорина, к концу XIX — началу XX в. уже была забыта традиционная основа широко распространенного обычая развешивания полотенец невесты в ходе свадьбы, которую он усматривает в задабривании духов — предков семьи мужа, покровителей его рода. Некогда полотенца «служили своеобразной жертвой этим духам и в то же время выполняли охранные функции в отношении новобрачной, создавая психологически доброжелательный микроклимат в доме мужа»²⁶³.

Осмотр приданого невесты и перевоз его в дом жениха являлись важными эпизодами свадебного обряда как старожилов, в том числе старообрядцев, так и переселенцев Алтая²⁶⁴. Сохранение традиции развешивать полотенца до 30-х гг. XX в. фиксируется у различных этнографических групп русского населения Алтая: «поляков» Глубоковского, Катон-Ка-

Рис. 25. Полотенце для приданого Чувакиной Е. С. 1915 г. р. Начало 1930-х гг. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. ИКМ АлтГПА 911

²⁶² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

²⁶³ Зорин Н. В. Символы невесты в русских свадебных обрядах // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 45.

²⁶⁴ Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае: XIII — начало XX в. М., 1996. С. 200, 210, 215.

рагайского районов Восточно-Казахстанской области²⁶⁵, кержаков Заринского, Солонешенского районов²⁶⁶, сибиряков-старожилов Бийского района²⁶⁷, переселенцев Троицкого²⁶⁸, Усть-Калманского, Третьяковского и других районов Алтайского края²⁶⁹. В отличие от забайкальских казаков, у которых не было обычая развешивать полотенца на стены во время свадьбы²⁷⁰, в казачьих, как и в крестьянских, семьях Алтая после того как сундук вносили в дом, все приданое развешивали на гвоздиках²⁷¹.

Доставка приданого в дом жениха в свадьбе русского населения Алтая была обязанностью невесты и свахи (у украинских переселенцев на Алтае — дружки невесты). Сундук с приданым и постель они отвозили в большинстве сел Алтая во время венчания молодых, либо сразу после него. Только у староверов с. Боровлянка Заринского района В. И. Мотузной зафиксирован обычай развешивать полотенца из приданого невесты в доме жениха после окручивания молодой²⁷². Но в том и другом случае разыгрывалась шуточная сцена выкупа приданого, после чего свахи со стороны невесты и жениха расставляли сундуки, стелили постель, развешивали полотенца, расстилали «*настольники*» (скатерти).

Г. С. Маслова пишет, что в украинской и белорусской свадьбе родственники, сидевшие на возу при перевозке приданного, не слезали с воза, пока не получали вознаграждение деньгами или длинными *утиральниками*, которыми они покрывали себе плечи, а концы спускали до земли²⁷³.

В свадьбе русского сельского населения Алтая плата осуществлялась не за приданое как таковое, а за то, что его вносили в дом жениха. При

²⁶⁵ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 62, 80.

²⁶⁶ Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 192; Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 264.

²⁶⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Верх-Катунское. Пивоварова Е. К. 1920 г. р.

²⁶⁸ Панышина Н. Г. Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 3. Барнаул, 1998. С. 138.

²⁶⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, Третьяковский район.

²⁷⁰ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX — XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 110.

²⁷¹ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 100; Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

²⁷² Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 192.

²⁷³ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 20.

этом родственники невесты останавливались перед воротами, и сваха говорила: *«Ой, лошадь не заходит»*. Ей подносили рюмочку вина, и тогда приданое провозили через ворота. Своеобразный выкуп приданого повторялся у каждой двери. Когда сундук наконец вносили в избу и доставали приданое, сваха начинала забивать в стену гвозди для полотенец. При этом она делала вид, что гвоздь не вбивается в стену, и вновь требовала выкуп: *«Она бье, сто раз стукня — не лезя, вот ей тада подавають и подавають»*²⁷⁴. После того как все полотенца были развешаны на стены, зеркало, *«на боженьку»* (икону), плату требовали за их количество: *«Повешают, сосчитают, сколь полотенец: 12 ли 15, и вот: „Сколь концов, столь нам корцов“*. *Корец... теперь называют ковшик, а тогда корец. И вот наливали им»*²⁷⁵.

В Третьяковском районе данный этап свадьбы сохранялся вплоть до 1960-х гг. Но тогда институт свах был уже утрачен, и полотенца развешивали друг жениха и подружка невесты. Им также платили вином за то, чтобы они вешали полотенца ровно²⁷⁶.

Повсеместно в процессе украшения избы жениха полотенца вешали последовательно сначала на иконы, затем от красного угла по стенам и в простенках между окнами. Если в доме было зеркало, его также украшали полотенцем. Информация об украшении зеркал получена в селах Екатерининское (Третьяковский район), Антоньевка (Петропавловский район)²⁷⁷, Ермачиха (Мамонтовский район), Сосновый Лог (Кытмановский район)²⁷⁸ Алтайского края, с. Бобровка (Глубоковский район) и с. Урыль (Катон-Карагайский район) ВКО²⁷⁹. После свадьбы полотенца снимали, оставляя только на иконе²⁸⁰.

Основываясь на полевых материалах, можно с уверенностью говорить о том, что в 1950–1970-е гг. традиция развешивать полотенца в ходе свадьбы воспроизводилась только тогда, когда обряд совершался в полном объеме, как говорят информанты — «по-старинному». Однако даже в этом случае число полотенец, имевшихся в приданом невесты, не всег-

²⁷⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

²⁷⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

²⁷⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

²⁷⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка.

²⁷⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2000 г. Мамонтовский район, 2001 г. Кытмановский район.

²⁷⁹ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 62, 80.

²⁸⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Михайловка. Кузнецова Ф. А. 1899 г. р.

да позволяло соблюсти ритуал полностью: «на иконы повесили, утираться, и всё»²⁸¹.

Еще один способ демонстрации приданого невесты, в том числе и полотенца, зафиксирован в селах Бийского района. По окончании девичника, когда все необходимое для приданого невесты было готово, подружки надевали на себя изготовленные рубахи, штаны, парочки, повязывали полотенца вокруг талии и отправлялись к родителям жениха. «...Запрягают коня, с колокольцами едут по деревне к его родителям. Сколь она полотенцев навывшивает, их вот вокруг талии обвязывают. Хто мужиком нарядился, хто в парочку. Наряжаются в эту одежду все пятнадцать! Ну, и берут литовку, едут и стучат по деревне. Заходят к жениху, они давай угощать. Смотрят, какие полотенца у невесты, штаны, какие рубахи, все смотрят»²⁸². Аналогичный обряд был распространен у русских Среднего Поволжья²⁸³. В начале XX в. во многих селах Алтая (Зонального, Бийского²⁸⁴, Пospelихинского, Шипуновского, Змеиногорского районов²⁸⁵, преимущественно — старожилов) подружки невесты накануне свадьбы катились по селу с наряженным венком, а затем ехали к жениху за мылом, гребнем и полотенцем для невесты. В селах Саввушки (Змеиногорский район, «поляки») и Екатерининское (Третьяковский район, «поляки») подружки невесты в последний день девичника относили жениху «снаряд»: рубашку, пояс, портянки и пр. Они шли с разукрашенным баннм венком и несли в руках косу-литовку²⁸⁶.

В с. Михайловка Усть-Калманского района (переселенцы из Воронежской губ.) подружки невесты ходили к жениху ужинать. При этом они шли через все село, звенели в литовки, пели, плясали, создавая много шума, оповещая тем самым односельчан о предстоящей свадьбе²⁸⁷. Однако в этих

²⁸¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

²⁸² Шарапова А. И. (сибирячка). Цит. по: Панышина Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 196.

²⁸³ Зорин Н. В. Символы невесты в русских свадебных обрядах // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 44–45; Зорин Н. В. Обрядовые функции одежды в русском свадебном ритуале Среднего Поволжья // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 66–67.

²⁸⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Зональный район, с. Соколово. Рыбникова А. С. 1909 г. р.; Материалы ИЭЭ 2004 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

²⁸⁵ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 191.

²⁸⁶ Липинская В. А. Старожилов и переселенцы: русские на Алтае. XIII — начало XX в. М., 1996. С. 213.

²⁸⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Михайловка. Кузнецова Ф. А. 1899 г. р.

селах информанты не упоминали о показе приданого невесты. Возможно, записанный в Бийском районе обряд имел на Алтае локальное распространение и был принесен переселенцами с Поволжья.

Своего рода демонстрацией трудолюбия, мастерства невесты и достатка ее родителей, с точки зрения большинства информантов, являлись и дары, которые традиционно в русской свадьбе невеста подносила жениху и его родственникам во время свадебного пира. По мнению исследователей, подарки не только имели престижное значение для всей семьи невесты, но также дарились с целью сближения с семейством мужа, чтобы задобрить его членов²⁸⁸.

Полотенца являлись одним из традиционных подарков не только в русской крестьянской свадьбе, но и в великокняжеских и царских свадьбах²⁸⁹. Так, о великокняжеской свадьбе XVI–XVII вв. Н. И. Костомаров писал: «Дружка (во время обряда окручивания невесты. — Н. Г.) резал перепечу и сыр на мелкие куски, клал на большое блюдо, накладывал туда же множество *ширинок* и отдавал поддружему, или меньшему дружке; сам получал от невесты вышитый ее руками *убрус* и подносил его жениху, а меньшей дружка разносил и раздавал всем гостям куски перепечи и *ширинки*, также посылал отцу и матери жениха, оставшимся в своем доме»²⁹⁰.

В описаниях свадебных обрядов XVII — начала XIX в., собранных А. В. Терещенко, имеются упоминания о дарении полотенца: матерью или сестрой невесты жениху после сговора и дружке во второй день свадьбы, невестой царице и царевнам (боярская свадьба XVII в.); молодой своим гостям после бани во второй день свадьбы (XVIII в.); невестой жениху после сватовства, матерью или сестрой невесты жениху после рукобיתья, невестой всем родственникам жениха и священнику (начало XIX в.) и т. п.²⁹¹. Эти материалы свидетельствуют, с одной стороны, о давности традиции дарения полотенца в русской свадьбе, с другой — об отсутствии единого ритуала, определяющего время дарения, количество и состав одариваемых, особенности раздаваемых полотенца. Неизменным до начала XX в. во всех регионах России оставался даритель — невеста и ее семья.

Традиции использования полотенца в качестве свадебных даров в различных районах Алтая носили локальный характер, как и на всей территории России. На Алтае отмечены традиции дарить полотенце родителям жениха, свахе, жениху, золовкам (сестрам мужа), деверьям (братьям мужа), дружкам, крестным родителям молодых. Но при этом, если во многих районах Европейской России на рубеже XIX–XX вв. полотенце счита-

²⁸⁸ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 24.

²⁸⁹ Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007. С. 141–161.

²⁹⁰ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 220.

²⁹¹ Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007. С. 127–330.

лось в определенные этапы свадьбы обязательным подарком жениху, его родственникам, сватам, священнику²⁹², на Алтае в первой половине XX в. оно чаще всего выступало дополнением к основным дарам или заменяло другие предметы в случае их отсутствия.

Очевидно, что в традиционной свадьбе русских крестьян Алтая XIX в., как и во многих губерниях Европейской России, полотенце было основным подарком невесты жениху во время сватовства и рукобיתья. Однако полевые материалы, относящиеся к более позднему периоду, содержат только отрывочные сведения об этих этапах свадьбы. В свадьбе старожилов (Заринский район) невеста на рукобיתье дарила жениху вожжи и полотенце²⁹³. В чалдонской свадьбе (Каменский район) полотенце полагалось жениху в задаток на сватовстве, после чего он вешал его на дугу лошади, демонстрируя согласие девушки на брак²⁹⁴. У «поляков» Солонешенского района жених и невеста обменивались подарками на девичнике: «она подает ему в руки подарок – *полотенец*, а он кладет ей шаль и ткань на шитье»²⁹⁵.

Непосредственно к свадьбе невеста должна была сшить жениху одежду: рубаху, штаны, пояс, связать перчатки, носки. Полотенце могло дополнить этот перечень, но не считалось обязательным. Основным подарком свекру была собственноручно сшитая и вышитая рубаха. Свекрови рубаху собственного изготовления могли заменить «отрезом» фабричной ткани²⁹⁶. Специально для будущих свекра и свекрови девушки-невесты вышивали полотенца в с. Паутово (Петропавловский район)²⁹⁷.

Подарки другим членам семьи жениха не были строго регламентированы. Полотенцами одаривали крестную мать и крестного отца (Петропавловский район)²⁹⁸. Золовкам полотенца дарили наряду с платками,

²⁹² Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 473–574; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 24; Зорин Н. В. Символы невесты в русских свадебных обрядах // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 44.

²⁹³ Мотузная В. И. Свадебный обряд сибирских старожилов Заринского района Алтайского края // Хранители наследия. Вып. 1. Барнаул, 2003. С. 60.

²⁹⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

²⁹⁵ Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 259.

²⁹⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

²⁹⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ИЭЭ 2007. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток. Медведева Н. Ф. 1919 г. р.

²⁹⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

полушалками, фартуками (Бийский район АК²⁹⁹, Шемонаихинский район ВКО³⁰⁰). Для деверей во многих селах полотенца считались основным подарком (Усть-Калманский³⁰¹, Петропавловский³⁰², Бийский³⁰³ районы). В «поляцких» селах Солонешенского района через несколько дней после сватовства на *зарученье* (бранье) невеста, чтоб на нее «крепко надеялись», одаривала родственников жениха опоясками, настенными полотенцами, платками. Подарки вручали подруги невесты, сама невеста сидела за столом или в кути³⁰⁴.

В Европейской России, по замечанию Г. С. Масловой, иногда раздаривалось до тридцати, а в богатых семьях — до сотни полотенец³⁰⁵. Сведения о количестве «дарных» полотенец в свадьбе русских крестьян Алтая на рубеже XIX–XX отсутствуют, но во второй четверти XX в. их число было существенно меньше приведенных исследовательницей. С 1950-х гг. традиция одаривания родственников жениха практически утрачивается по причине упрощения и изменения свадебного обряда в условиях введения единых гражданских норм регистрации брака, новой советской обрядности.

Традиционно в ходе свадебного обряда русских крестьян полотенце использовалось как знак участников свадьбы. *Полотенца и ширинки*, украшавшие костюмы участников свадьбы, обычно изготавливались невестой, являясь частью ее приданого (рис. 26). Она дарила их на разных этапах свадебного обряда³⁰⁶. В русских селах Алтая полотенце выступало преимущественно отличительным знаком дружки — главного распорядителя свадьбы. Только в старожильческих селах бывшего Змеиногорского округа жениху повязывали одно полотенце через плечо — справа налево (с. Богатырево ВКО РК) или через плечи крест-накрест на груди два расшитых холщовых полотенца (с. Быструха ВКО РК). Так он ходил со дня заручин до бранья³⁰⁷.

²⁹⁹ Паньшина Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. Барнаул, 2005. С. 204.

³⁰⁰ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 45.

³⁰¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА. Усть-Калманский район. Капустина В. К. 1929 г. р., Харламова А. С. 1908 г. р., Кузнецова Ф. А. 1899 г. р.

³⁰² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Осипова Н. П. 1919 г. р.

³⁰³ Паньшина Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. Барнаул, 2005. С. 204.

³⁰⁴ Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 258.

³⁰⁵ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 24.

³⁰⁶ Там же, с. 191.

³⁰⁷ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 30, 34, 71.

Рис. 26. Полотенце из приданого. Переселенцы из Воронежской губ. начала XX в. Петропавловский район, с. Соловьяха.
АГКМ 16663/3

Повязывать полотенце дружке было принято как в среде старожилов, так и в среде переселенцев Алтая. Источники свидетельствуют о том, что в различных селах полотенце повязывали по-разному. «Каменщики» д. Быковой (ВКО РК) дружке скрещивали на груди два полотенца, как это видно на фотографии, сделанной А. А. Белослюдовым в 1914 г.³⁰⁸. Носить вышитое полотенце на правой руке поверх локтя полагалось дружке в с. Усятском (Бийский район)³⁰⁹. В большинстве сел полотенце надевали дружке через правое плечо и завязывали на левом боку узлом или бантом (села Маралиха, Малый Башцелак Чарышского района; села Новиково, Малоенисейское Бийского района; Усть-Калманка Усть-Калманского района³¹⁰; села Залесовского района³¹¹; с. Боровлянка Заринского района³¹²). Устойчивую традицию

повязывать полотенце через правое плечо Е. Г. Губаренко (с. Николаевка, Поспелихинский район) объяснила так: *«Правая рука для свадьбы, левая для похорон. Правой рукой крест кладется, и благословение с правой руки получают»*³¹³.

³⁰⁸ Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 119.

³⁰⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Усятское. Шеняткина Е. Я., 1922 г. р.

³¹⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003, 2004 гг.; ПМА 2004 г.

³¹¹ Куприянова И. В. Семейные обычаи и обряды // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 203.

³¹² Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 191.

³¹³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г. Поспелихинский район, с. Николаевка. Губаренко Е. Г. 1913 г. р.

У сибирских казаков перевязанное у дружки через плечо полотенце дополнялось другими обязательными для него атрибутами: на груди крепили цветок, на шапку нашивали красную ленту, в руку давали кнут³¹⁴.

Материалы опросов информантов, проведенных в 2000-е гг., не позволяют четко определить момент передачи или повязывания дружке полотенца в ходе свадьбы русских крестьян Алтая. Сотрудниками ГХМАК, изучающими свадебный обряд с начала 1990-х гг., зафиксированы различные традиции. Так, во время свадеб старожилов с. Белое (Троицкий район) невеста перевязывала полотенцем жениховых дружек утром «под свадьбу», когда те приезжали к ней за рубахой для жениха³¹⁵, что в целом соответствует северорусскому варианту свадебного обряда³¹⁶. Староверы с. Боровлянка (Заринский район) «*дружкам вышитые полотенца надевают, на боку завязывают*» при выкупе невесты³¹⁷.

Полотенца, предназначавшиеся жениху и дружке, различались в Европейской России по губерниям, на Алтае – по районам расселения представителей различных этнографических групп русских размером, типом орнамента, техническими приемами исполнения. В русских селах южных районов Алтая дружке подносили богато украшенное *стенное полотенце*, так называемый *плат*, а в горных районах – *замахное (маховик) полотенце* с одним широким (в два полотнища) украшенным концом. Такое полотенце дружка также надевал наискось через плечо³¹⁸. Но, как и в Европейской России³¹⁹, каких-либо особенных черт, выделяющих полотенца «метки» жениха и дружки из других свадебных полотенцев, не обнаруживается.

Использование полотенца как знака сватов (например, у украинского населения Алтая) или поезжан – участников свадебного поезда (например, в некоторых районах Тобольской губ., в Забайкалье³²⁰, у казаков с. Пресновки³²¹) у русского населения Алтая не получило широкого распростра-

³¹⁴ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 99.

³¹⁵ Панышина Н. Г. Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 138.

³¹⁶ Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 500.

³¹⁷ Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 191.

³¹⁸ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX–XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 113.

³¹⁹ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 195.

³²⁰ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX–XX в.) // СЭ. 1977. № 3. С. 113.

³²¹ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 99.

нения. Только В. А. Липинской в селениях Шипуновского района записан обычай повязывать полотенцами специальных «вызывальщиков» (товарищей жениха), которые приглашали гостей на большой стол, после чего они отдавали полотенца невесте³²².

Многие этнографы усматривают в использовании полотенца в костюмах участников свадьбы магическое назначение. Исследовательница В. А. Липинская вслед за С. И. Гуляевым называет вышитое полотенце, надетое у дружки через плечо, оберегом³²³. По мнению Т. Г. Шарабаринной, «костюмы жениха и дружки «укреплялись» специальными средствами – повязанными через грудь полотенцами – с целью предотвратить пагубное взаимное воздействие между ними и мертвыми предками, поскольку они соприкасались с невестой, а сакральные узоры полотенца – мощные обереги»³²⁴. Полотенца, повязанные через плечо у сватов, с точки зрения Т. Н. Золотовой, так же как и красные ленты на шапке дружки и кнут в его руках, красный цветок в петлице и красная лента через плечо у жениха, плач невесты утром свадебного дня, благословение молодых к венцу с иконой и хлебом-солью, крики «горько» во время свадебного пира, а также само присутствие на свадьбе в качестве дружки «знаткого» человека, способного в случае надобности «расколдовать» свадебный поезд и охранявшего молодых в первую брачную ночь, призваны были оберегать молодых от враждебного воздействия «чужого» мира³²⁵. При этом автор считает, что приемы предохранительной магии значительно лучше сохранились в среде старожилов Сибири. В ходе полевых исследований в среде чалдонов удалось зафиксировать воспоминания о действиях дружки во время свадьбы, также связанных с обереговой функцией полотенца: *«Поехали когда, кони прям на дыбы встают, мы с кошевы выпадываем и все. А он [дружка] полотенце достал из кармана, дал лошадям понюхать полотенце, обошел три раза круг коней, и кони тронулись, пошли»*³²⁶.

Наряду с магической ролью полотенца в свадьбе они, являясь атрибутом ее участников, несомненно, выполняли и практическую функцию – служили знаком отличия их обладателей. Ссылаясь на мнения русских крестьян, Г. С. Маслова пишет, что полотенца или ширинки прикреплялись к свадебному костюму для того, чтобы «наметить» этих людей, чтобы

³²² Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 198.

³²³ Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XIII – начало XX века. М., 1996. С. 203.

³²⁴ Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 86.

³²⁵ Золотова Т. Н. «Сгинь, нечистая сила!..» Как защищались от «злых сил» сибирские старожилы // Родина. 2003. № 2. С. 75.

³²⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

Рис. 27. Полотенце, изготовленное для приданого дочери. Переселенцы из Оренбургской обл. 1920-х гг. Шемонаихинский район, с. Усть-Таловка. ШИКМ 05-2384

все знали, «кто они такие»³²⁷. И если первая — предохранительная — функция полотенца со временем была забыта, то благодаря последней полотенце продолжало использоваться в свадьбе сельского населения отдельных районов Алтая вплоть до конца XX в. *«Дружка перевязывают. До сих пор перевязывают. А тада как узнаешь, чё он дружок? Тада его не узнаешь.*

³²⁷ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 191.

Покупают любой рушник, можно даже не вышитый, а просто полотенце подлиннее возмут и перевяжут»³²⁸.

С 1950-х гг. во многих селах Алтая распространяется «мода» повязывать свидетелям со стороны жениха и невесты как знак отличия ленты, что можно рассматривать как трансформацию традиции использования полотенца. В последнее десятилетие XX в. на смену лент пришли бутоньерки – букетики искусственных цветов, прикалываемые к одежде свидетелей. Однако такого рода замена не является повсеместной. В тех семьях, где силен авторитет старших членов, к их мнению прислушиваются и стремятся соблюдать традиции: *«Внучка выходила замуж в 1992 г, полотенце отдала – дружке перевязывали, вышитое было петухами. Оно и щас тоже перевязывают, но не все»³²⁹.*

В течение всего рассматриваемого периода в селах Алтая полотенце использовалось родителями жениха при встрече молодых от венчания (позже – регистрации) в своем доме, согласно общерусской традиции, фиксируемой с XVII в.³³⁰ При этом повсеместно каравай (булку хлеба) с солью и икону подносили на вышитых полотенцах. Как правило, мать жениха держала хлеб, а отец икону. В послевоенное время вдовы благословляли своих детей, держа на одном полотенце хлеб и икону. *«В 50-м году я выходила замуж. Свекровь встречала одна (с регистрации из сельского совета. – Н. Г.) на рукотёрте – на полотенце на старинном хлебом и солью»³³¹.* В настоящее время этот способ – наиболее часто встречающийся, однако, очевидно, уже по причине отсутствия в семье двух старинных или орнаментированных полотенцев.

Согласно материалам А. В. Терещенко, хлеб-соль и икона использовались неизменно вместе для благословения молодых каждым своими родителями перед венчанием и вместе после него³³². Этот обряд сохранялся в свадьбе казаков Усть-Каменогорского уезда в конце XIX в.³³³ По мнению информантов, в селах Алтая благословляли молодых иконой, а встреча с хлебом-солью означала, что их *«встречают добром»³³⁴, «приветствуем*

³²⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

³²⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Ситникова К. Г. 1915 г. р.

³³⁰ Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007. С. 127–330.

³³¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Иунихина З. П. 1928 г. р.

³³² Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007. С. 127–330.

³³³ Зобнин Ф. К. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (Этнографический очерк) // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 207, 214.

³³⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Иунихина З. П. 1928 г. р.

вас с хлебом и с солью, чтобы все было в доме: лад, мир, спокойствие»³³⁵. В целом это восприятие соответствует одному из значений слова «благословить», приведенных В. Далем: «наделять добром, одарять любовно»³³⁶. Хлеб-соль в обрядах восточных славян выступает как символ плодородия, богатства, счастья. Полотенце в этом обряде, как представляется, изначально имело собственную функцию, возможно, связанную с выражением особого уважения и пожелания добра. Об этом свидетельствует использование полотенца вне обряда встречи с хлебом-солью. Так, по материалам М. А. Жигуновой, в свадьбе казаков дружка брал полотенце, ставил на него поднос с рюмками и подносил «выкуп», если по дороге в церковь свадебному поезду перегораживали дорогу столом или веревкой³³⁷. После благословения девушки перед венчанием мать отдавала ей икону вместе с собственноручно вышитым полотенцем: «Мать икону отдает, на нее полотенца с галунцом»³³⁸.

В современной свадьбе нередко встречу молодоженов организует тамада, а родители выполняют отведенную им роль (рис. 28). В этом случае благословение заменяется встречей с хлебом-солью и игровым моментом откусывания хлеба женихом и невестой по очереди с целью определить, кто в будущей семье будет хозяином. Использование полотенца при этом неизменно сохраняется. Однако если ранее это было полотенце, изготовленное матерью жениха, то теперь – то, которое удастся найти: у кого-либо из родителей, родственников, знакомых. О повсеместном распространении данного обряда свидетельствуют и музейные собрания полотенцев, многие из которых имеют в центре пятна желтого цвета – характерные следы от свежее выпеченного хлеба.

У старожилов Алтая в конце XIX – начале XX в. было распространено использование полотенца при рукобитье (северорусская традиция и термин³³⁹). У горнорабочих, по описанию М. В. Швецевой, во время рукобитья дружка брал руки жениха и невесты и завертывал их в полотенце, висевшее у него через плечо, затем присоединял к ним руки отца, матери и крестных, сверху клал свои руки и спрашивал родителей: «О чем у них уговор был?». После их ответа дружка развертывал полотенце и разнимал руки³⁴⁰. Аналогично этот обряд проходил у каменщиков, но руки соединя-

³³⁵ Паньшина Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. Барнаул, 2005. С. 203.

³³⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1989. С. 94.

³³⁷ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 100.

³³⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Маралиха. Медведева П. К. 1932 г. р.

³³⁹ СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 248–249.

³⁴⁰ Швецова М. В. Из поездки в Риддерский край // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 222.

Рис. 28. Встреча молодых хлебом-солью; г. Барнаул, 2011 г.

ли все присутствующие при этой церемонии родные³⁴¹. В «поляцких» селах этот обряд совершался без участия дружки: сначала родители жениха, затем родители невесты, жених с невестой кладут рука на руку, перевортывая их полотенцем³⁴². В локальных вариантах свадьбы 1920–1930-х гг., записанных в ходе полевых исследований, не фиксируется рукобיתья, четко выделенного в структуре обряда. Информанты помнят название и цель обряда, но атрибутов, в том числе и полотенец, не называют.

Распространенный повсеместно на территории России обычай обязательного покрывания рук участников рукобיתья полотенцем Г. С. Маслова связывает с отождествлением понятий «голый» и «бедный». Согласно представлениям крестьян, касание сватов друг друга голыми руками могло сулить бедность молодым. Руки, обернутые полотенцем, напротив, должны предвещать материальное благополучие обеим сторонам, заключающим брак³⁴³.

³⁴¹ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 189.

³⁴² Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 258.

³⁴³ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 39; Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 91.

В селах Алтая в первой трети XX в. полотенца использовались, согласно традиции, распространенной у всех восточных славян³⁴⁴, в качестве атрибута соединительных обрядов, совершавшихся в ходе свадьбы. Полотенцем туго связывали жениха и невесту, что служило символом их дальнейшей согласной жизни. В некоторых казачьих станицах при удачном сватовстве невесту выводили «на круг» в центр комнаты и соединяли ее руку с рукой жениха, перевязав полотенцем или веревкой. Могли также соединить руки их родителей³⁴⁵.

Единение молодых означало и стояние во время венчания в церкви жениха и невесты на одном полотенце (*ширинке*). Каждый из них стремился первым стать на *ширинку*, что означало, что он будет «верховодить» в доме: *«Свашка бере холстины клок, к венцу приедут, она приказывая: «Ты захватывай уперёд»*³⁴⁶. Однако воспоминания об этом, полученные в ходе полевых исследований, единичны, что свидетельствует о частичной утрате этих этапов свадебной обрядности уже во второй четверти XX в.

Также единичны свидетельства об использовании полотенца для украшения подвод свадебного поезда. Известно, что «обертывать» дуги полотенцем было принято в начале XX в. в Бийском, Третьяковском, Солонешенском, Быстроистокском районах для украшения упряжи наряду с цветными лентами и колокольчиками перед отправлением свадебного поезда за невестой.

Известно на Алтае и использование полотенца с целью оповещения односельчан о результатах некоторых этапов обряда. Так, в с. Плоское Третьяковского района повязанный на дугу красный *рукотёрт* на второй день свадьбы означал «честность» (целомудрие) невесты: *«повесят на дугу, едут: „вот наша невеста“, по всем улицам зашнурят, а если проштрафилась — ее рубаху на дугу привяжут — и мотай по деревне, а рубаха чистая...»*³⁴⁷. В Каменском районе полотенце, повязанное на дугу после рукобитья, означало согласие стороны невесты на брак³⁴⁸.

Независимо от назначения, свадебные полотенца хранились бережно, использовались во время праздников для украшения жилища. Свидетельством наличия у крестьян представлений о ритуально-магических свойствах свадебного полотенца служит то, что свадебным вышитым полотенцем вытирали лицо младенцу от сглаза, подростку или взрослому че-

³⁴⁴ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 79.

³⁴⁵ Жигунова М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 99.

³⁴⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Михайловка. Кузнецова Ф. А. 1899 г. р.

³⁴⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Бондарева И. И. 1920 г. р.

³⁴⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Павлова О. С. 1929 г. р.

ловеку – в случае нечистоты (заболеваний) кожи лица (например, угревой сыпи).

Функции полотенца в ходе свадебного обряда в селах Алтая не влияли на его наименование. Определяющими оставались размер, цвет, характер орнаментации, дальнейшее предназначение предмета, культурные и языковые традиции автора. Так, дружке повязывали *плат* в южных районах Алтая («поляки»), *маховик* – в горных районах (кержаки); хлеб-соль подносили молодым на *рукотёрте* в Чарышском районе (старожилы), на дугу привязывали *рукотёрт* в Третьяковском районе (старожилы). Большая часть русского сельского населения региона называла полотенца, используемые в свадьбе, *полотенцем* (*полотенце/полотенец*) и *рушником*. Первое наименование распространено повсеместно у представителей всех этнографических групп русских на всей территории региона. Второе используется потомками южнорусских переселенцев в селах Алтайского края и населением современной Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан («поляки», кержаки, казаки).

С 1920-х гг. уменьшается количество полотенцев, изготавливаемых к свадьбе. Основной причиной этого является, видимо, постепенное нивелирование ритуальной функции и обособление декоративной. Немаловажное значение имели материальный фактор и уменьшение у девушек свободного времени для занятий рукоделием, что связано с учебой в школе и работой в коллективных хозяйствах. Увеличивается число случаев вышивки полотенцев к свадьбе матерью или бабушкой невесты, особую значимость получают предметы, передаваемые по наследству (рис. 27). В годы Великой Отечественной войны почти полностью прекратилось изготовление орнаментированных полотенцев, в том числе и свадебных. «Невесте надо три полотенца в ящик положить. Бабушка там даст. Их готовили и от матери и от бабушки. Мне бы их бабушка подарила, матери моей мать, и вот так поколение. А вытираться, посуду – это простые были полотенца. Просто вышитые по льну и узенькие кружавчики»³⁴⁹. В 1950–1960-е гг. подготовка приданого для многих крестьянских семей была затруднительной в силу сложного экономического положения, поэтому приданое включало часто лишь постельные принадлежности. По свидетельству информантов, чьи свадьбы выпали на 1950-е гг., например М. В. Акентьевой, приданое в тот период составляли матрац, одеяло, две подушки с наволочками, покрывало, половики, шторы: «а рушники мы уже не шили»³⁵⁰. С этого времени на свадьбах использовались традиционные полотенца, хранящиеся в семьях, реже изготов-

³⁴⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Бондарева И. И. 1920 г. р.

³⁵⁰ Акентьева М. В. 1930 г. р., с. Быструха Глубоковского района. Цит. по: Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 44.

ленные специально к свадьбе из фабричной ткани, вышитые цветными нитками «мулине».

Ритуальные функции полотенца в современной свадьбе русского сельского населения Алтая большей частью можно считать утраченными. В настоящее время повсеместно сохраняется встреча молодоженов с хлебом-солью на вышитом полотенце, в отдельных селах (и семьях) согласно традиции повязывают полотенце свидетелю со стороны жениха (дружке).

Полотенце в похоронно-поминальной обрядности

В отличие от свадебной, похоронно-поминальная обрядность русских в целом и Алтая в частности не являлась предметом специального исследования этнографов вплоть до последнего времени. Основным источником реконструкции традиций использования полотенца в ходе погребения и поминовения умерших являются полевые материалы, собранные в 1990–2010-е гг. Самые ранние сведения, полученные от информантов, относятся ко второму десятилетию XX в.

Для полотенца, используемых в похоронном обряде, не зафиксировано особых вариантов диалектных названий. В словарях отсутствуют иллюстративные тексты такой тематики. В ходе опросов информанты используют преимущественно слово *полотенце* или наиболее распространенное в данном населенном пункте диалектное название. Возможно, это связано с тем, что в народном быту не было специально приготовленных для похорон и поминок полотенца. В необходимых случаях использовались те, которые имелись в доме. Часто роль похоронных играли свадебные полотенца, особенно в том случае, если хоронили незамужнюю девушку³⁵¹. «Примерно, приготовилась девушка замуж, у нее полотенца вышитые, хорошие, связывают их, и девушки несут [гроб]»³⁵². Только для конца XX в. характерны единичные упоминания об изготовлении полотенца специально к похоронам (Мошковский район НСО)³⁵³.

В похоронно-поминальной обрядности, в отличие от свадебной, существовала альтернатива орнаментированным полотенцам. В обряде первой половины XX в. часто использовали *новину* – льняной холст, который также называли полотенцами. Согласно полевым материалам, холст «на смерть» не ткали, а в случае необходимости использовали домотканое полотно, заготовленное для различных нужд и имевшееся у каждой хозяйки. По свидетельствам информантов, преимущественно брали полотно, со-

³⁵¹ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 205.

³⁵² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

³⁵³ Голубкова О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VII. Новосибирск, 2001. С. 513.

тканное специально для полотенец, поскольку оно часто готовилось впрок и в конечном итоге, разорванное на части, должно было служить полотенцами. С 1950-х гг. в связи с наполнением рынка изделиями легкой промышленности, в том числе тканями, и с ростом покупательной способности населения крестьяне перестают ткать льняное полотно в домашних условиях. На смену ему приходят различные ткани фабричного производства. Заменой домотканого льняного белого холста в погребальном обряде стала полотенецная фабричная белая льняная (часто с одной или двумя цветными полосками по краю) или белая хлопчатобумажная (вафельная) ткань, а также готовые полотенца. Это еще раз подтверждает тот факт, что в *новине* крестьяне видели в первую очередь полотенца. Таким образом, говоря о полотенце в похоронно-поминальной обрядности, мы подразумеваем: собственно полотенца (орнаментированные и неорнаментированные), фрагменты полотна с необработанными краями, а также полотно, которое разрезали (разрывали) на полотенца в ходе ритуала.

Структура погребального обряда русских, как и других этносов, включает в себя три основных этапа: подготовительный (действия, связанные с фактом смерти и подготовкой покойника к захоронению, т. е. обряды предпохоронного цикла), похороны (непосредственно погребение), поминальный цикл (послепохоронные обряды)³⁵⁴. Иногда исследователи к подготовительному этапу относят действия «перед смертью и во время смерти», включая приготовления, осуществляемые человеком к своей смерти (шитье или покупка одежды и других атрибутов, изготовление гроба и т. д.)³⁵⁵.

Анализ имеющихся источников позволяет утверждать, что в XX в. полотенце широко использовалось на всех этапах похоронно-поминального обряда русского сельского населения Алтая (приложение, табл. 3).

Каждый из способов использования полотенца имел локальные особенности и претерпевал изменения на протяжении рассматриваемого периода. Основой локальных традиций обрядности (характерных для одного или нескольких близлежащих населенных пунктов) является этнографический состав населения, сформировавшийся в основных чертах ко второй четверти XX в. в результате внешних и внутренних миграций.

Согласно полевым материалам, повсеместно использовали полотенца в ритуале очищения или обмывания. Тело умершего вытирали неорнаментированным полотенцем — новым или чистым, бывшим в использовании. Согласно традиционным представлениям, сохранявшимся в некоторых селах Алтая (с. Ключи, Тюменцевский район), полотенце после обмы-

³⁵⁴ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 14–15; Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1999. С. 518.

³⁵⁵ Явнова Л. А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX — первой трети XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 27.

вания тела умершего считалось непригодным для дальнейшего использования. Поэтому его клали в гроб: *«Потом эту полотенцу, его же на третий день хоронят, так его высушат и в ноги положут»*³⁵⁶. Но чаще информанты сообщают о том, что его стирали и пользовали в быту или отдавали «обмывальщикам»: *«Тада брали, по бедноте»*³⁵⁷.

В ходе исследования зафиксировано использование полотенец русским сельским населением Алтая в различных способах доставки гроба с телом умершего на кладбище. В большинстве населенных пунктов на протяжении всего XX в. гроб было принято нести на носилках, представляющих собой две жерди (оглобли), перевязанные веревками, холстом (позже – полотенечной тканью) или полотенцами: *«Раньше носили на носилках, такие были жердушки, специально обструганные... Связывали рушниками, прямо рушниками связывали и ставили гроб»*³⁵⁸ (рис. 29). Исключение составляют крупные населенные пункты, где из-за удаленности кладбища доставка гроба осуществлялась на транспорте.

В некоторых селах Бийского, Зонального и Третьяковского районов гроб несли до кладбища на полотенцах. *«Обычно носят на полотенцах. Три пары мужчин и еще к ним на смену. Три полотенца – наматываешь на руку – через шею – под гроб и следующему человеку. Только на полотенцах носили. А спускают на веревках»*³⁵⁹. Легкого человека могли нести на двух полотенцах две пары мужчин³⁶⁰.

Нередко в одном населенном пункте использовались различные способы доставки гроба к месту захоронения, в выборе которых имел значение пол, возраст и имущественное положение человека. *«Раньше носили на носилочках. Богатого – на полотенцах»*³⁶¹. *«На носилках носили... Женщин на холстах носили. А мужчин на носилках, и женщин, если у нее нет ничего приготовленного по бедности... а девушек девки носили... на полотенцах»*³⁶². *«На полотенцах гроба несли детям, молоденьким. А взрослых – на веревках»*³⁶³. Возраст умершего являлся определяющим критери-

³⁵⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Маняхина А. Н. 1922 г. р.

³⁵⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

³⁵⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Усятское. Шентяпина Е. Я. 1922 г. р.

³⁵⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Сафонов В. И. 1936 г. р.

³⁶⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Усятское. Шентяпина Е. Я. 1922 г. р.

³⁶¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Усятское. Шентяпина Е. Я. 1922 г. р.

³⁶² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

³⁶³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Романово. Курашова Т. Е. 1926 г. р.

ем выбора полотенца или веревки для выноса гроба и в некоторых районах Казанского Поволжья. По данным исследователей, в с. Казанском Уржумского уезда пожилых людей несли на веревках, молодых — на полотнах³⁶⁴.

По мнению М. Л. Бережновой, исследовавшей погребальный обряд русских Омской области, «традиция нести гроб на полотенцах является достаточно поздней. У кержаков она появляется лишь в первой трети XX в., а в ряде старожильческих деревень, по мнению информантов, — не раньше конца XIX в.»³⁶⁵ Среди старожилов и переселенцев Алтая нет единого мнения относительно времени возникновения этой традиции. По словам У. М. Прийма, *«давно-то, при единоличной жизни — на веревках носили. Потом уж стали... Достаток позволяет — всё ж как-то покультурней!»*³⁶⁶. Е. С. Чувакина также отмечала: *«Это мода пошла вот уже — появился этот матерьял — „требушный“ (вафельная полотенечная ткань. — Н. Г.). Стали богатые сперва на полотенцах спускать, раздавать их потом, а потом уж и беднота не стали отставать — стали подтягиваться»*³⁶⁷. Иного мнения придерживается М. С. Раченкова: *«Спускали на веревках. Это еще до войны, и в войну спускали, потому что в войну вообще ничего не было. Раньше, мама мне рассказывала, да и сама я еще помню, на холстах спускали, а потом стали на покупных полотенцах, веревки когда отошли»*³⁶⁸. Как правило, информанты расходятся в свидетельствах о похоронном обряде довоенного времени. Это объяснимо, поскольку большинство из них в те годы были молодыми людьми и не включались в совершение похоронных обрядов. Как известно, основными исполнителями комплекса ритуальных действий над покойником в традиционном обществе являлись пожилые замужние женщины.

Использование полотенца при опускании гроба в могилу зависело от способа его доставки на кладбище. Во второй половине XX в. было повсеместно распространено опускание гроба на полотенечной ткани, которой были связаны жерди носилок. После того как гроб был опущен, полотенно вынимали и разрывали по заранее сделанным надрезам. Получившиеся фрагменты полотна раздавали мужчинам, копавшим могилу, повязывая им на свободную (левую) руку (иногда клали в карман) в процессе закапывания могилы. Размеры фрагментов при этом должны быть не менее метра, поскольку впоследствии их надлежало использовать как полотен-

³⁶⁴ Зорин Н. В., Лештаева Н. В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 113.

³⁶⁵ Бережнова М. Л. О соотношении духовного и материального в похоронном обряде русских // Русский вопрос: история и современность. Ч. II. Омск, 1994. С. 54–55.

³⁶⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

³⁶⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

³⁶⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Раченкова М. С. 1926 г. р.

Рис. 29. Использование полотенец в изготовлении носилок для доставки гроба на кладбище. Усть-Калманский район, с. Васильевка. 1964 г. ПМА 2005 г.

ца. В большинстве обследованных сел эта традиция сохраняется до настоящего времени. Если гроб несли на готовых полотенцах, длина которых не превышала 2,5–3 м, его опускали на веревках, а полотенца раздавали тем, кто нес гроб. При использовании транспорта гроб до машины несли на руках, а опускали на полотно: *«Конечно, щас не носят. Ну вот, примерно, из избы вынести за ворота, и там спускать [на полотенцах]»*³⁶⁹.

Традиция привязывания полотенца на крест широко распространена в сельских населенных пунктах Алтая и имеет множество локальных вариантов бытования и объяснения. Согласно материалам интервьюирования, полотенце привязывали на крест сразу после его изготовления³⁷⁰, непосредственно перед отправлением похоронной процессии от дома умершего: *«Как крест понесут, выносит хозяин полотенце и обвязывает его»*³⁷¹ или после того, как установят крест на могиле: *«На крест привязывали полотенчик... Когда там — на могиле спустят его — крест ставят и привязывают»*³⁷². В первых двух случаях повязывали готовые, иногда вы-

³⁶⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Малоенисейское. Прийма У. М. 1916 г. р.

³⁷⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА. Усть-Калманский район.

³⁷¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Маняхина А. Н. 1922 г. р.

³⁷² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

шитые полотенца, в последнем — чаще всего использовали часть полотна, на котором спускали гроб.

Как показало анкетирование, в селах Чарышского, Михайловского, Ребрихинского районов Алтайского края на крест повязывали преимущественно вышитые предметы. В других районах для этого использовали любое полотенце³⁷³. Информанты достаточно часто упоминают о том, что на крест вешали лучшее из имеющихся в доме полотенце, нередко последнее из сохранившихся маминых или бабушкиных, что свидетельствует о значимости данной традиции³⁷⁴.

В селах Алтая привязанное на крест полотенце, по мнению информантов, предназначается для поминания усопшего человеком, который снимет полотенце с креста, или оно вешается для самого покойного и служит ему для вытирания лица. В зависимости от этого полотенце снимали с креста сразу после погребения или оставляли на нем. Так, в Усть-Калманском, Шелаболихинском (с. Киприно), Бийском (с. Верх-Катунское, с. Усятское), Зональном (с. Соколово, с. Савиново) районах родственники умершего должны снять полотенце с креста сразу после погребения и отдать человеку, несшему крест, или любому другому. В некоторых селах полотенце, повязанное на крест, рассматривается информантами как своего рода плата несущему его человеку (с. Васильевка, Усть-Калманский район). В случае, если крест по причине тяжести несли поочередно двое мужчин, полотенца полагались обоим, при этом одно повязывали на крест, а второе — через плечо одному из мужчин (рис. 30).

В Тюменцевском (с. Ключи), Бийском (с. Новиково), Петропавловском (с. Антоньевка), Третьяковском (с. Екатерининское), Шелаболихинском (с. Киприно) районах зафиксирована традиция оставлять полотенце на кресте и заменять его на новое в родительский день (на Фоминой неделе). В этом случае полотенце предназначалось для самого покойного, «чтобы он утирался»³⁷⁵. При этом действия людей, тайно снимающих полотенца с крестов после погребения, находят у информантов резко негативную оценку. Бытование представлений о том, что душа покойного утирается приготовленным для нее полотенцем, отмечается также исследователями у русского населения других районов Сибири. Так, этнограф О. В. Голубкова приводит характерный рассказ своего информанта: *«К крестам на могилах полотенца привязывают. Без этого нельзя. Вот у нас одна дочка схоронила свою мать. Приходит покойница к ней во сне: „Что ж ты, дочка, полотенце мне не дала? Все [покойники] идут умываются, утирают-*

³⁷³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4.

³⁷⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г. Кытмановский район, с. Дмитровитово. Красильникова М. Н. 1929 г. р.; 2003 г. Бийский район, с. М. Курья. Рекунова А. С. 1923 г. р.; 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Волчкова М. В. 1928 г. р.

³⁷⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Волчкова М. В. 1928 г. р., Сухова Г. С. 1937 г. р.

Рис. 30. Привязывание полотенец на крест и через плечо одному из мужчин, несущих крест. Усть-Калманский район, с. Васильевка. 1964 г. ПМА 2005 г.

ся полотенцами. А я поднимаю подол и вытираюсь. Стыдно“. Дочка пошла на могилку: ой, и правда на крест полотенце не повешали! Гроб на полотенцах спускали, потом разрезали их и раздали поминаль. А на крест не повешали, забыли. Вот она и пришла во сне»³⁷⁶.

В селах Чарышского района (Тулата, Березовка, Ивановка, Чарышское, Сентелек) информантами отмечено, что полотенце может остаться на кресте только в том случае, если его не взяли присутствующие на похоронах.

В ходе полевых исследований полотенца, оставленные на кресте, зафиксированы на кладбищах в Бийском (с. Бехтемир-Аникино), Чарышском (с. Березовка), Шелаболихинском (с. Иня, с. Ново-Обинцево), Пospelихинском (с. Николаевка, пос. Гавриловский), Усть-Калманском (с. Васильевка) районах Алтайского края.

Встречаются, однако, и свидетельства о запрете вешать полотенце на могильный крест: «А кто привязывал, а я слыхала, что нельзя ни в коем случае на крест привязывать этот полотенце. Вот у нас бабушка была совсем божественная, она говорила: нельзя полотенце привязывать на крест, потому что полотенце хлещет, умершему глаза выхлестывает полотенцем. Раньше не вешали, а сейчас вешать стали. Щас в это не

³⁷⁶ Голубкова О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 513.

верывают»³⁷⁷. Многие информанты объясняют свое нежелание вешать полотенце на крест весьма прагматично: *«Некоторые вешают, а я вот противница этого, неприятно. Оно такое замызганное, грязное, пыльное всё, птицы напакостят. А есть — вешают... раз заведено...»*³⁷⁸.

Локальный вариант использования полотенец зафиксирован в селах Михайловка и Васильевка Усть-Калманского района, где существует традиция привязывать полотенце не только на крест, как повсеместно, но и два — на крышку гроба. При этом отмечается предпочтительное использование вышитых полотенец, что также редко встречается на территории региона: *«Человек сам себе готовит полотенца — вышивает на крест одно и два на крышку»*³⁷⁹. Полотенца на крышке гроба в настоящее время крепят к обивочной ткани булавками или пришивают сразу после ее изготовления. Полотенца предназначаются для тех участников похоронной процессии, которые несут крышку гроба от дома до кладбища: *«Крышку несут двое — два полотенца»*³⁸⁰. Аналогичная традиция существовала у русских Казанского Поволжья. Но там, по мнению этнографов, от нее стали отказываться еще в начале XX в. ввиду того, что она бытовала у «нерусского населения, а это, в свою очередь, способствовало выработке установки о ее нерусской принадлежности»³⁸¹.

В среде потомков воронежских переселенцев (с. Васильевка Усть-Калманского района) со второй половины 1950-х гг. стали повязывать полотенца также на металлическую оградку для изготовившего ее мужчины-сварщика: *«Кто воря — тому надо отдать»*³⁸². С 1990-х гг. прекращение существования местного хозяйства (совхоза), закрытие кузницы и отсутствие пригодного металла сделали невозможным изготовление оградок в селе. На купленную в магазине оградку полотенце не вешают.

По представлениям современного сельского населения, полотенце, используемое в похоронно-поминальной обрядности, является милостыней и предназначено прежде всего для поминания умершего человека. Согласно русскому обычаю, тот, кто брал милостыню, должен был молиться за покойного. «По народным представлениям, до страшного суда участь умерших могла измениться. Если совершать поминовение умерших в до-

³⁷⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Сентелек. Орлова М. И. 1929 г. р.

³⁷⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Иня. Тенякшева Р. Д. 1932 г. р.

³⁷⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2008. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Проскурина В. И. 1953 г. р.

³⁸⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2003. Усть-Калманский район, с. Михайловка. Кузнецова Ф. А. 1899 г. р.

³⁸¹ Зорин Н. В., Лештаева Н. В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 118–119.

³⁸² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2008. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

машних молитвах и в церкви, то грешники могли освободиться от вечных мучений»³⁸³. Во второй половине XX в. обязанность молиться за покойного заменяется поминанием умершего человека: «как утираться станешь, его поминаешь»³⁸⁴. Поэтому всем участникам похорон раздавали полотенца и другую милостыню. Те, кто обмывал тело умершего, копал могилу, нес гроб, крышку, крест, опускал гроб в могилу, получали полотенца. Полотенце или платок полагалось «читать» — старушке, читавшей молитвы над умершим, и женщинам, помогавшим в приготовлении поминального обеда.

Ту же роль выполняло полотенце и в поминальном цикле обрядности, поскольку все случаи его использования: посещение могил, совершение трапез, раздача милостыни — направлены на сохранение памяти об умерших.

Широко распространенный у восточных славян обычай вывешивать полотенце на окно после смерти человека³⁸⁵ на Алтае до настоящего времени сохранился у украинских переселенцев. В погребальном обряде русского населения в ходе полевых исследований он зафиксирован только в селах со смешанным русско-украинским населением (Романовский район). При этом описание обычая потомками русских крестьян и «хохлов» идентичны. Сразу после того как в доме умрет человек, на окно вешают полотенце и ставят на подоконник стакан воды, предназначенные, по словам информантов, для души покойного, которая «прилетает пить или умыться»³⁸⁶. В отличие от других регионов³⁸⁷, где полотенце снимали на 40-й день в связи с представлением о том, что душа умершего не покидала землю в течение этого времени и каждый день посещала свое жилище, в с. Романово полотенце принято уже на девятый день отдавать кому-нибудь, чтобы он поминал умершего человека. Возможно, в данном случае следует говорить об утрате представлений о первоначальном содержании ритуала.

О существовании подобного ритуала у старожилов Алтая имеется единственное упоминание, записанное этнографом Л. А. Явновой в Красногорском районе (с. Березовка): «Душа до того, как человека отпоют,

³⁸³ Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1999. С. 523.

³⁸⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Бийский район, с. Верх-Катунское. Заповодникова А. М. 1918 г. р.

³⁸⁵ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 205; Русские. М., 1992. С. 356.

³⁸⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Романово. Курашова Т. Е. 1926 г. р., Ковтун М. И. 1917 г. р.

³⁸⁷ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 94; Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1993. С. 32.

блуждает, поэтому, как только человек умер, в доме ставили стакан с водой и кусок хлеба, зажигали свечу, вешали полотенце»³⁸⁸.

С середины 1920-х гг. исследователями зафиксированы изменения во всей семейной обрядности крестьян в сторону ее упрощения, связанные со значительными событиями в истории страны: коллективизацией и раскулачиванием, разрушением церквей и запретом совершения церковных обрядов и др. В годы Великой Отечественной войны отмечается максимальное упрощение погребального обряда, в частности отказ от использования полотенца: «А в войну [гроб] на веревках спускали: не то что полотенца, веревки-то не найдешь...»³⁸⁹. Во второй половине XX в. использование материальных компонентов в погребальной обрядности зависело не только от степени сохранности культурных традиций, но и от уровня благосостояния семей. Все большее значение стало приобретать такое явление, как мода, связанное со стремлением провести обряд «не хуже, чем у других».

В современной похоронно-поминальной обрядности русских Алтая наибольшее распространение имеют: использование полотенца при доставке гроба на кладбище, опускание гроба в могилу на полотенцах, одаривание ими участников похоронной процессии, привязывание полотенца на крест. Указанные варианты использования полотенца были широко распространены в традиционной обрядности русских на всей территории России³⁹⁰. Традиционные функции полотенца в настоящее время слились большей частью в одну, направленную на сохранение памяти об умершем человеке посредством использования полотенца.

Таким образом, в традиционных обрядах жизненного цикла русского сельского населения Алтая реализовывались в полном объеме утилитарная, знаковая, декоративная и ритуальная функции полотенца. Со второй четверти XX в. отмечается постепенная утрата полотенцем статуса неотъемлемого атрибута семейных обрядов в связи с их изменением и упрощением. В настоящее время полотенце по-прежнему востребовано во время крещения. В современной свадьбе полотенца используются для встречи молодоженов хлебом-солью, спорадически – в качестве элемента костюма свидетеля жениха. Наибольшая устойчивость традиций использования полотенца свойственна похоронно-поминальной обрядности, что объясняется стремлением следовать традиции и заведенному порядку во избежание нежелательных последствий для себя или умершего человека. При

³⁸⁸ Зяблицкая Е. И. 1927 г. р., с. Березовка, Красногорский район. Цит. по: Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая (на примере похоронной обрядности) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. С. 132.

³⁸⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Ситникова К. Г. 1915 г. р.

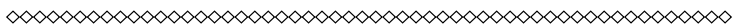
³⁹⁰ Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997. С. 523–524.

этом полотенца домашнего изготовления практически полностью заменены фабричными изделиями.

Проведенное исследование показало, что наименование и использование полотенца в быту и обрядовой культуре русским сельским населением Алтая осуществлялось в соответствии с традициями, принесенными выходцами из различных губерний Европейской России. Формирование локальных особенностей было обусловлено этнографическим составом населения и различной степенью сохранности традиций. Наибольшие отличия в употреблении наименований и способах использования полотенца отмечены в ходе исследования у старожилов и переселенцев Алтая. Для этнографических групп старожильского населения в конце XIX — начале XX в. была характерна достаточно четкая дифференциация полотенца различного назначения и длительное сохранение традиций их наименования в соответствии с исходной семантикой. У переселенцев уже в начале XX в. отсутствовали строгое разграничение орнаментированных полотенца по назначению и прочная взаимосвязь функции и названия. В настоящее время различий в степени сохранности наименований и традиций использования полотенца в быту, убранстве жилища и семейной обрядности у потомков старожилов и переселенцев в селах Алтая не отмечено.

Глава 2 Изготовление и орнаментация полотенец русским сельским населением Алтая в конце XIX — начале XXI в.

2.1. Материал и способы орнаментации полотенец

Изготовление полотенец у всех этнографических групп русского сельского населения Алтая в рамках традиционной культуры представляло собой своего рода обязанность женщины, наряду с производством одежды для членов своей семьи и разнообразных предметов убранства дома: скатертей, дерюжек и т. д. Орнаментированные полотенца готовились девушками преимущественно до свадьбы и составляли неотъемлемую часть их приданого. У замужней женщины, имевшей многочисленные заботы по дому и хозяйству, практически не оставалось времени для занятия рукоделием.

Изготовление полотенец на заказ с целью заработка в селах Алтая не получило широкого распространения. Имеются лишь сведения о вышивальном промысле у «поляков» и бухтарминских крестьян. Посетившая в 1898 г. селения «поляков» М. В. Швецова отмечала, что в конце XIX в. в их селах «появились даже женщины, живущие исключительно заработком от вышивания». На изделия вышивальщиц существовал постоянный спрос, и наряду с плотниками и кузнецами они могли жить почти исключительно своим ремеслом. Вышивка полотенца, по данным исследовательницы, стоила 1,5–3 руб.¹ Согласно материалам полевых исследований Е. Э. Бломквист (1927), вышиванием рукотёров по заказу как приработком занимались искусные вышивальщицы «из менее зажиточных» семей бухтарминских каменщиков. «Цены обычно брались „с иголки“. „Иголкой“ считался один горизонтальный ряд шитья, проделанный иглой. За „пялы“ — за „шитье по белому“ брали по грошу „за иголку“, а за повивание цветной „бумагой“ — по копейке „за иголку“; таким образом, широкий наконечник „пялы на сто“ (в зависимости от ширины различают „пялы на шестьдесят“, „на сто“ и т. п.) обходился в 1 р. 50 к. за конец из хозяйского материала. За „узоры“, т. е. за узорное тканье, также брали по копейке с иголки, разумея при этом уже ту деревянную иголку, с помощью которой перебирались нити основы»².

¹ Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОРГО. Кн. XXVI. Омск, 1899. С. 76.

² Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 419.

Рис. 31. Структура орнаментированной части полотенца.
Полотенце. 1914 г. Заринский район. ЗМКМ 5958

В других селах Алтая зафиксированы данные о вышивке и вязании кружева по просьбе родственниц, подруг, близких знакомых, а также об использовании полотенца в качестве оплаты какой-либо женской работы, например шитья на заказ.

Традиционное полотенце русских крестьян представляет собой сложный по структуре предмет, состоящий из цельного основного полотна прямоугольной формы и деталей, отличающихся по размеру, материалу, технике изготовления, способу орнаментации, имеющих различные названия в разных регионах России и у представителей этнографических групп русских Алтая. Среди исследователей также не существует единого подхода в отношении наименования составных частей орнаментированного фрагмента полотенца. Учитывая этот факт, условимся называть широкие детали (шириной более 2 см) проставками, узкие полосы кружева, соединяющие большие по размеру детали между собой, — прошивами, кружево, вязание или шитье, завершающее полотенце, — наконечником, всю украшенную часть полотенца, включая декорированный фрагмент основного полотна, — орнаментированным концом (рис. 31).

Материал для полотенец

Материалом для изготовления полотенец в конце XIX — начале XX в. в селах Алтая повсеместно служила ткань (полотно, холст), изготовленная в домашних условиях на горизонтальном ткацком станке — «кроснах» из нитей домашнего прядения. В качестве сырья для нее крестьяне-старожилы использовали лен, возделываемый ими согласно традиции, принесенной из центральных и северорусских губерний. Изготовление полотенец из конопляного холста в старожильческих селах не было распространено.

Крестьяне-переселенцы из южнорусских губерний охотно выращивали на Алтае неприхотливую к условиям произрастания и имеющую более длинный стебель коноплю наряду со льном, а в некоторых селах отдавали ей предпочтение (села Киприно, Селезнево Шелаболихинского района, Дубровино, Романово Романовского района). *«Да каждый хозяин себе сеял часть огорода под коноплю. Лен не сеяли... а сеяли коноплю. И она росла прямо... вот та часть огорода была засеяна коноплей»*³.

Льняная и конопляная ткань домашнего изготовления различалась по качеству нитей, способу ткачества, ширине и белизне. По замечанию Б. Герасимова, крестьянки ткали льняной холст трех сортов: «изгребный» — грубый, толстый из недостаточно тщательно прочесанной кудели, «почесной» — средней доброты и «ленной» — тонкий, чистый холст⁴. Для полотенец использовали только два вида сырья, получаемого при обработке льна: «пачеси» (мягкое волокно, остающееся после чесания на щетинной щетке или маленькой гребенке) и высококачественное волокно, получаемое в итоге полного цикла обработки. Последнее в селах Алтая называли «лен» или «кужель»/«кужалек»/«кужельный». *«Первое снимают — это изгребье, второе — пачесное, самое тонкое — кужель»*⁵. О «кужалке» поется во многих девичьих песнях, записанных этнографами:

«А мы сеяли, сеяли лён,
А мы сеяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали,
Ты удайся, удайся ленок,
Ты удайся, мой белый кужалек...»⁶.

³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Киприно. Сухова Г. С. 1937 г. р.

⁴ Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. С. 46.

⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Голованова Е. Л. 1913 г. р.

⁶ Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — первая треть XX в.). Ч. II. Новосибирск, 2003. С. 230–231.

«Сестрица, за что прядешь,
Ах, родненькая, за что прядешь!
Сестрица, ах, кужалек, ах, родненькая, кужалек...»⁷

Согласно материалам Словаря русских народных говоров, *кужель* является синонимом слова *куделя* и имеет множество значений⁸. В Сибири, как и в северорусских губерниях (Новгородской, Вологодской, Ярославской, Псковской, Тверской, Вятской и др.), слово *кужель* употреблялось большей частью в значении «очесанный лен, чистое льняное волокно»⁹ или «пряжа из льняного волокна лучшего качества»¹⁰. Как свидетельствуют полевые материалы, на Алтае слова *кужель/кужельный* употреблялись старожилками, в частности чалдонами¹¹. Более распространенным вариантом для обозначения самого качественного льняного волокна повсеместно в алтайских селах было название *лен*¹². Такое волокно высоко ценилось, поэтому пряли его наиболее опытные мастерицы. «*Лен у меня бабушка пряла на самопряхе. Мама больше изгреби пряла, а бабушка пряла сам лен. Ее пряжа шла на такое — белое*»¹³.

Выбор техники и узора тканья определялся традициями. Рассчитывать узоры помогало бердо, на котором для удобства размечались каждые десять дощечек («зубков»). В зависимости от количества отметок различали берда — «шестухи», «восьмухи», «десятни»¹⁴ и др. Выбор того или иного берда зависел от толщины нитей основы, необходимой плотности и ширины ткани. В селах Алтая при тканье полотна для полотенца использовали преимущественно берда «десятника» и «одинничик» (на 10 или 11 пасм соответственно)¹⁵.

⁷ Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — XX в.). Ч. I. Новосибирск, 2002. С. 271.

⁸ СРНГ. Вып. 16. Л., 1980. С. 20.

⁹ СРНГ. Вып. 16. Л., 1980. С. 7; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 2. Томск, 1965. С. 111.

¹⁰ СРНГ. Вып. 16. С. 20; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979. С. 257.

¹¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р., Голованова Е. Л. 1913 г. р.

¹² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Бондарева И. И. 1920 г. р.; с. Шипуниха. Матвеева К. Н. 1922 г. р.; Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.; ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. М. Башчелак. Комарова М. Н. 1922 г. р.

¹³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Пастухова М. Ф. 1919 г. р.

¹⁴ Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 116.

¹⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1996 г. Тальменский район, с. Забродино. Журавлева О. Г. 1907 г. р.; ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.; Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

Самым популярным способом ткачества льняной ткани для полотенец у всех групп русских Алтая и конопляной у южнорусских переселенцев являлось простое полотняное переплетение, при котором каждая нить основы переплетается с каждой уточной через одну нить («в две нитченки»).

Льняные неокрашенные ткани домашней выработки простого полотняного переплетения по качеству делят на грубый толстый холст и более тонкое мягкое полотно. Согласно типологии, предложенной М. Л. Бережновой, для льняных холстов характерна плотность переплетения около 10 ниток по основе и утку в 1 кв. см, для полотна – около 17–18 нитей основы и утка в 1 кв. см¹⁶.

Для представленных в музейных коллекциях образцов, за редким исключением, характерно колебание плотности переплетения нитей в 1 кв. см от 15 до 22 нитей основы на 14–24 нити утка, что соответствует параметрам полотна. При этом соотношение плотности долевой и поперечной нитей в 1 кв. см может быть как равнозначное, так с расхождением в одну-три нити (например: 18 нитей основы на 20 нитей утка). Ширина сотканной полосы составляет от 30 до 42 см при преобладающей от 35 до 38 см.

Интересно отметить, что указанные параметры основного полотна варьируются по селам Алтая. Так, анализ коллекций полотенец муниципальных музеев показывает, что в селах Мамонтовского района для полотенец использовали льняное полотно плотностью 14–20 нитей основы на 14–20 нитей утка при ширине 32–37 см; в Заринском районе предпочитали полотно меньшей ширины (30–36,5 см) и большей плотности (17–20 нитей основы на 17–22 нитей утка).

Ткань из конопли домашнего производства принято называть холстом (посконным холстом¹⁷). Крестьяне-переселенцы получали конопляный холст различного качества: от грубого – для изготовления пологов, мешков и т. п., до достаточно тонкого, шедшего на полотенца и нательную одежду. Для конопляного холста, использовавшегося для полотенец, преимущественно характерна ширина около 39–40 см и плотность около 10 ниток по основе и утку в 1 кв. см. В ходе полевых исследований отмечено широкое использование конопляных холстов для изготовления полотенец в селах Шелаболихинского, Поспелихинского, Романовского, Волчихинского районов Алтайского края.

Качество сотканной ткани зависело от многих факторов: от качества волокна, толщины и качества spunной нити, от назначения полотенца, от желания и умения мастерицы. Необходимо учитывать также и срок ис-

¹⁶ Бережнова М. Л. Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 187.

¹⁷ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 466.

пользования предмета, поскольку при стирке льняная и конопляная ткань получают усадку, соответственно плотность переплетения нитей увеличивается.

Ткачество узорных тканей для полотенец в рассматриваемый период, по свидетельству информантов, не имело широкого распространения. Зафиксированы лишь отдельные воспоминания о существовании подобной традиции: «На полотенца [ткали] с узорами — четыре нитины — это узор»¹⁸. Между тем исследователи традиций ткачества русского населения Сибири отмечают, что полотенца иногда ткали на восемь «нитченок»¹⁹ или изготавливали из крепкого, сотканного на четырех подножках, «рядного» холста с узорами «за ряды», «змейкой» или «в елочку»²⁰. Сохранившиеся в изученных музейных коллекциях полотенца из узорных тканей, сотканых в различных техниках, подтверждают эти сведения. Всего среди общего числа рассмотренных в ходе исследования предметов выявлено не более 20 полотенец, основное полотно которых соткано в технике многоремизного (мелкоузорчатого) переплетения²¹ с использованием более чем двух «нитченок» — ремизок (от 3 до 24). При этом преобладающими видами многоремизной техники являются саржа ломаная («в елочку») (МИКНС СО РАН 1683; АГКМ 15598/1; БКМ 9545/2) и саржа ромбовидная (ШИКМ 01-488; АГКМ 16673). Другие виды этой техники встречаются в единичных вариантах.

Большая часть полотенец из полотна мелкоузорчатого ткачества изготовлена в районах проживания старожильского населения (села Топольное, Сибирячиха, Черемшанка Солонешенского района; Усть-Тулатинка, Покровка Чарышского района; Катанда, Замульта, Тихонькая, Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай; г. Шемонаиха Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). Два полотенца выполнены в технике сложного ажурного (перевивочного) переплетения, при котором чередование мелких и более крупных сквозных просветов создавалось путем ручной перевивки нитей основы попарно или группами в местах, соответствующих узору (МИСС, ШМСВА). Эти полотенца с большой долей вероятности принадлежали переселенцам.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что тканье для полотенец в многоремизных и сложных (ажурных) техниках не было широко распространено в крестьянской среде, а было доступно лишь умелым ткачихам

¹⁸ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

¹⁹ Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 116.

²⁰ Бардина П. Е. Узорное ткачество и ковровоизделие русского населения Томской области // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984. С. 73.

²¹ Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник. СПб., 2003. С. 336.

из числа как старожилов, так и переселенцев Алтая. Аналогичная ситуация с использованием многоремизной техники для изготовления полотенец существовала и в соседних областях. Так, например, в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея и Томского областного краеведческого музея на момент их изучения в 2002 г. и 2003 г. соответственно имелось по три подобных полотенца.

Чисто белое полотно, предназначенное для полотенец, ткали большей частью сплошной полосой или отмечали при тканье длину будущих полотенец одинарной или двойной цветной утковой нитью, по которой впоследствии разрезали ткань на отдельные предметы. *«Полотно ототкут, а тут поперек заметку сделают, чтоб точно полотенце было»*²². *«Бабушка ткала и красненькие дорожки протыкала — две дорожки. Какой ей надо [длины], такой и делает, и дальше ткёт. А потом их там разрезают»*²³. По словам информантов, длину полотенец отмеряли в зависимости от назначения «на глаз, но никогда не жалели» холста²⁴. Полотно длиной 25 аршин (17,78 м) называли «холстом»²⁵ или «плетнем»²⁶. Жительница с. Антоньевки Петропавловского района М. П. Малыгина вспоминала, что за зиму она с мамой наткала шесть белых холстов на полотенца (106,7 м)²⁷, чего в среднем достаточно для 30–35 полотенец. Ткань, сотканную для полотенца, как и прочий холст, хранили в сундуках свернутой в «трубы» (рис. 32). Бухтарминские крестьянки, как сообщает Б. Герасимов, приготовленный холст сворачивали «трубою в две „стены“ — по десять аршин в стене»²⁸. Полотно нередко ткали «впрок» в больших количествах, благодаря чему некоторые женщины использовали его для изготовления полотенец различного назначения вплоть до 1950-х гг.

Тканье узорных цветных полос на полотенцах в процессе изготовления основного полотна не было распространено у старожилов Алтая, в отличие, например, от русского населения Среднего Прииртышья, для которого характерно украшение полотенец полосами узорного ткачества (преимущественно браного) уже в процессе тканья, в результате чего они

²² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка. Харламова А. С. 1908 г. р.

²³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Иванникова А. К. 1911 г. р.

²⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

²⁵ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

²⁶ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Ситникова К. Г. 1915 г. р.

²⁷ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Петропавловский район, с. Антоньевка. Малыгина М. П. 1909 г. р.

²⁸ Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) // Записки Семипалатинского Подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. С. 46.

рельефно и цветом выделяют-ся на белой основе²⁹. Очевидно, что в этом случае уже во время изготовления полотна женщина должна была определиться с длиной будущего полотенца (ОГКМ №№ 6778-32 в, 9060-2, 10840).

В селах Алтая такой тип орнаментации полотенец использовали южнорусские переселенцы (цв. ил. 2, 5). *«Вот у рязанских были строчены: как-то там выбирают, и сразу рисунок»*³⁰. Судя по материалам музейных коллекций, в качестве одного из способов получения узора на концах белых льняных полотенец переселенцы из Тамбовской, Курской (и, возможно, других южнорусских) губерний применяли сложное тканье и использовали дополнительно ко льну цветные шерстяные нитки — «гарус» (с. Тюменцево Тюменцевского района (АГКМ 15697/3); с. Алексеевка Петропавловского района (МИКНС СО РАН 1645) или красные и белые хлопчатобумажные — «бумагу» (с. Рогозиха Павловского района (МИСР); с. Черемушкино Залесовского района (ГХМАК П-988)³¹. Е. Ф. Фурсова определяет данный способ как тканье на четырех «подножках» при двух основах с «бральницами» (дополнительными дощечками позади «нитченко»), в результате чего получалась двойная ткань: «портяная», т. е. льняная, подкладка, и «суконный»³² или хлопчатобумажный верх (цв. ил. 2).

Более распространено в среде южнорусских переселенцев было украшение белого полотнища будущей *утирки* на концах горизонтальными полосками красного цвета разной ширины в технике простого полотняного переплетения (с. Коробейниково Усть-Пристанского района (рис. 33), с. Верх-Ануйское Быстроистокского района (ШМСВА 2), с. Рогозиха Павловского района Алтайского края (МИСР), с. Булатово Куйбышевского района (НГКМ 17644/51), г. Колывань (НГКМ 162201/40) Новосибирской обла-

Рис. 32. «Труба» льняного холста.
Усть-Коксинский район РА,
с. Верхний Уймон. ПМА 2013 г.

²⁹ Грибанова Н. С. Орнаментированные полотенца русского населения Среднего Прииртышья конца XIX — первой трети XX в. (по материалам коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея) // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск, 2006. С. 61.

³⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2000 г. Мамонтовский район, с. Ермачиха. Гладышева А. Г. 1931 г. р.

³¹ Гончарик Н. П. Народное искусство Залесовского района в государственном художественном музее Алтайского края // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 243–244.

³² Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 119–120.

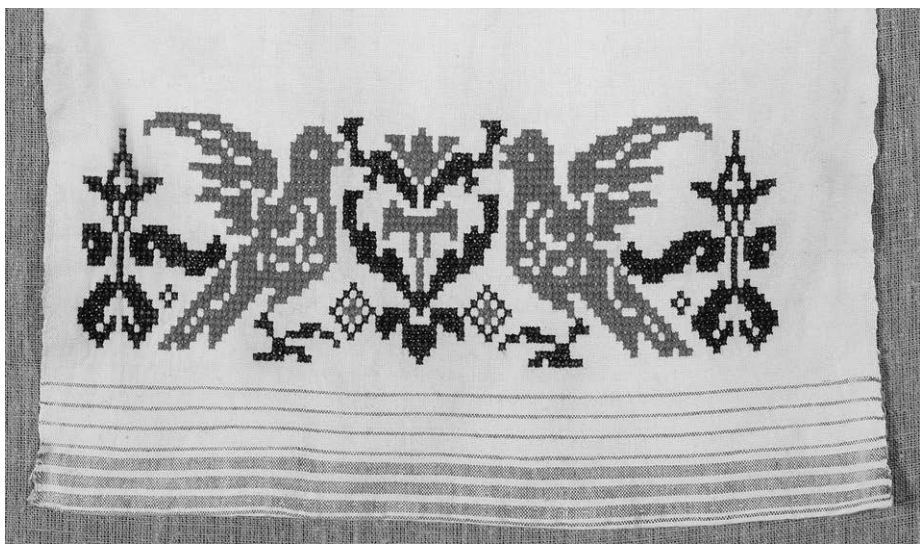

Рис 33. Полотенце. 1920-е гг. Усть-Пристанский район, с. Коробейниково.
АГКМ 16844/2

сти. Аналогичные полосы также украшают по краю некоторые льняные полотенца «поляков» (с. Екатерининское Третьяковского района) и украинских переселенцев из Черниговской губернии (с. Ужаниха Чулымского района НСО, НГКМ 20296/153). Иногда между полосками включали фрагменты переборного тканья с красным и белым утком, отличительным признаком которого является рисунок, как бы расчерченный вертикальными линиями на равном расстоянии. Такая фактура ткани создавалась за счет того, что второй уток, перекрывая несколько нитей основы, проходил под одной нитью³³.

На *утирке* из с. Сычевка Солонешенского района широкие полосы красного цвета, вытканые на концах белого полотнища, разделены узкими полосками браного ткачества: красным по белому и белым по белому (цв. ил. 5). Согласно материалам Н. И. Лебедевой, аналогичный способ орнаментации ткани был распространен в Рязанской губернии³⁴.

Степень белизны холста зависела от длительности его беления. Предназначенное для свадебных полотенец льняное полотно отбеливали особенно тщательно, при этом сочетали беление на солнце поздней весной и летом с золением – замачиванием холстов на некоторое время в щелоке (водный раствор древесной золы). Уймонские старообрядцы льняное полотно отбеливали зимой, расстилая мокрым «на хорошем месте» и остав-

³³ Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник. СПб., 2003. С. 337.

³⁴ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 528–529.

ляя надолго под снег: *«Выткнут, потом его намочут да на снег расстелют. Еще придавит снег его — он белый отбелится от мороза и от снега»*³⁵. В предгорных и горных районах (Третьяковском, Чарышском и др.) было распространено бучение холста. *«Специально около речки делали котлы, зарывали, кипятили воду и заливали»*³⁶. После золения и бучения холст расстилали на траве и периодически поливали водой, иногда колотили вальками. Большей частью эту работу выполняли дети. Нередко они совмещали беление холстов с купанием в реке: *«И нам доставалось, и мы белили — маленькие были, целый день там крутились по-за ними. Караулили их. Там и скотина же ходила — боишься, либо какая скотина сжёт»*³⁷.

Полотно для свадебных полотенца девушки чаще всего белили сами, будучи заинтересованными в получении качественного полотна. Информанты отмечают чрезвычайную белизну орнаментированных полотенца. В сравнении с ними белению полотенца бытового назначения не придавали большого значения. В музейных коллекциях представлены предметы от чисто-белого до серо-желтого цвета.

Переселенцами конца XIX — первой четверти XX в. были привезены на Алтай полотенца из хлопчатобумажного и смешового (льняного с хлопчатобумажным) полотна, широко распространенного к тому времени в Европейской России. Как известно, бумажное ткачество становится преобладающим крестьянским промыслом уже в конце 40-х гг. XIX в. в Рязанской и большинстве центральных губерний России (Ярославской, Костромской, Калужской, Тверской и др.)³⁸. В южных губерниях (Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской) и Поволжье ткачество из хлопка получило распространение во второй половине XIX в.³⁹. По способу ткачества хлопчатобумажное полотно кустарного производства практически не отличалось от домотканого, поскольку, во-первых, фабриканты широко практиковали раздачу пряжи по домам (наемное домашнее ткачество), во-вторых, самостоятельные ткачи сами закупали материал и продавали готовые изделия⁴⁰. В некоторых центрах кустарной промышленности Европейской России мастера специализировались на производстве полотенца из хлопчатобумажного полотна в числе других готовых изделий: фартуков, покрывал

³⁵ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА. 2013 г. Усть-Коксинский район РА, с. Верх-Уймон. Кононова Е. М. 1939 г. р.

³⁶ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

³⁷ Архив ЛИК АлтГПА. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

³⁸ Туган-Барановский М. И. Очерк развития мануфактурной промышленности в России // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1912. С. 559.

³⁹ Водарский Я. Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. С. 185, 192.

⁴⁰ Туган-Барановский М. И. Очерк развития мануфактурной промышленности в России // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1912. С. 557–558.

и т. п. (д. Ново-Михайловка Кривской вол. Калужской губ., Бугульминский уезд Самарской губ.)⁴¹. Спросом у крестьян пользовались не только готовое бумажное полотно и изделия из него, но и хлопковое сырье. Как свидетельствуют информанты из числа южнорусских переселенцев, женщины «в России» часто покупали хлопчатобумажное волокно, которое сами пряли, а затем ткали из него полотна в домашних условиях⁴².

В селах старожилов Алтая (бухтарминских и уймонских каменщиков) хлопковое сырье появилось также в XIX в. По сообщению С. И. Гуляева, «за шкуры соболей, выдр, бобровых, маралов и др. зверей получали от китайцев... шелковые материи – канфу, фанзу, бумажные ткани – китайку, дабу... хлопчатую бумагу – сырую и спряденную»⁴³. Однако среди полотенец, приобретенных музеями в районах расселения бухтарминских и уймонских крестьян, нет предметов, сотканных в домашних условиях из хлопчатобумажных нитей. В то же время фабричные хлопчатобумажные ткани пользовались у них большой популярностью.

После открытия Барнаульского меланжевого комбината хлопковое сырье, так называемая «вата», стало доступно жителям Алтайского края. Однако по причине низкого качества его использовали в близлежащих к г. Барнаулу селах только для изготовления половиков и «кодр» (дерюжек). При этом волокно не пряли, а «вертели» (скатывали валиками) вручную⁴⁴.

Для изготовления полотенец также использовалась ткань фабричного производства. В конце XIX – начале XX в. в селах крестьян-старожилов юго-западной части Алтайского округа большой популярностью пользовалась хлопчатобумажная ткань простого полотняного переплетения красного цвета, гладкоокрашенная, иногда – с набивным рисунком по кайме. Повсеместно в Европейской России и в Сибири ее называли «кумачом». Также в работе Н. П. Гринковой, посвященной рассмотрению одежды бухтарминских старообрядцев, встречается название «пунцовье», используемое женщинами в отношении «красных фабричных ситцев и цветистых шерстяных тканей»⁴⁵. Красную ткань использовали для основного полотна, проставок и оборок на концах полотенца (цв. ил. 7–10).

Наиболее яркие кумачовые или белые льняные с кумачовыми проставками и оборками полотенца характерны для «поляков». В конце XIX – первой трети XX в. они стали весьма популярны и в среде уймонских и бух-

⁴¹ Водарский Я. Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. С. 189, 192.

⁴² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Третьяковский район, с. Екатерининское. Уварцева К. С. 1915 г. р.

⁴³ Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 22. С. 94.

⁴⁴ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г. Павловский район, с. Бурановка. Юдакова А. П. 1930 г. р.

⁴⁵ Гринкова Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 316.

тарминских каменщиков. Причем, по замечанию Е. Э. Бломквист, бухтарминские крестьяне позже всех заимствовали «моду» на красные стеновые платки и вышитые кумачовые полосы: на первые — от уймонцев, на вторые — возможно, от «поляков»⁴⁶. Распространение традиции использования кумачовых вышитых полос в украшении полотенца в селах вдоль бывшей Колывано-Кузнецкой оборонительной линии, а также в Алтайской и Ануйской волостях (современные Чарышский, Краснощековский, Солонешенский районы) и на Бухтарме вполне может быть связано с активным расселением «поляков» в регионе в XIX в.⁴⁷

При анализе музейных собраний выявлены некоторые особенности использования кумача в изготовлении полотенца. Во-первых, собственно кумачовые полотенца орнаментированы всегда вышитыми проставками, часто оборками из кумача или хлопчатобумажной ткани другого цвета, нередко оборками из ткани с набивным или рельефным рисунком (цв. ил. 7, 9). Во-вторых, для орнаментации белых льняных полотенца использовали чаще кумачовые вышитые проставки, реже — оборки (цв. ил. 8). В-третьих, кумачовые проставки на полотенцах всегда вышиты, за исключением единичных случаев, когда в качестве проставки использован фрагмент фабричной ткани с набивным рисунком (цв. ил. 9). Кумачовые оборки, напротив, чаще всего не вышивали, а «оторачивали» фабричной тесьмой или полосками фабричной ткани контрастного цвета (цв. ил. 7). Только на одном *стеновом полотенце* из коллекции Алтайского государственного краеведческого музея оборка украшена вышивкой шелковыми нитками (с. Староалейское Третьяковского района, АГКМ 16186).

Полотенца с основным полотном из фабричной ткани других цветов встречаются крайне редко. Среди всех изученных предметов только *стеновой плат* из собрания Шемонаихинского историко-краеведческого музея сшит из темно-синего сатина (с. Зевакино ВКО РК, ШИКМ КП 08-3839). В то же время полотенца «поляков» отличает обилие пришитых оборок и узких полосок фабричной ткани различного цвета, качества, фактуры. На кумачовые полотенца нашивали полосы тканей светлых оттенков желтого, зеленого, розового цветов, а на них — зубчики из черного бархата, которые закреплялись тесьмой подобно шерстяному шнуру в войлочных изделиях казахов. Благодаря этому четко выделяются двойные ряды треугольников несложного аппликационного узора (цв. ил. 7). По мнению Г. А. Щербик, это заимствование казахского аппликационного узора в виде ряда треугольников-«тумарша», который до сих пор широко бытует в орнаментике войлочных и тканых изделий казахских масте-

⁴⁶ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 403, 432.

⁴⁷ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки ЗСОРО. Кн. 1–2. Омск, 1880. С. 99.

риц⁴⁸. В качестве проставок на кумачовых полотенцах старожилов-старобрядцев Алтая использованы также вышитые черные бархатные, плисовые и суконные полосы.

С 1950-х гг. в алтайских селах получает широкое распространение белая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения — миткаль, бязь, мадаполам (в крестьянской среде называемая ситцем). Доступная цена, отсутствие сырья и возможностей (орудий труда, необходимых навыков) для производства домотканого льняного или конопляного полотна сделали эти ткани преобладающим материалом в изготовлении различных предметов быта, в том числе и орнаментированных декоративных и обрядовых полотенец, потомками всех этнографических групп русских и других народов Алтая (украинцев, белорусов, немцев, мордвы). В музейных собраниях региона представлены орнаментированные полотенца из перечисленных видов фабричной ткани, изготовленные во второй половине XX в. в Михайловском (с. Бастан), Тальменском (с. Выползово), Чарышском (с. Алексеевка), Усть-Калманском (с. Васильевка), Хабарском (с. Пионер Труда), Третьяковском (с. Михайловское), Поспелихинском (с. Николаевка), Быстроистокском (с. Верх-Ануйское), Зональном и других районах Алтайского края, Усть-Коксинском (с. Верхний Уймон) районе Республики Алтай.

Льняная полотенецная ткань фабричного производства шла в основном на полотенца бытового назначения и использовалась в похоронном обряде. Из-за характерных для нее вертикальных цветных полосок по краям полотнища она мало подходила для декоративных и свадебных полотенец, однако подобные полотенца также имеются в музейных коллекциях.

Во второй половине 1950-х — 1990-е гг. прошлого столетия в некоторых селах Алтайского края для полотенец различного назначения использовали хлопчатобумажную вафельную ткань. За особую фактуру — мелкую рельефную клетку — она получила в сельской среде названия «гусятинная плоть»⁴⁹, «корявый»⁵⁰, «требушный» материал⁵¹. Использование вафельной ткани для изготовления орнаментированных полотенец, видимо, связано с удобством вышивания крестом по полотну, имеющему «клетки», в условиях возникшего в селе дефицита канвы (рис. 34). Однако это явление нельзя назвать повсеместно распространенным, несмотря на то, что в ходе исследования было выявлено достаточно большое количество вышитых по-

⁴⁸ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 171–173.

⁴⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Васильевка, с. Михайловка.

⁵⁰ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г. Бийский район, с. Новиково. Емельянова Н. Ф. 1927 г. р., Золотухина П. Д. 1919 г. р.; ИЭЭ 2004 г. Чарышский район, с. Чарышское. Абоимова М. М. 1919 г. р.

⁵¹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. ПМА 2004 г. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка. Чувакина Е. С. 1912 г. р.

Рис. 34. Полотенце из вафельной ткани. Ф. М. Белкина 1912 г. р.
Усть-Калманский район, с. Михайловка. ИКМ АлтГПА 251

лотенец из вафельной ткани, хранящихся у информантов и в музейных собраниях региона (с. Михайловка, с. Усть-Калманка Усть-Калманского района; с. Тягун Кытмановского района; с. Залесово Залесовского района; с. Шипуниха Третьяковского района; с. Покровка Чарышского района; с. Пионер Труда Хабаровского района; села Бийского района; с. Верх-Озерное Быстроистокского района АК; с. Чупино Маслянинского района НСО; с. Верхний Уймон Усть-Коксинского района РА).

Таким образом, в зависимости от материала, используемого для основы, полотенца изучаемого периода можно разделить на изготовленные из льняного полотна, льняного и конопляного холста, сотканых в домашних

условиях из ниток домашнего прядения; из смесового полотна, сотканного в домашних условиях из льняных и хлопчатобумажных ниток домашнего прядения или «бумаги»; из хлопчатобумажного полотна, сотканного в домашних условиях из фабричных ниток; из фабричных хлопчатобумажных и льняных тканей. В качестве тканевых проставок на полотенцах использованы полосы льняного полотна, сотканного в домашних условиях способом простого полотняного переплетения, и фабричных тканей различного цвета и качества.

Способы орнаментации полотенец

Знакомство с материалами музейных собраний показало, что для украшения полотенец русское население Алтая использовало различные способы орнаментации, выбор которых обусловлен этническими традициями, навыками, эстетическими представлениями мастериц и отражает процессы развития традиционной культуры на протяжении изучаемого периода.

Основным традиционным приемом украшения полотенец у восточнославянских народов являлась вышивка. В конце XIX — начале XXI в. вышивка преобладала среди всех способов орнаментации полотенец у различных этнографических групп русского населения Алтая. В то же время многообразие технических приемов, цветовой гаммы, орнаментальных мотивов и композиций вышивки способствовало формированию и развитию локальных вариантов в традиции украшения полотенца.

Местом расположения вышивки на полотенцах являются основное полотно и тканевые проставки. В украшении белых льняных полотенец русских крестьян-старожилов и переселенцев использовалась преимущественно одна проставка из ткани, аналогичной основному полотну (шириной 5,5–15,5 см), вышитая, как правило, в той же технике, что и узор на полотенце. На полотенцах «поляков», бухтарминских и уймонских крестьянок использовалось от одной до пяти проставок из холста, кумача, бархата, плиса, вышитых различными способами и сочетающихся с кружевными прошивками, полосами узорного тканья, оборками, плетеными свесами (цв. ил. 6–9).

Самым популярным материалом для вышивки полотенец в конце XIX — начале XX в. являлись хлопчатобумажные нитки фабричного производства различного, но преимущественно белого, красного, черного и синего цвета. В старожильческих селах Алтая такие нитки называли «бумагой», в переселенческих — «заполочь». В Омской области название «заполочь» носили красные хлопчатобумажные нитки⁵². По мнению Г. С. Масловой, хлопчатобумажные нитки вытеснили в XVIII–XIX вв. использовавшиеся ранее

⁵² Беляева Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX — XX веков. Полотенца. Омск, 2006. С. 8.

льняные и получили название «заполочь», известное всем восточнославянским народам⁵³.

В среде старожилов-старообрядцев Рудного и Горного Алтая для вышивки по фабричным тканям (кумачу, плису, бархату, сукну) широко применялись цветные шерстяные нитки и фабричного производства – *гарус*. Также иногда использовали шерсть домашнего прядения и крашения.

Вышивка на полотенцах русского сельского населения Алтая изучаемого периода представлена большим разнообразием технических приемов по способам и манере исполнения, времени возникновения в русском декоративно-прикладном творчестве. В этнографической литературе признанным является деление способов вышивания на две группы: 1) счетная техника, выполняемая по счету нитей ткани (более древняя); 2) несчетная техника, выполняемая по намеченным контурам рисунка⁵⁴. Из широко используемых для вышивания полотенец русским сельским населением Алтая к первой группе относятся способы вышивания по цельной ткани: набор, роспись, крест, счетная гладь; и по разреженной ткани: простая строчка (мережка), белая строчка и цветная перевить. Вторую группу составляют тамбур, лицевая гладь, крест по канве, техника выстрачивания на швейной машине.

При анализе особенностей вышивки полотенец очевидным представляется тот факт, что выбор материала (ниток), техники и основы вышивки (ткани) взаимообусловлен и зависел от культурных традиций различных групп русских. Такого рода взаимосвязь была отмечена Е. Э. Бломквист⁵⁵ и Л. М. Русаковой⁵⁶ применительно к орнаментации полотенец бухтарминских крестьянок Алтая, Е. Ф. Фурсовой, рассматривавшей полотенца русских крестьянок Северного Алтая и Верховьев р. Оми, старообрядцев Васюганья⁵⁷. Г. А. Щербик пришла к такому же выводу, анализируя полотенца «поляков» Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан⁵⁸.

⁵³ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 38.

⁵⁴ Там же, с. 41.

⁵⁵ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 397–432.

⁵⁶ Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 104–126; Русакова Л. М. Изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. С. 75–137.

⁵⁷ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 127–147; Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. С. 73–86.

⁵⁸ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 162–177.

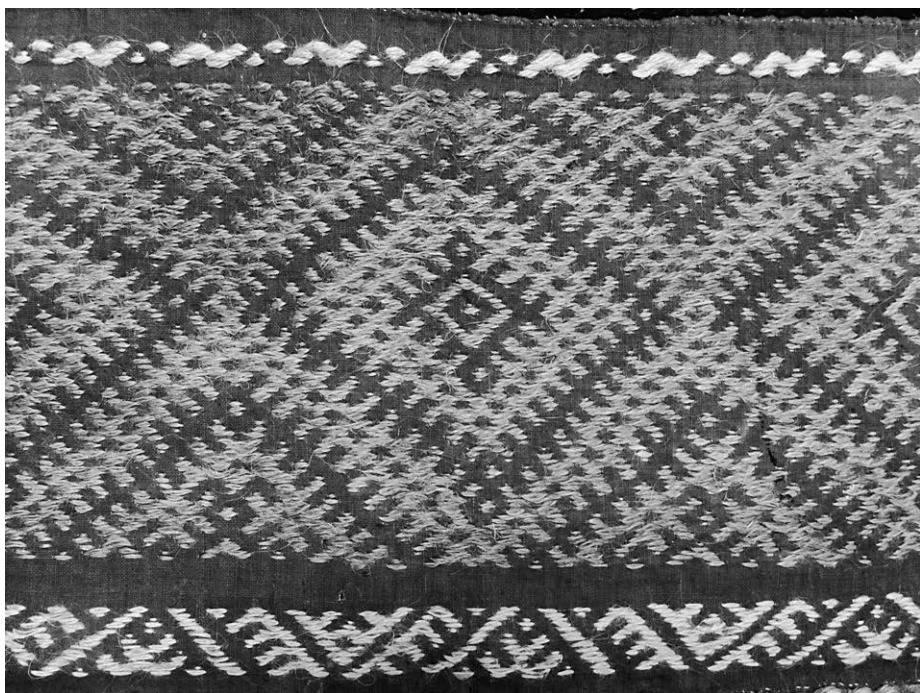

Рис. 35. Фрагмент вышивки полотенца в технике «набор».
Усть-Коксинский район РА, с. Мульта. НМРА 46

Самыми древними по происхождению видами швов исследователями признаны набор и роспись, представленные на Алтае исключительно на полотенцах старожилов. Шитье набором известно у всех восточнославянских народов. В Европейской России оно назвалось «по-браному», «браньё»⁵⁹. Бухтарминские крестьянки вышивку набором называли «по-мелкому»⁶⁰. Особенностью шва является негативное изображение узора на изнанке ткани, что делает его похожим на браное ткачество (рис. 35). Шов «набором» выполняется «вперед иголку» все время вдоль вышивки, во всю ее длину, как бы перебирая ткань, но так, что прямые параллельные длине вышивки стежки, последовательно удлиняясь и укорачиваясь, своими рядами образуют исключительно косые линии, под углом 45° к длине вышивки. Орнамент вышивки набором — неизменно геометрический.

По замечанию Е. Э. Бломквист, старинная вышивка набором у бухтарминских крестьян выполнялась всегда красной «бумагой» или черным шелком по белому холсту на одежде. Для полотенец она была слишком мелка, поскольку «полотенце, висящее на стене избы, требует более круп-

⁵⁹ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 41; Русские: историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 113.

⁶⁰ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 405.

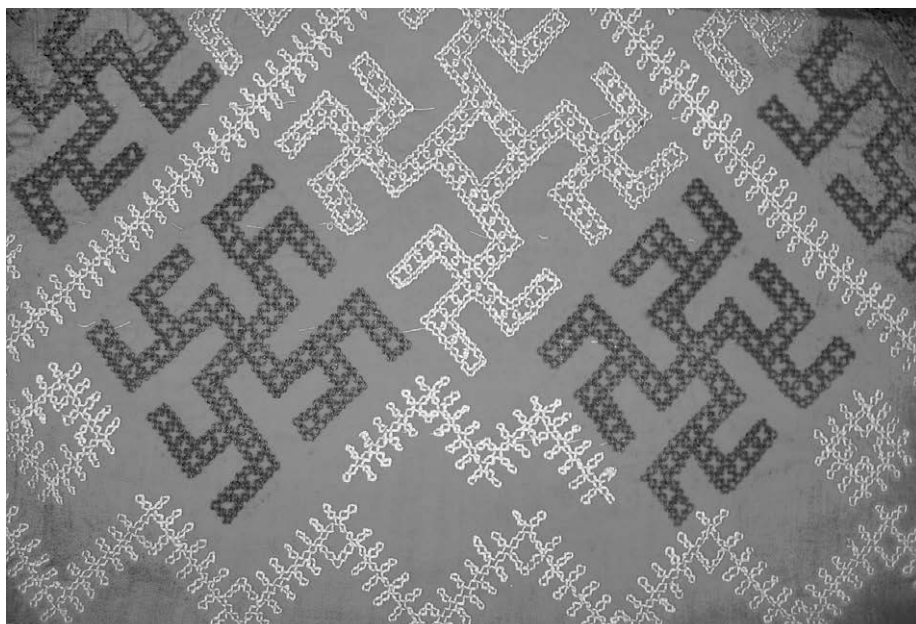

Рис. 36. Фрагмент вышивки *стенового платка* в технике «роспись». 1915–1916 гг. Катон-Карагайский район ВКО РК. Сборы Л. М. Русаковой, 1978 г. МИКНС СО РАН 1710

ного и броского узора»⁶¹. Однако в начале XX в. в той же технике, но более крупными стежками, с сохранением старинных узоров, крестьянки стали вышивать яркими шелком и шерстью «кумачные платки» и полотенца, заменяя тем самым узорное тканье⁶² (цв. ил. 9, 10). Связь браного ткачества и вышивки набором подтверждает цветовое решение последней: как и на тканых проставках, в вышивке разным цветом шьют только горизонтальные полосы, не включая внутрь орнаментальной композиции элементы другого цвета. На полотенцах русских крестьянок Алтая вышивка набором всегда выполнялась по горизонтали — вдоль нитей утка.

Другим древним приемом, распространенным у старообрядцев Алтая, является двусторонний шов «роспись» (рис. 36). На севере и северо-западе и отчасти в центральных губерниях Европейской России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, часть Тверской, Ярославской, Костромской) он носил название «досюльного» (т. е. давнишнего, старинного) и двустороннего⁶³. На Алтае его называли «по выметке»⁶⁴. Роспись выполняется прямыми равными по длине стежками по счету ни-

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 406.

⁶³ Русские: историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 114.

⁶⁴ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 406.

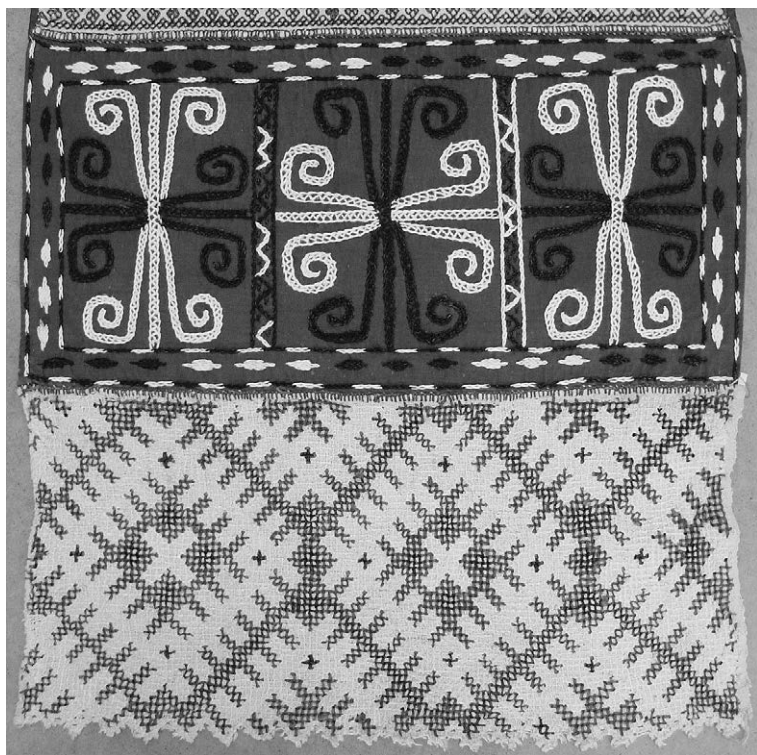

Рис. 37. Вышивка на полотенце в техниках «тамбур» (сверху) и «цветная перевить» (снизу). Глубоковский район ВКО РК, с. Малоубинка. Сборы Л. М. Русаковой, 1981 г. МИКНС СО РАН 1447

ток швом «вперед иголку». При этом сначала делают один стежок на лицевой стороне ткани, второй – на изнаночной, пропуская тем самым по одному стежку на правой стороне и на левой. Затем ткань переворачивают и заполняют оставленные промежутки, вкалывая иголку точно в места проколов первого ряда. Изучая вышивку бухтарминских старообрядцев, Е. Э. Бломквист пришла к выводу, что их шитье «по выметке» отличается тем, что «главный узор шьют исключительно по основе и утку, не употребляя при этом стежков по диагонали. Лишь для узеньких подзоров, составляющих как бы рамку главного узора, так называемый «подкаём», употребляют диагональные стежки»⁶⁵. На полотенцах русских крестьян Алтая шов «роспись» в основном выполнен красной «бумагой» (цв. ил. 6).

На полотенцах русского населения изучаемого региона встречаются два вида строчевой вышивки: цветная перевить и белая строчка. В обоих случаях вышивка выполняется по сетке, образованной путем удаления ни-

⁶⁵ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 406–407.

тей основы и утка. Разница состоит в том, что цветная перевить выполняется по неперевитой сетке, пространство которой плотно заполняется различными швами (рис. 37), а белая строчка – по предварительно обвитой сетке (рис. 38).

Техника цветной перевити широко использовалась для изготовления наконечников белых льняных полотенец крестьянками сел Коробиха, Сенное, Малоубинка, Соловьево, Язовая, г. Зыряновска (МИКНС СО РАН), Шемонаиха (ШИКМ) Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (цв. ил. 6, 8). По мнению Е. Э. Бломквист, наконечники, выполненные по выдерганному холсту красной и синей (или черной) «бумагой», являлись обязательным элементом старинных бухтарминских *рукотёртов* из белого холста⁶⁶. Единичные образцы встречаются в селах современного Алтайского края (Краснощековский, Мамонтовский районы). Выполнялась перевить белыми в сочетании с красными, черными или синими хлопчатобумажными нитками. Такой способ вышивания у бухтарминских крестьян получил название «пялы» и детально описан Е. Э. Бломквист⁶⁷. Орнамент вышивки в технике цветной перевити большей частью геометрический (рис. 37, цв. ил. 6, 8).

Белая строчка распространена очень широко на всей территории Западной Сибири и многообразна по способам заполнения сетки. Полотенца крестьян и городского населения, вышитые в этой технике, имеются в музеях Алтайского края, Новосибирской, Омской, Томской областей, Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. В отличие от цветной перевити, белая строчка выполнялась большей частью непосредственно на основном полотне, которое дополнительно украшалось кружевным наконечником или кистями. Нередко на одном полотенце вышивали две полосы: верхнюю узкую и нижнюю широкую. Орнаментика такой вышивки в основном растительная, иногда с включением мотивов птиц (рис. 38). Сложные композиции с антропоморфными и зооморфными мотивами встречаются на наконечниках, выполненных белой строчевой вышивкой, близкой по манере исполнения к северорусской традиции, бытовавшей в XVIII–XIX вв. в Олонецкой и Вологодской губерниях (ТОКМ 12362; 1, № 18, 20 по каталогу; 19, приложение 2, № 1, 11, 12, 54)⁶⁸.

Распространение белой строчки на Севере и в Центральных областях Европейской России относится к XVIII – началу XIX в. Техника цветной перевити была известна издавна в Калужской, Орловской, Тульской, Смоленской губерниях, в части Рязанской, Московской, Тверской губерний и,

⁶⁶ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 399–400.

⁶⁷ Там же, с. 409–411.

⁶⁸ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 52.

Рис 38. Вышивка на полотенце в технике «белая строчка». 1898–1890 гг.
Сузунский район НСО, р. п. Сузун. НГКМ 15398/34

по мнению Г. С. Масловой, является одной из древнейших⁶⁹. Учитывая это, легко объяснить, почему цветная перевить распространена только в вышивке старообрядцев («поляков» и бухтарминских крестьян), пришедших на Алтай в конце XVIII в. и долгое время сохранявших специфику своей культуры, в то время как белая строчка встречается на предметах более поздних переселенцев и горожан.

Распространение на Алтае, как и на всей территории Западной Сибири, красно-черной вышивки в техниках простой и двойной крест, счетная гладь исследователи связывают с массовыми переселениями в конце XIX — начале XX в. крестьян из Европейской России.

⁶⁹ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 207.

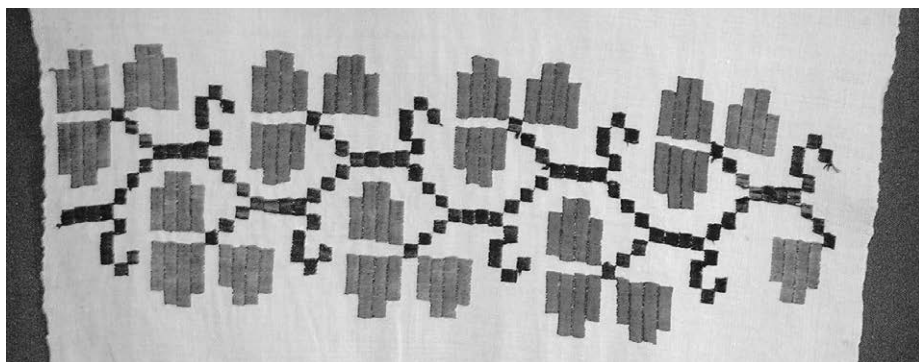

Рис. 39. Фрагмент вышивки полотенца в технике «счетная гладь». Первая треть XX в. Бийский район, с. Усятское. ИКМ АлтГПА 916

Счетная двусторонняя гладь («взастил», «кубиками»⁷⁰) бытовала как в северных, так и в южных губерниях России. На севере она чаще всего применялась в комбинации с росписью и набором в виде небольших разноцветных глазков, в других губерниях часто составляла основной шов⁷¹. На полотенцах русского населения Алтая получил распространение последний вариант вышивки счетной гладью (рис. 39). При этом гладью по счету ниток выполнены преимущественно узоры на белых полотенцах южнорусских переселенцев. На представленных в музейных собраниях полотенцах старожилов она почти не встречается. Между тем Е. Э. Бломквист сообщает о росте популярности в начале XX в. среди бухтарминских крестьян «рассейской глади» наряду с вышивкой в технике крест⁷².

Широкое распространение на всей территории России вышивки в технике крест, как известно, было связано в первую очередь с известной парфюмерно-косметической фирмой «Товарищество Брокар и К». Мелкая кустарная мастерская, основанная в Москве в 1864 г. Генрихом Брокром, французом по происхождению, выпускала дешевые сорта туалетного мыла, в том числе «народное», по цене 1 коп. за кусок. К 1880-м годам мастерская переросла в крупную фирму, торговавшую по всей стране. Сорта брокаровского мыла — «сельское», «русское», «национальное» и др., снабженные яркими обертками, на которых печатались схемы узоров для вышивания крестом в так называемом русском стиле, особенно полюбилися покупателям⁷³.

⁷⁰ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 136.

⁷¹ Русские: историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 114.

⁷² Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 416.

⁷³ Горожанина С. В., Зайцева Л. М. Русский народный свадебный костюм. Из собрания Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. М., 2003. С. 64.

Под влиянием моды на печатные узоры даже в старообрядческих селах Алтая крестьянки стали применять на полотенцах используемое ранее для вышивки одежды шитье крестиком. С увеличением числа «российских» переселенцев в селах бухтарминских крестьян в послереволюционные годы новый, более легкий в исполнении способ шитья стал вытеснять старинные способы вышивки (набор, роспись, цветная перевить).

Одинаково популярны у населения Алтая были простой и двойной крест. Последний переселенцы называли «болгарским», бухтарминские крестьяне — «в звездку»⁷⁴. На льняных крестьянских полотенцах крест вышивали по счету нитей холста (от трех до шести нитей в зависимости от плотности полотна) (цв. ил. 13). Полотенца горожанок и кумачовые стеновые платки старообрядцев Алтая в большинстве своем вышиты крестом по канве. Узоры на узких плисовых концах полотенец выполняли швом «звездка» по канве. Хлопчатобумажные (миткалевые и пр.) и льняные полотенца во второй половине XX в. повсеместно вышивали простым крестом по канве, полотенца из вафельной ткани — двойным крестом и крестом в три нитки. Последний факт объясняется значительными размерами клеток ткани, по которым осуществлялась вышивка. Таким образом, вышивка крестом с начала XX в. становится самой распространенной техникой, используемой для орнаментации полотенец представительницами большинства этнографических групп русского населения Алтая.

В вышивке крестом и счетной гладью по белому полотну соотношение красного и черного цвета, как правило, равноценное, иногда с небольшим преобладанием красного (например, при вышивке растительных узоров красными нитками вышиваются крупные по размеру цветы, черными — стебли и листья). На кумачовых полотенцах и проставках использованы нитки различных цветов. С 1950-х гг. для вышивки полотенец используются фабричные нитки «мулине» различных цветов. Во второй половине XX в. в некоторых селах Алтайского края, удаленных от городов и районных центров, существовали сложности с приобретением «мулине». Поэтому нитки для вышивания получали, распуская непригодные к использованию трикотажные изделия и специально купленные шерстяные платки.

На полотенцах русского населения региона вышивка в технике «тамбур» представлена в двух вариантах: монохромная — вышивка красной «бумагой» по белому, преимущественно льняному, основному полотнищу полотенца (рис. 40) — и полихромная вышивка цветными хлопчатобумажными или шерстяными нитками по черным плисовым, кумачовым, бархатым проставкам (цв. ил. 8).

Первый тип, по мнению Е. Ф. Фурсовой, характерен для старожилов-чалдонов северных районов Алтайского округа (Верхне-Чумышская,

⁷⁴ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 416.

Тальменская волости)⁷⁵. Узоры растительного характера, вышитые исключительно красной «бумагой», встречаются также на полотенцах в современных Новосибирской (Красноозерский, Куйбышевский, Чановский районы; НГКМ 20004/39, 16269, 14925/3) и Омской областей (Называевский и Муромцевский районы)⁷⁶.

В некоторых селах современного Алтайского края красная хлопчатобумажная нить тамбурного узора дополнена черной в виде параллельно идущей «дорожки» или отдельных элементов орнамента (Шелаболихинский район, с. Киприно (ШМСК), Залесовский район, с. Черемушкино, с. Верх-Бобровка (ГХМАК П-989, ЗРКМ), Бийский район, с. Верх-Катунское (МСВК), Чарышский район, с. Тулата (АГКМ 15184/1).

Учетная документация музеев не содержит информации о вышивальщицах, что затрудняет определение принадлежности двухцветной вышивки тамбуром к какой-либо этнографической группе русских. Поскольку ее распространение шире зоны расселения чалдонов (например, Чарышский и Бийский районы), вероятнее всего, подобная традиция существовала и у других групп старожилов Алтая – выходцев из северных и центральных губерний России, где была особенно распространена монохромная гамма тамбурной вышивки, но применялись и цветные хлопчатобумажные нитки⁷⁷. Введение черной нити в вышивку может быть объяснено стремлением сделать более яркими скромные монохромные узоры или влиянием переселенцев конца XIX – начала XX в. из украинских губерний, на рушниках которых красная вы-

Рис. 40. Полотенце. Начало XX в.
Каменский район. ККМ

⁷⁵ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 131–132.

⁷⁶ Беляева Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX – XX веков. Полотенца. Омск, 2006. С. 29, 34, 64.

⁷⁷ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 54.

шивка тамбуром почти всегда дополнена черными (синими) элементами (цв. ил. 12).

Полихромная тамбурная вышивка, как свидетельствуют результаты исследований Е. Э. Бломквист, Г. А. Щербик, Л. М. Русаковой и материалы музейных собраний, была распространена в селах «поляков» в юго-западной части Алтайского округа, по рекам Убе и Ульбе (современный Глубоковский район ВКО РК) и каменщиков по р. Бухтарме (современный Катон-Карагайский район ВКО РК)⁷⁸. Вышивка тамбуром была наиболее популярна в среде «поляков». У бухтарминских старообрядцев она не получила широкого распространения. В этих районах лишь немногие крестьянки в начале XX в., гораздо позднее, чем «полячки», научились вышивать тамбуром⁷⁹. На остальной территории Алтая полихромная вышивка на полотенцах в технике «тамбур» не встречается.

По мнению исследователей, распространению многоцветной вышивки тамбуром в указанных районах способствовало близкое соседство казахов, составлявшее значительный процент населения этих районов⁸⁰. Имеются сведения о покупке крестьянками у казашек или алтаек готовых узоров, вышитых специальным крючком для тамбурного шва. Их пришивали на полотенца, органично сочетая при этом цвета ниток на своих и купленных узорах. Однако чаще русские женщины сами вышивали тамбуром, обычно на проставках из кумача белыми и синими бумажными нитками и на проставках из плиса разноцветной шерстью (гарусом). Узорами на кумаче украшали белые холщовые рукотёрты, проставками из плиса — красные (ситцевые или сатиновые) стеновые платки. При этом они редко пользовались крючком, вышивали иглой и называли этот технический прием — «по-кыргызски шито» (бухтарминские старообрядцы)⁸¹ и «вышивать иглой в петельку» («поляки»)⁸².

⁷⁸ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 413–415.; Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 173–174; Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 115.

⁷⁹ Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 115.

⁸⁰ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 174.

⁸¹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 413.

⁸² Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 115.

Сходство названий тамбурного шва «в петельку» у русских Европейской России⁸³ и «поляков» Алтая, по мнению Л. М. Русаковой, является доказательством ее использования русскими задолго до XVIII в. — времени появления «поляков» на Алтае. Поэтому «поляки» с легкостью переняли у казахов мотивы их орнамента, выполненные в похожей на известный шов тамбурной технике⁸⁴.

В селах Рудного Алтая с 1910-х гг. становится популярным новый способ украшения проставок из кумача, плиса, сукна — выстрачивание узоров на швейной машине (цв. ил. 7). По мнению Т. Г. Шарабариной, выстроченные узоры хотя и имеют непосредственное отношение к отдельному виду вышивки — к стёжке, представляют собой все же новый вид вышивки⁸⁵. Его распространение исследователи связывают с появлением швейной машины в частично утративших изолированность старообрядческих сел Алтая. К 1927 г., по данным Н. П. Гринковой, в селах бухтарминских старообрядцев швейная машина имелась «в каждом доме, кроме самых бедняцких... чаще ручная, а у богачей — ножная. Каждая подрастающая девочка лет с 12 уже умеет шить и справляться с машиной»⁸⁶. В отличие от современной специальной техники вышивания на швейной машине, крестьянки не пользовались ни пальцами, ни съемной лапкой: об этом свидетельствуют отсутствие натяжения ткани между элементами узора и тип шва — строчки, предназначенной для соединительных швов. Незначительность объема одиночной машинной строчки, технологически не предназначенной для декорирования изделий, компенсировалась трех-пятикратным ее повторением через небольшие интервалы. Выстроченные узоры выполнялись хлопчатобумажными нитками различных цветов: белыми, серыми, желтыми. В отличие от старинных швов, узоры для выстрачивания крестьянки придумывали сами и предварительно наносили их мелом или карандашом на ткань⁸⁷.

Во второй половине XX в. получает распространение вышивка полотенца в технике лицевая (односторонняя) гладь в сочетании со стебельчатым швом цветными нитками «мулине». Узоры такой вышивки незамысло-

⁸³ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 53.

⁸⁴ Русакова Л. М. Орнаментака полотенца сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 118.

⁸⁵ Шарабарина Т. Г. Выстроченные узоры русских крестьянок Южного и Юго-Западного Алтая начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 150.

⁸⁶ Гринкова Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 317.

⁸⁷ Шарабарина Т. Г. Выстроченные узоры русских крестьянок Южного и Юго-Западного Алтая начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 150.

ватые, чаще нарисованные самими вышивальщицами (рис. 41). Единичные предметы украшены вышивкой «ришелье». Несколько реже на полотенцах вышивали печатные рисунки простым крестом по канве. Использование этих приемов вышивания в орнаментации полотенец связано с ростом их популярности в декоративно-прикладном творчестве этого периода в целом.

Таким образом, для вышивки на белом полотне русское сельское население Алтая в конце XIX – начале XX в. отдавало предпочтение белым, красным и черным хлопчатобумажным ниткам. На цветной ткани вышивали х/б нитками различных цветов (белого, красного, черного, синего, желтого, зеленого, оранжевого, коричневого) и цветной шерстью (зеленого, малинового, фиолетового, синего и др.) в зависимости от цвета основы. Со второй половины XX в. повсеместное распространение получают фабричные нитки «мулине» ярких цветов, что объясняется исчезновением из розничной торговли «бумажных» ниток, появлением финансовой возможности у населения для покупки более дорогих ниток «мулине» при общей тенденции роста декоративности в орнаментации ткани.

Другим, весьма распространенным способом орнаментации полотенца русского сельского населения Алтая в конце XIX – 30-х гг. XX в. являлось использования тканых полос в качестве составных частей сложного по структуре конца полотенца. Крестьяне-старожилы заранее изготавливали небольшие по ширине фрагменты узорного тканья – «узоры»⁸⁸ (проставки), а затем пришивали их к полотенцу.

Наиболее распространено в алтайских селах было изготовление проставок для полотенец способом браного ткачества. По замечанию Е. Ф. Фурсовой, у ряда этнографических групп русских (бухтарминских, болотнинских и других старообрядцев) эта техника была настолько распространена, что термин «ткать» заменялся словом «брать»⁸⁹. Исследовательницей народного искусства Алтая Н. И. Каплан отмечено бытование полотенец с браными полосами во многих районах Алтайского края: Солонешенском (с. Топольное), Сорокинском (ныне Заринском, с. Комарское и др.), Залесовском, Алтайском (с. Алтайское), Смоленском (с. Солоновка и др.), Змеиногорском (с. Саввушки и др.) и в селах Республики Алтай⁹⁰.

При изготовлении узорных полос для полотенец русские крестьянки чаще всего применяли способ браного ткачества с двумя уточными нитями: одну – для фона, другую – для узора. Фон и узор выполнялись челно-

⁸⁸ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 399; Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. С.75–137; Картотека полотенец МИКНС СО РАН № 1668, 1669.

⁸⁹ Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 119–120.

⁹⁰ Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961. С. 56–57.

Рис. 41. Полотенце, вышитое в технике «лицевая гладь». 1947–1948 гг.
Третьяковский район, с. Михайловское. ШИКМ 05-2394

ком по всей ширине ткани. Изнаночная сторона браных тканей всегда является негативным отражением лицевой. Разновидностями браной техники являются белое браньё, в котором фоновая и узорная прокидка утка выполняется нитью одного (белого) цвета, двухцветное (с использованием двух уточных нитей разного цвета)⁹¹ и многоцветное браное ткачество.

Основываясь на материалах музейных собраний, можно утверждать, что на Алтае большее распространение получило изготовление проставок для полотенец способом двухуточного бранья с использованием в качестве основы и одного утка белых льняных ниток, второго утка – крас-

⁹¹ Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник. СПб., 2003. С. 50.

ной «бумаги» (карта 4). Особенно популярно красно-белое браное ткачество было у старожилов-старообрядцев (Усть-Коксинский район РА, Солонешенский, Быстроистокский районы АК, Шемонаихинский, Зыряновский районы ВКО РК).

В изученных музейных собраниях имеется несколько предметов, на каждом из которых центральные браные полосы («узоры»⁹²) и ограничивающие их сверху и снизу узкие каемки («заузорки»⁹³) выполнены в красно-белой гамме, но с различными вариантами чередования красного и белого цвета: узор – красно-белый, сверху каемка – белым по белому (с. Сибирячиха Солонешенского района); узор – красно-белый, нижняя кайма – белым по белому, верхняя – белым по красному; узор – красно-белый, каемки – белым по белому (рис. 42, цв. ил. 6).

Двухцветная браная техника была также широко распространена в конце XIX – начале XX в. в селах и городах на территории современной Омской области. Так, узорные браные концы (красно-белые и белые льняные в сочетании с цветными хлопчатобумажными и шерстяными нитками как домашнего прядения, так и фабричного производства) часто украшали полотенца крестьян-старожилов и казаков Омского Прииртышья⁹⁴. В музеях Томской области не выявлено подобных образцов. По мнению П. Е. Бардиной, браное ткачество у старожилов Томской области в целом было менее развито, чем у переселенцев второй половины XIX в.,⁹⁵ и, по-видимому, не получило распространения как способ орнаментации полотенец.

Белое бранье в алтайских селах не было особенно популярным. Так, проставки, сотканые в браной технике белым по белому, имеются только на одном стеновом полотенце старожилов-старообрядцев с. Сибирячиха Солонешенского района (БKM 11857).

Многоцветное браное ткачество было распространено большей частью в селах со значительным процентом старообрядческого населения предгорных и горных районов округа (карта 4). При этом использовали в качестве основы и первого утка преимущественно белую или окрашенную в красный или желтый цвета льняную нить, второго утка – белую, красную и черную «бумагу», шерстяные нитки домашнего прядения и гарус яр-

⁹² Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 114.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Беляева Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX – XX веков. Полотенца. Омск, 2006. С. 27, 30–32, 35, 37; Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог. Томск, 1994. С. 97–122 (№ 6, 9, 10); Раскевич Т. В. «Этнографическая коллекция русских в фондах ОГИК музея (перечень поступлений в фонд тканей 1975–1995 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 5, Омск, 1997. С. 69–87 (ОГКМ № 9259/4, 9519/1, 9714/2); ОГКМ 9062/1, 9062/2, 10840; МАЭ ОмГУ 24–15.

⁹⁵ Бардина П. Е. Узорное ткачество и ковροизделие русского населения Томской области // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984. С. 75.

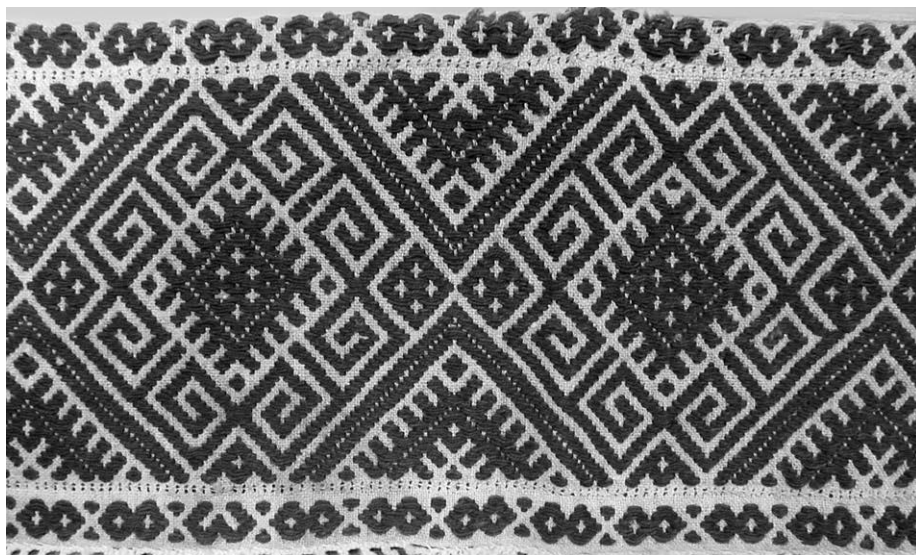

Рис. 42. Фрагмент полосы браного ткачества для *стенового* полотенца.
Усть-Коксинский район, с. Верхний Уймон. НМРА 122 (1)

ких цветов (фиолетовые, зеленые, оранжевые, коричневые и др.). Многоцветность достигалась также путем сочетания горизонтальных полос разных цветов на одном фрагменте (цв. ил. 11).

В коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН среди полотенцев, собранных Л. М. Русаковой в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (г. Зыряновск, с. Коробиха), имеются образцы, на которых техника браного ткачества сочетается с выборным тканьем. Благодаря этому введение третьего цвета в рисунок осуществлялось не в виде горизонтальной полосы, как в предыдущих случаях, а для выполнения отдельного элемента орнамента, чаще — отдельных малых ромбов.

Несмотря на то, что закладной способ тканья был известен в конце XIX — начале XX в. практически во всех старообрядческих группах Верхнего Приобья⁹⁶ и бытовал в южнорусских губерниях, главным образом в Рязанской, Тамбовской, Калужской, Курской⁹⁷, в изготовлении полотенцев русскими крестьянами Алтая он не получил широкого распространения (АГКМ 14365/2).

Кроме домотканых полос, в украшении полотенцев старожилы активно использовали и покупные тканые полосы, место изготовления которых установить не удалось. Техника тканья таких фрагментов идентична до-

⁹⁶ Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 120.

⁹⁷ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 527.

Рис. 43. Полоса красно-белого браного ткачества кустарного производства. Начало XX в. Красногорский район. АГКМ 16558/2

машнему браному ткачеству. Однако использование фабричных хлопчатобумажных ниток в качестве основы и утка, одинаковые размеры образцов, наличие мелкой бахромы по низу (ширина 2 см), стандартный набор и практически абсолютная идентичность орнамента на изделиях из разных областей Сибири не позволяют отнести подобные детали к крестьянскому домашнему производству, для которого характерна значительная вариативность в выборе материала и исполнении одних и тех же элементов (рис. 43). Кроме того, к некоторым полотенцам пришиты две неразрезанные полосы такого типа, расположенные одна над другой, с идентичным орнаментом. При этом одна из них соткана с использованием в качестве утка красной и белой нитей, вторая – двух красных, что также не свойственно домашнему ткачеству. Орнамент на таких полосах чаще всего геометрический в виде горизонтальных рядов чередующихся ромбов и полуромбов, соединенных вершинами, геометризованных цветов-розеток или антропоморфный, в виде чередующихся женских фигурок (АГКМ 16672/2, ШИКМ 17-9909). Характерно, что такие тканые полосы всегда использовались в качестве наконечников, завершавших полотенце, в отличие от домотканых браных фрагментов, неизменно включенных в середину орнаментированного конца.

Учитывая выявленные особенности распространения полотенец, украшенных полосами-проставками, сотканными в технике браного ткачест-

ва, следует отнести этот способ орнаментации к традиции русских старожилов Алтая (карта 4). При этом многоцветное «бранье» было в большей степени распространено у бухтарминских крестьян и «поляков», двухуточное красно-белое — у старообрядцев-кержаков и уймонских и бухтарминских старообрядцев. Полотенца с браными концами, обнаруженные в коллекции федосеевской моленной г. Новосибирска и в ходе полевых исследований, этнограф Е. Ф. Фурсова определяет также как старожильческие или кержацкие⁹⁸. Стоит отметить, что наибольшее количество полотенец с двух- и многоцветными проставками в музейные собрания региона поступили из с. Сибирячиха Солонешенского района. Как известно, в нем в тесном соседстве проживали преимущественно представители двух этнографических групп: «поляки» и кержаки. Полосы бранья, сотканые кустарным способом, были распространены большей частью в селах со значительным процентом старожильского населения. Сочетание браного и выборного ткачества на фрагментах полотенец свойственно бухтарминским и уймонским каменщикам.

В орнаментации полотенец русского населения Алтая представлены два вида кружева: плетенное на коклюшках и вязанное крючком. Коклюшечное кружево изготавливалось из тонких белых фабричных ниток и использовалось для украшения полотенец различных групп русских. Тонкое, изящное коклюшечное кружево характерно прежде всего для полотенец горожанок. Крючком кружево вязали повсеместно представительницы различных сословных и этнографических групп. В орнаментации полотенец кружево, связанное крючком, использовалось в качестве проставок, прошивок и наконечника. Материалом для него служили белые нитки различные по толщине. Из «бумаги», по-видимому, связаны наконечники наиболее ранних полотенец, отличающиеся способом вязания — снизу вверх или «по вертикали» — и орнаментом: сюжетным, растительным, зоо- и антропоморфным (рис. 24, 46). Способ вязки обуславливает в этом случае оформление нижнего края кистями, а не зубцами, как на образцах кружева, связанного из «юрошных» ниток (№ 10) способом «по горизонтали». Орнамент такого кружева образован преимущественно геометрическими элементами (ромбами, зигзагами) и восьмилепестковыми цветами-розетками. Старообрядцы предгорных и горных районов Алтая вязали крючком «галунцы» из цветной бумаги, гаруса или шерсти, нередко сочетая несколько цветов в одном изделии. Случаи использования льняных ниток для вязания кружева единичны и обусловлены в изучаемый период, вероятно, сложностями в приобретении хлопчатобумажных.

⁹⁸ Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. С. 74.

Для украшения полотенец из белого льняного полотна использовали также фабричное хлопчатобумажное кружево (цв. ил 3, 12, 13). Нижний край большинства образцов такого кружева оформлен слегка закругленными «зубцами», боковые стороны часто обшиты тканью. Вероятно, кружево подходящей для полотенец ширины распространялось по районам Сибири из единого центра, о чем свидетельствует повторяемость узоров от Восточного Казахстана до севера Томской области.

Вязание на спицах представляет собой совершенно не освещенный в литературе способ украшения полотенец, имеющий локальное распространение. Полотенца с наконечником, связанным на спицах из хлопчатобумажных ниток, бытовали в местах расселения старообрядцев: с. Верхозерное Быстроистокского района (ШМСВО), с. Топольное Солонешенского района (МИКНС СО РАН 1683), Залесовский район Алтайского края (ЗРКМ), с. Язовая, с. Коробиха Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (МИКНС СО РАН). Место приобретения двух предметов из коллекции АГКМ неизвестно (АГКМ 16515/3), один из них отмечен как бытовавший у казаков (АГКМ 16322/3). Е. Э. Бломквист упоминает о вязании «галунцов», т. е. на спицах, бухтарминскими крестьянками⁹⁹. На Алтае для вязания наконечников спицами использовали нитки белого цвета, в Восточном Казахстане преобладают цветные варианты. Способ вязания представляет собой сочетание платочного (по лицевой и по изнаночной стороне вяжут все время лицевыми петлями) и ажурного (с использованием накидов) вязания, в результате чего образуется узор в виде правильных или косых ромбов, зигзагов (рис. 44). Нижний край кружева оформлялся крупными или мелкими зубцами, фестонами.

Широко использовалось для украшения полотенец на Алтае плетение на рамке, так называемые «цыгански (цыгански) пялы» (рис. 45). Впервые в научной литературе это название встречается у Е. Э. Бломквист, которая относит их к виду бахромы, появившемуся в селах Бухтарминской долины в начале XX в. Бахрома типа цыганских пял sporadически встречается на поздних полотенцах в различных регионах России, в частности в Иркутской, Тверской и других областях¹⁰⁰. На Алтае плетение на рамке было распространено большей частью в районах расселения старожилов (Третьяковский, Петропавловский, Солонешенский, Чарышский, Красногорский, Краснощековский, Алтайский, Усть-Пристанский, Быстроистокский, Усть-Калманский, Павловский, Залесовский, Заринский, Косихинский районы АК, Усть-Коксинский район РА, Глубоковский и Шемонаихинский районы ВКО РК). В музейных собраниях выявлено 44 полотенец и их фрагмента, украшенных цыганскими пялами.

⁹⁹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 417.

¹⁰⁰ Там же, с. 418.

Рис. 44. Фрагмент полотенца с наконечником, связанным на спицах.
Солонешенский район, с. Топольное. Сборы Русаковой Л. М. 1977 г.
МИКНС СО РАН 1683

Способом изготовления «цыганских пял» русские женщины владели, очевидно, в полной мере, применяя различные способы соединения нитей, цветовые сочетания. При этом в музейной документации сохранились свидетельства о приобретении русскими крестьянками готовой бахромы у цыган (МИКНС № 793). Этот факт и наименование техники дают основание полагать, что техника плетения была заимствована русскими у цыган и к концу XIX в. стала довольно популярным способом орнаментации полотенец.

Для изготовления наконечников использовали «цыганские пяльцы», представлявшие собой деревянную прямоугольную рамку, на всех четырех сторонах которой набиты в один ряд кусочки проволоки на расстоянии 1 см друг от друга, откусанные клещами («храпками отдернуто»), высотой около 1,5 см¹⁰¹. Процесс плетения заключался в сновании нитей попеременно в четырех направлениях: вдоль, поперек и по обоим диагоналям и закреплении нитей в местах их пересечения с помощью иглы. Материалом для плетения «цыганских пял» служили хлопчатобумажные нитки —

¹⁰¹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 418.

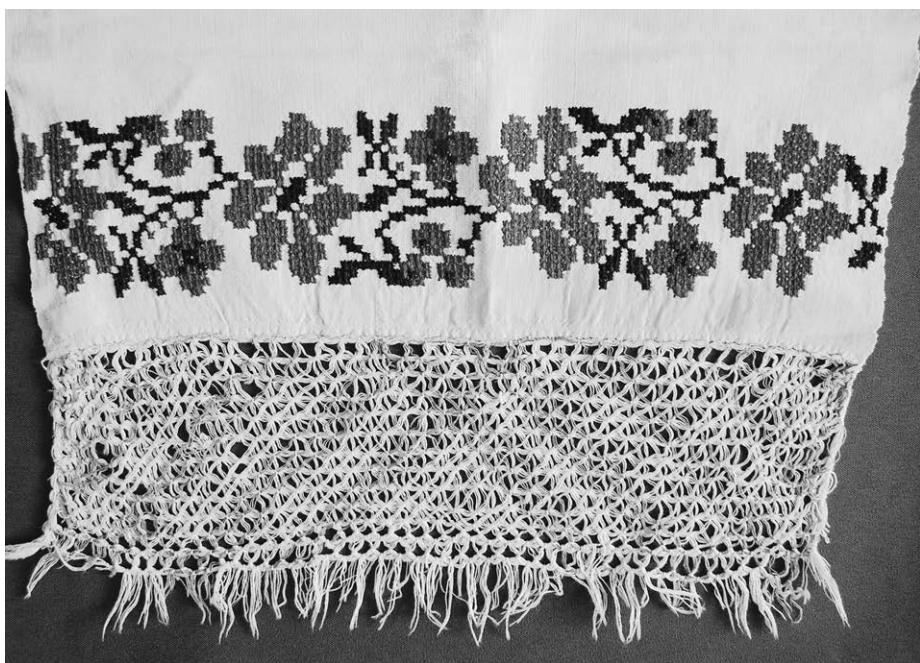

Рис. 45. Полотенце, вышитое двойным крестом с наконечником, связанным на рамке. 1930-е гг. Сыроева В. В. 1920 г. р. Усть-Калманский район, с. Ельцовка. ИКМ АлтГПА ОФ 845

«бумага» белого, красного, черного, синего цвета, шерсть и гарус многочисленных ярких оттенков. При этом в украшении белых льняных полотенец использовали «пялы» из белой «бумаги» с дополнением цветных ниток (рис. 45). Для кумачовых стеновых полотенец вязали наконечники из яркого гаруса и шерсти (цв. ил. 9, 10).

Вязание на вилке представляет собой один из способов орнаментации полотенец русского старожильского населения предгорных и горных районов современного Алтайского края (с. Верх-Слюдянка Усть-Калманского района, с. Тележиха Солонешенского района, с. Ая Алтайского района) и Усть-Коксинского района Республики Алтай. Для выполнения наконечников использовали «вилку» и крючок. С помощью «вилки» вязали полосы с длинными петлями, которые затем соединяли между собой крючком, создавая полотно нужного размера. Поскольку вязание на вилке использовалось преимущественно для украшения кумачовых стеновых платков, основным материалом служили шерстяные нитки домашнего прядения и крашения (цв. ил. 11).

Кисти и бахрома на полотенцах русского населения Алтая выступают и как самостоятельный элемент орнаментации, и как дополняющий другие виды украшения. В первом случае речь идет о кистях, образованных из нитей основы вышитого полотенца, при этом декоративность усилива-

ется путем оформления верхней части бахромы. В качестве дополнительного элемента кисти привязаны к наконечникам, связанным крючком и на вилке. На полотенцах утилитарного назначения бахрома или мелкие кисточки часто являлись единственным украшением и одновременно способом обработки краев полотнища.

Бахрома по краям полотенец образована тремя способами: простая — нити основы собраны в пучки с помощью мережки «кисточка»; с сетчатым верхом — собранные с помощью мережки пучки из нитей основы или привязанные нити разбиты пополам и связаны по две соседние прядки, во втором ряду получившийся пучок вновь разделен и связаны другие соседние пряди в шахматном порядке; с крупными кистями, образованными путем сложного плетения из нитей бахромы многоярусной сетки (рис. 46).

Локальное распространение имеет традиция украшения кумачовых полотенец оборками из фабричной цветной и с набивным рисунком ткани по низу (с. Екатерининское, с. Староалейское, с. Шипуниха Третьяковского района АК, с. Секисовка, с. Быструха ВКО РК) и по всему полотну орнаментированного наконечника (с. Быструха ВКО РК), характерная для этнографической группы «поляков» (цв. ил. 7).

Традиция украшения полотенец полосами цветной ткани и атласными лентами в качестве проставок, вероятно, является южнорусской, поскольку все предметы происходят преимущественно из мест компактного проживания «российских» переселенцев конца XIX — начала XX в.: с. Соловьяха (Петропавловский район), с. Плешково, с. Новая Чемровка, с. Новомихайловка (Зональный район), с. Рогозиха (Павловский район), пос. Тамбовский (Романовский район), с. Березовка (Краснощековский район), Благовещенский район Алтайского края (цв. ил. 3). Полотенца с такого типа орнаментацией были изготовлены и принадлежали переселенцам из Курской (ГХМАК П-990, АГКМ¹⁰²) и Воронежской губерний (МИКНС СО РАН 207, 1648). Кроме того, основное полотно трех полотенец на концах украшено в технике пятиремизного ткачества, при этом два — из хлопчатобумажного волокна, спряденного вручную, что для старожилов не характерно.

К основному полотну полотенца пришивали одну или две ленты разных цветов (красного, белого, желтого, синего, зеленого, розового) шириной 3–8 см. В случае, если на полотенце использована одна лента, то она, как правило, соединяет в качестве проставки основное полотно с наконечником. Если использовали две ленты разных цветов, то между ними вшивали узкую кружевную проставку фабричного производства или ручного вязания крючком. Исключение составляет полотенце, зафиксирован-

¹⁰² Попова И. В., Мамонтова О. С. Полевые этнографические сборы Алтайского государственного краеведческого музея. Краснощековский район, 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 178.

Рис. 46. Полотенце с вышивкой «белой строчкой», наконечником, связанным крючком, и с кистями. Волчихинский район. ВРКМ 3102/2

ное группой ИЭЭ АлтГПА в с. Новомихайловка (Зональный район), на котором две ленты соединены последовательно. Наконечниками полотенец с атласными лентами служило кружево, связанное крючком (с. Рогозиха), на рамке (МИКНС 1648), но чаще фабричного производства. На полотенцах из с. Соловьиhi (МИКНС 1648; цв. ил. 3) ленты пристроены к ткани (в одном случае — к льняной, в другом — к фабричной), которая служит проставкой между основным полотном и наконечником.

Таким образом, из всех охарактеризованных способов орнаментации полотенцев преобладающими в рассматриваемый период являются вышивка в техниках простой и двойной крест, кружево, связанное крючком, кисти. Эти виды украшения ткани использовались представителями всех этнографических групп русского населения Алтая и представлены на большей части предметов изученных музейных коллекций.

Другие способы орнаментации следует определить как имеющие этнографическую и локальную специфику. Браное и закладное тканье, вышивка в технике набор, «цыганские пялы» характерны для орнаментации полотенцев крестьян-старожилов Алтая и имеют аналоги в Омском Прииртышье. Вязание на спицах и вилке представлено только на изделиях алтайских старожилов. Вышивка росписью, цветной перевитью встречается в основном на полотенцах бухтарминских крестьянок и «поляков». Исключительной особенностью «поляцких» полотенцев является наличие множества цветных оборок на кумачовых полотенцах. Для переселенческой традиции характерно использование, наряду с повсеместно распространенными способами орнаментации, вышивки счетной гладью и украшение полотенцев атласными лентами.

Наиболее яркими в плане выбора способов орнаментации являются полотенца старожилов-старообрядцев предгорной и горной зон региона. Это обусловлено особенностями формирования и условиями проживания этнографических групп кержаков, «поляков», бухтарминских и уймонских старообрядцев, не только строго хранивших собственные традиции украшения ткани, но и умело использовавших заимствованные.

2.2. Орнамент вышивки и ткачества на полотенцах

В этнографической науке признанным является тот факт, что народный орнамент, будучи относительно устойчивым элементом культуры, представляет собой важный источник для освещения некоторых вопросов этнокультурной истории¹⁰³. Он тесно связан с бытовым укладом социальной среды его создателей, отражает их отношение к окружающей действительности, представления о прекрасном. Орнаментальное искусство каждого народа имеет определенные этнические черты, в большей или меньшей степени отличные или сходные с орнаментикой других народов. При этом орнамент бытует не в виде некой абстрактной субстанции, он всегда вписан в контекст конкретной вещи. Выбор мотива во многом определяется характером вещи, но и сам узор придает ей более мощный эстетический и семантический заряд¹⁰⁴.

¹⁰³ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 7.

¹⁰⁴ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 11.

В ряду традиционных орнаментированных предметов русских особое место исследователи отводят полотенцу. Будучи широко востребованными в бытовой и обрядовой культуре и наделенные высоким семантическим статусом, полотенца отличаются большим многообразием представленных на них орнаментальных мотивов и сюжетов. При этом характер орнамента, так же как и техника его выполнения, являлся довольно устойчивым и нередко отличительным признаком для предметов различных групп русских.

Особенность орнамента на полотенцах русского сельского населения Алтая заключается в многообразии его временных форм и локальных особенностей, принесенных переселенцами из районов выхода и сформировавшихся на новом месте проживания. Характер орнамента на полотенцах зависел от принадлежности автора к одной из рассматриваемых этнографических групп, времени и места изготовления. Безусловно, существует также тесная связь между орнаментом и техническими приемами его исполнения (вышивки, ткачества, кружевоплетения).

Наибольший интерес представляет орнамент вышивки и узорного ткачества, поскольку эти технические приемы орнаментации ткани являются наиболее ранними по происхождению у восточнославянских народов и преобладающими в украшении полотенец русского сельского населения Алтая.

Классификация типов орнамента, принятая в отечественной науке, в достаточной мере условна. Часто различные мотивы взаимосвязаны друг с другом, иногда соединены в одном произведении в единую композицию, нередко трансформируются друг в друга, и поэтому границы между ними неопределенны и подвижны. Для характеристики орнамента в настоящей работе используется тематическая классификация мотивов, предложенная Г. С. Масловой. Учитывая многообразие орнаментальных форм народной вышивки, исследовательница выделяет геометрические, зооморфные (включая орнитоморфные и тератологические), растительные и антропоморфные (включая архаические и бытовые или жанровые) мотивы¹⁰⁵. Для характеристики композиционного построения мотивов используется классификация узоров, разработанная О. М. Рындиной¹⁰⁶.

В этнографической науке и искусствоведении принято считать, что вышивка на предметах XIX – начала XX в. представляет собой сложный комплекс напластований различных исторических эпох¹⁰⁷. Наиболее древ-

¹⁰⁵ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 57.

¹⁰⁶ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 524–537.

¹⁰⁷ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 57; Шангина И. И. Вышивка Вологодского края // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв. М., 2004. С. 762.

ним в изобразительном искусстве русских является строгий линейно-геометрический орнамент, состоящий из ограниченного набора мотивов (ромба, креста, свастики и др.) и получивший название архаического¹⁰⁸. Он широко представлен на полотенцах кержаков, «поляков», бухтарминских и уймонских крестьян Алтая конца XIX – начала XX в. в технике узорного ткачества, вышивки набором, росписью, цветной перевитью, реже – простым крестом (цв. ил. 6, 8–11).

Более свойствен геометрический орнамент узорному ткачеству, так как обусловлен самой техникой переплетения нитей утка и основы¹⁰⁹. На полотенцах русских старожилов Алтая он преобладает на проставках, выполненных в технике браного и выборного ткачества. Картографирование браного ткачества и геометрического орнамента показывает полное совпадение районов их распространения (карты 4, 5). Точка зрения И. Я. Богуславской относительно исполнения в ряде случаев геометрического орнамента в вышивке в подражание узорному ткачеству находит подтверждение в вышитых набором кумачовых и льняных проставках полотенец «поляков» (цв. ил. 7). Традиционные композиции геометрического орнамента воспроизведены более легким и свободным способом, не требовавшим таких сложных механизмов, как ткацкий стан, и связанных с ним специальных навыков и трудоемких процессов, и позволяющим использовать новые материалы (кумач, гарус). В то же время в вышивке на полотенцах швами «роспись» и цветная перевить органично сочетаются архаика швов и мотивов орнамента.

Геометрический орнамент на полотенцах русских старожилов-старообрядцев Алтая построен на основе ромбов – простых и с отростками, квадратов, прямоугольников, зигзагообразных линий, свастики, крестов и т. п. Наиболее распространенным мотивом геометрического орнамента браного тканья, вышивки цветной перевитью и набором является ромб, часто составляющий основу орнаментальных композиций и представленный большим разнообразием вариантов (рис. 47). Во многих композициях архаического типа на полотенцах встречаются такие разновидности ромбического орнамента, как ромбо-точечный узор, ромб с крючками (общеславянское название «лягушка» или «жаба»)¹¹⁰, гребенчатый ромб («репей» или «репейчек»)¹¹¹.

¹⁰⁸ Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СЭ. 1966. № 1. С. 75; Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – XX в. Новосибирск, 1985. С. 121–138.

¹⁰⁹ Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX – XX вв.) // СЭ. № 1. 1982. С. 101–102.

¹¹⁰ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СЭ. 1965. № 3. С. 14–15.

¹¹¹ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 421.

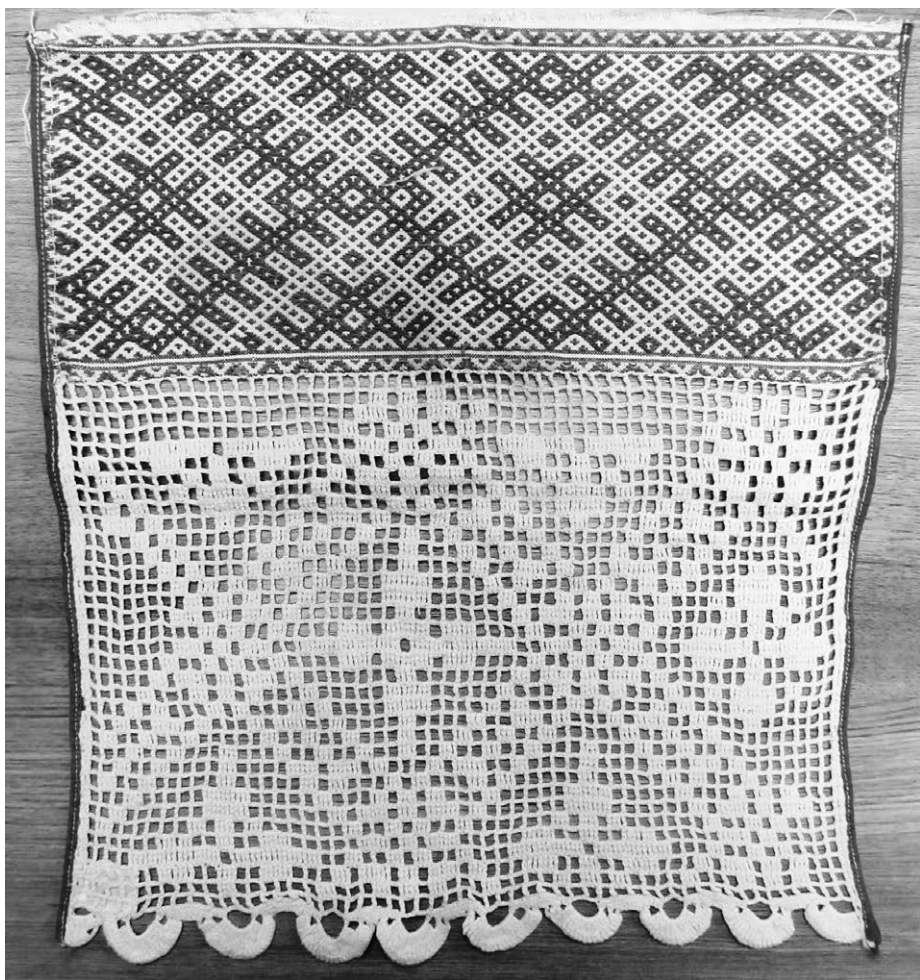

Рис. 47. Ромбический орнамент на проставке браного ткачества и кружеве.
Начало XX в. Усть-Коксинский район РА, с. Верхний Уймон. НМРА 408

Почти во всех композициях вышивки росписью, реже цветной перевитью, на полотенцах бухтарминских крестьянок присутствует фигура свастики, простой или усложненной, исполненной всеми видами старой техники, а иногда и поздними приемами орнаментации (вышивка крестом, вязание крючком). Е. Э. Бломквист отмечает, что бухтарминские крестьянки называли варианты такого узора в зависимости от числа «крюков» (загнутых концов) четырехкрюшным, восьмикрюшным, двенадцатикрюшным, шестнадцатикрюшным и двадцатичетырехкрюшным (рис. 48, цв. ил. 6, 11)¹¹². Чаще всего свастика комбинируется различными способами с «ре-

¹¹² Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 420.

Рис. 48. Мотив свастики в вышивке цветной перевитью. Катон-Карагайский район ВКО РК, с. Коробиха. Сборы Л. М. Русаковой. МИКНС СО РАН 1726

пьем», причем большей частью в крупный «репей» вписывается свастика того или иного вида.

Кроме этих основных элементов орнамента, все остальные линии, углы ромба или квадрата — «дужки» — являются, лишь за крайне редким исключением, пассивным обрамлением или заполнением между активными элементами и получаются в результате соединений и комбинаций этих элементов¹¹³.

С точки зрения композиции перечисленные мотивы в тканье организованы в прямолинейные бордюры с горизонтальным ритмом и, как правило, подразделяются на широкие основные и узкие окаймляющие полосы. На изнаночной стороне изделия образуется негативное отображение узора. В узорном тканье никогда не применяют квадратной компози-

¹¹³ Там же, с. 423.

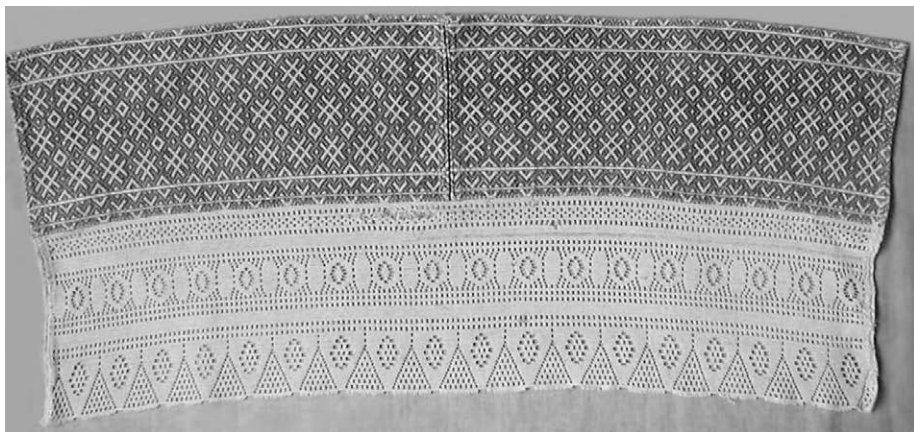

Рис. 49. Геометрический орнамент на проставке браного ткачества.
Конец XIX – начало XX в. Солонешенский район, с. Сибирячиха. ШМСС

ции, а всегда берут ряды отдельных элементов, большей частью ромбов самого разного вида, часто вписанных один в другой, со свастиками и без них, идущих в ряд. На полотенцах бухтарминских старообрядцев в широких «узорах» раппорт орнамента повторяется не менее двух раз, чаще — три раза; длина узора по крайней мере вдвое больше его ширины¹¹⁴. На проставках красно-белого браного ткачества кержаков Солонешенского (с. Сибирячиха, с. Топольное), Быстроистокского (с. Верх-Озерное) и Усть-Калманского (с. Верх-Слюдянка) районов орнамент широкой полосы образован путем чередования в шахматном порядке в несколько рядов более мелких по размеру ромбов различного вида в сочетании с мотивами крест, меандр, реже свастика (рис. 49). На браных проставках полотенцев уймонских старообрядцев одинаково часто использованы оба варианта.

В вышивке полотенцев бухтарминских крестьян преобладает одна центральная фигура с группирующимися вокруг нее дополнениями и подкаемками, занимающая собой квадрат со стороной, равной ширине холста (рис. 48). Эта сложная композиция геометрических элементов, главным образом свастики и репья, в виде крупного квадрата была широко распространена в шитье росписью («по выметке») на основной части холщового полотенца и в различной технике («пялы», «передбердники», вязание крючком) на наконечниках полотенца¹¹⁵.

При вышивке основной части полотенца бухтарминские крестьянки пользовались и другим приемом: поле разбивали на четыре квадрата или четыре треугольника, каждый из них расшивали отдельно, причем тре-

¹¹⁴ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 424.

¹¹⁵ Там же, с. 423–424.

угольники вышивали всегда одинаково, а квадраты обычно разбивали на два яруса и в каждом ярусе вышивали различно. Обычно квадраты верхнего яруса вышиты более легким и прозрачным узором, чем нижние. На более поздних полотенцах можно видеть уже известную редукцию общей структуры вышивки — от нее остается лишь нижний ярус из двух квадратов¹¹⁶. В нижней части полотенца — наконечнике — всегда вышита одна неразделенная квадратная композиция (цв. ил. 6). Реже встречается узкая вышивка росписью в виде рядов одинаковых несложных фигур¹¹⁷.

В вышивке на полотенцах «поляков» представлены в равной степени мотивы ромба и свастики в сочетании с другими элементами геометрического орнамента. В композиционном построении преобладают прямолинейные бордюры, состоящие из одного или двух мотивов, повторяющихся в виде раппорта от одного до восьми раз. Также на полотенцах «поляков» встречаются геометрические мотивы, организованные по принципу сетки (рис. 50).

По мнению исследователей, истоки геометрического орнамента архаического типа в тканьях и вышивке кержаков, бухтарминских и уймонских старообрядцев следует искать в северорусском искусстве орнаментации тканей. Так, узоры двухцветного красно-белого ткачества на полотенцах русских старожилов Алтая во многом сходны с орнаментом браных тканей Вологодской¹¹⁸ и Архангельской губерний¹¹⁹.

Мотив креста-свастики был довольно распространен в северном шитье. Особенно он характерен для вышивок Мезенского, Пинежского, Шенкурского уездов Архангельской губернии, Великоустюгского уезда Вологодской губернии, Каргопольского уезда Олонецкой губернии, где им украшали концы свадебных полотенец, оплечья рубах, ширинок, то есть обрядовые предметы (в основном свадебного ритуала)¹²⁰. Мотив ромба в вышивке набором, двусторонним швом (роспись), гладью встречается в некоторых районах Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний¹²¹.

Распространение геометрического орнамента архаического типа в вышивке полотенец «поляков» также связано с традициями, принесенными на Алтай из Европейской России. Именно в вышитых набором проставках на полотенцах «поляков» видим характерное для средней и южной России

¹¹⁶ Там же, с. 423.

¹¹⁷ Там же, с. 424.

¹¹⁸ Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961. С. 57.

¹¹⁹ Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 112–113.

¹²⁰ Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX–XX вв.) // СЭ. № 1. 1982. С. 104–105.

¹²¹ Там же, с. 103.

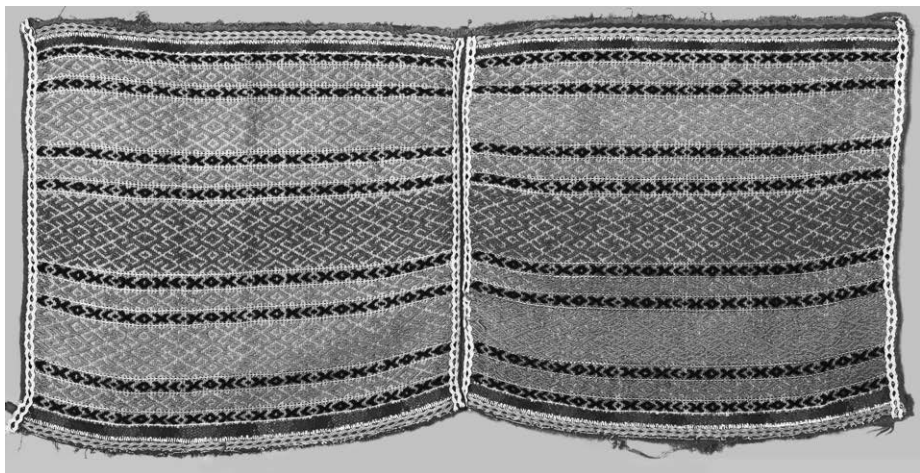

Рис 50. Геометрический орнамент в вышивке набором. Начало XX в.
«Поляки». Третьяковский район, с. Староалейское. АГКМ 16186/3

воспроизведение в вышивке тканых узоров и определенное подражание геометрическому орнаменту узорного ткачества¹²².

Другой вид геометрического орнамента, представленный на полотенцах русского сельского населения Алтая, построен на сочетании мотивов розетки, шашечных ромбов и треугольников. Центральным элементом большинства композиций такого рода выступает восьмилепестковая розетка, напоминающая цветок с четырьмя раздвоенными лепестками (рис. 51). Чаще всего мотив розетки, включая сопровождающие его элементы, с помощью простого переноса от двух до шести раз образует прямолинейный бордюр. Значительно реже использованы более сложные симметрические преобразования, например плоскость скользящего отражения¹²³.

Орнамент рассматриваемого вида представлен преимущественно в вышивке крестом (простым и двойным), реже — счетной двусторонней гладью красными и черными хлопчатобумажными нитками на основном полотне белых домотканых полотенец, изготовленных в начале XX в. На двух предметах восьмилепестковая розетка выполнена в технике браного (кустарного) ткачества. Зоной распространения орнамента являются предгорные и горные районы Алтайского края (Петропавловский, Чарышский, Красногорский, Алтайский, Третьяковский, Шемонаихинский), а также районы Бийского Приобья (Зональный, Бийский, Быстроистокский). Несколько полотенец, имеющих в музейных собраниях, были изготовлены

¹²² Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX–XX вв.) // СЭ. № 1. 1982. С. 104–105.

¹²³ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 527.

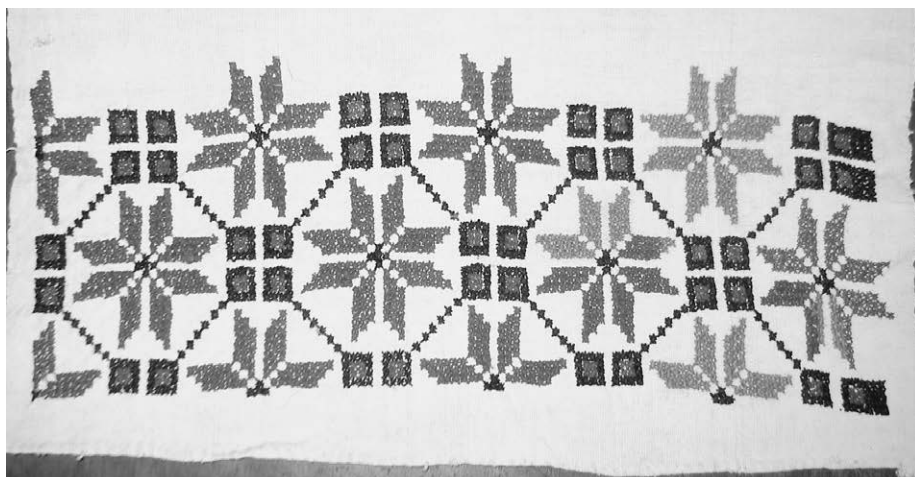

Рис. 51. Мотив розетки в вышивке крестом. 1916 г. Тогульский район, с. Малинова Грива. АГКМ 14347

в Тогульском, Заринском, Мамонтовском, Шелаболихинском районах Алтайского края.

Образование подобных мотивов в русском народном искусстве, по мнению исследователей, связано с уподоблением геометрических фигур традиционного браного ткачества реальным образам, видоизменявшимся под воздействием определенных приемов шитья¹²⁴. Так, по мере нарастания узорной витиеватости форма восьмилепестковой розетки из абстрактно-геометрической преобразуется в стилизованно-цветочную. Некоторые образцы мотивов значительно отходят от прототипа, сохраняя лишь принцип ромбической компоновки бордюра, его шашечную стилистику и розетчатое строение ведущего элемента¹²⁵.

Целый ряд мотивов геометрического орнамента вышивки полотенец русского сельского населения Алтая в технике крест и счетная гладь плохо поддаются систематизации. Это явление характерно в целом для русского декоративно-прикладного искусства конца XIX – начала XX в. и связано с тем, что этнографические коллекции музеев зафиксировали русскую геометрическую орнаментику уже на стадии ее разложения и исчезновения. В период постепенного исчезновения традиционного домашнего производства и проникновения в деревню фабричных товаров и городской моды вышивальщицы стали произвольно дробить и перекомпоновывать старый узор, создавая бесконечное разнообразие новых простейших элементов. Именно этот ставший чисто формальным и лишенный былой четкой смы-

¹²⁴ Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX – XX вв.) // СЭ. № 1. 1982. С. 102.

¹²⁵ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 526–528.

словой связи узор не поддается систематизации¹²⁶. Такого рода орнамент часто встречается на полотенцах в разных районах региона.

Орнитоморфный орнамент на полотенцах русского сельского населения Алтая представлен несколькими видами композиций, включающих профильные изображения птиц с различной трактовкой их образа. Хорошо узнаваемы реалистично представленные фигуры петухов, гусей, пав. Но чаще в переданном обобщенно образе птицы сложно определить ее вид.

Самой распространенной является трехчастная композиция, представляющая собой пару противостоящих птиц у дерева, куста или цветка. Нередко в композицию включены дополнительные элементы: изображения деревьев, розеток, фигур с антропоморфными чертами по сторонам, растительных бордюров снизу (рис. 38, 52). На всей территории Алтайского края преобладает однократное изображение рассматриваемой трехчастной композиции на каждом конце полотенца (Быстроистокский, Солонешенский, Чарышский, Зональный, Заринский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Бийский, Третьяковский районы). В вышивке на полотенцах русского населения Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан также широко распространено повторение композиции в виде раппорта полтора-два раза на каждом конце¹²⁷.

Значительно меньше на полотенцах русского сельского населения Алтая представлены композиции, включающие мотив дерева с сидящими на нем птицами (Заринский, Усть-Калманский, Красногорский, Третьяковский района АК; Мошковский район НСО; Шемонаихинский район ВКО РК) и состоящие из изображений птиц, ритмично следующих одна за другой (ИКМ АлтГПА 502, Залесовский район), повернутых друг к другу и смыкающихся клювами или хвостами (АГКМ 16525/5, Красногорский район; МРКМ 7772) (цв. ил. 13, рис. 46, 52).

Еще один вид изображений птиц на полотенцах русского населения Алтая выделяет Е. Ф. Фурсова. По ее мнению, плоскостные изображения, представляющие собой как бы вид сверху на парящих птиц с расправленными крыльями, вышитые в технике белой перевити с плотным заполнением стежками туловища птицы на фоне разреженной ткани, являются наиболее архаичным типом орнитоморфного орнамента для старожилов Приобья (Чарышский район)¹²⁸. В изученных музейных коллекциях вышивок с аналогичными изображениями выявлено не было.

¹²⁶ Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Советская археология. М., 1966. № 1. С. 62.

¹²⁷ Елизарова Л. И. К вопросу об орнитоморфных мотивах в русской крестьянской вышивке (обзор коллекции полотенца Восточно-Казахстанского областного этнографического музея) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 269.

¹²⁸ Фурсова Е. Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 130–131.

Рис. 52. Полотенце. Усть-Калманский район,
с. Усть-Калманка. ИКМ АлтГПА 237

Преобладающая часть орнитоморфных композиций на полотенцах вышита в технике крест красной и черной «бумагой» в первой половине XX в. и датируется 1920–1930, 1950–1980-ми гг. Одно полотенце вышито счетной гладью (Заринский район), два – белой строчкой (Быстроистокский район АК, Сузунский район НСО). Трехчастная композиция с петухами встречается и в набивных рисунках на льняных и хлопчатобумажных вафельных полотенцах.

Самая большая группа полотенец вышита растительными мотивами, различными по времени происхождения и композиционному построению. Хронологически они появляются позднее, с течением времени начинают превалировать над прочими, а затем и вытеснять их. На полотенцах русского сельского населения Алтая растительный орнамент представлен преимущественно бордюрными композициями, построенными на основе скользящего отражения. Основное правило компоновки узоров предполагает наличие зигзагообразной структуры, оформленной как извилистый растительный побег. Ведущим элементом, размещенным в его изги-

Рис. 53. Полотенце. Начало XX в. Чарышский район, с. Аба. ЧРKM 1295

бах, служит цветочная форма. Чаще всего она предстает в виде розана. Вторым по широте распространения является изображение лилии. Реже встречаются полевые цветы: васильки, лютики, ромашки (рис. 53). Встречаются и скупые по конфигурации абстрактные формы цветка, например в виде трилистника. Изредка всю пышность орнаментальной формы вбирает в себя растительный зигзагообразный побег. Несмотря на прямоугольность узорной линии, обеспечиваемую техникой вышивки (крест, счетная гладь), конфигурация мотивов обнаруживает тяготение к криволинейности очертаний. Это становится очевидным при отдаленном визуальном восприятии орнамента¹²⁹. Данный орнаментальный комплекс — хронологически более поздний — составляют предметы рукоделий российских переселенцев и старожилов, испытавших их влияние. Образцами для вышивки нередко служили узоры, переносимые с городских печатных изданий¹³⁰. Наличие единого источника орнамента подтверждает существование в достаточно удаленных друг от друга районах не только Алтайского края, но и Сибири идентичных орнаментальных композиций на полотенцах (например, МРKM 7443, ЗРKM 226-12; МАЭ ОмГУ 39-21, ИКМ АлтГПА 133).

¹²⁹ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. Томск, 1995. С. 529.

¹³⁰ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 146.

Значительное число растительных мотивов образуют композиции с помощью параллельного переноса. Широко распространены вышитые в технике крест, счетная гладь мотивы розанов, тюльпанов, маков, виноградных листьев и гроздьев, повторяющиеся три-пять раз на одном конце полотенца.

К числу растительных мотивов исследователи относят широко распространенные в северорусской вышивке изображения «мирового дерева», или «дерева жизни», и вазона, нередко сливающиеся в один узор¹³¹. Изображение одного дерева (вазона) встречается на полотенцах из Третьяковского, Чарышского, Красногорского, Бийского, Быстроистокского, Усть-Калманского, Тогульского, Заринского, Залесовского, Мамонтовского районов АК, Шемонаихинского района ВКО РК (цв. ил. 13). В виде раппорта, дважды или трижды повторяющегося на одном конце полотенца, вазоны вышивали в Шемонаихинском, Косихинском, Зональном, Быстроистокском, Алтайском, Тальменском, Залесовском, Заринском, Усть-Пристанском, Усть-Калманском, Красногорском районах. Вазон – один из немногих традиционных мотивов, сохранившихся в вышивке полотенцев второй половины XX в. (рис. 54, цв. ил. 12). Его изображение вышивали болгарским крестом на полотенцах из вафельной ткани с использованием цветных ниток (цв. ил. 13).

Особое место в орнаментации полотенцев русских старожилов Алтая занимали «криволинейные мотивы»¹³², вышитые тамбурным швом. В орнаменту монохромных и красно-черных тамбурных вышивок входят растительные узоры. Однако во многих случаях рисунок настолько запутан, что возникают трудности с его классификацией. Это отчасти объясняется тем, что тамбуром вышивали узоры, копируя их с замерзшего окна¹³³ или переводя узоры ложкой, смазанной предварительно маслом, или алюминиевой ложкой с полотенцев матерей и бабушек¹³⁴ (рис. 40).

Для полихромной тамбурной вышивки «поляков» и бухтарминских старообрядцев характерны мотивы, заимствованные, по мнению Г. А. Щербик, из декоративно-прикладного искусства казахов, составлявших значительную долю населения бывшего Змеиногорского округа¹³⁵. Исследовательница приводит 26 вариантов вышивки тамбуром на поло-

¹³¹ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 95, 104.

¹³² Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. С. 86.

¹³³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г. Кытмановский район, с. Сосновый Лог. Черных Е. И. 1905 г. р.

¹³⁴ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 131–132.

¹³⁵ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 174.

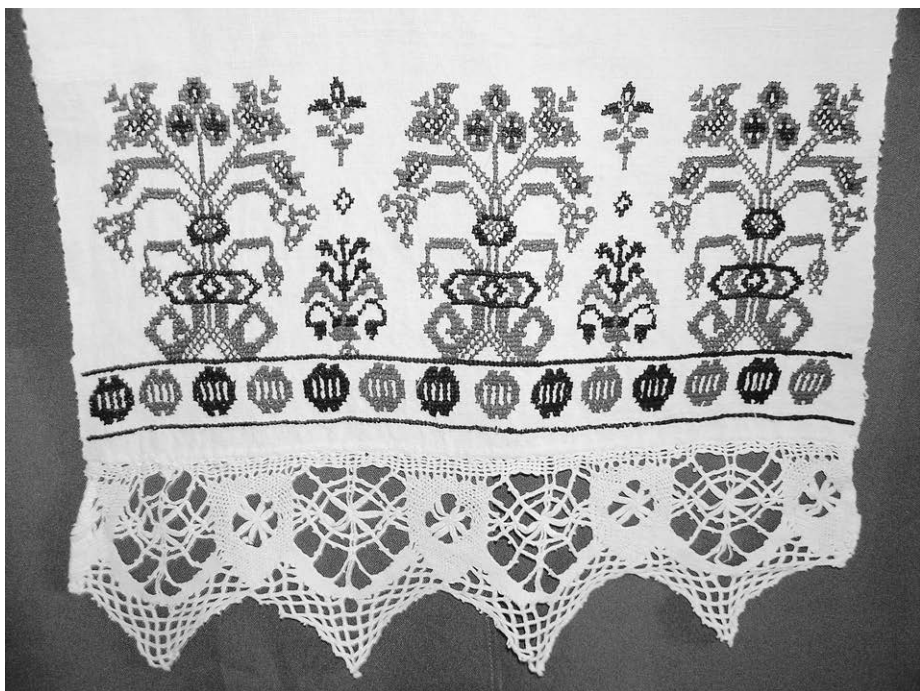

Рис 54. Полотенце. переселенцы из Рязанской губ. 1890-е гг. Тальменский район, р. п. Тальменка. ИКМ АлтГПА 23

тенцах русских крестьянок и соотносит их виды с влиянием культуры казахов различной родоплеменной принадлежности. По ее мнению, на проставках полотенец из Катон-Карагайского района (ВКО РК) преобладает орнамент в виде кругов, восьмилепестковых розеток, разделенных стилизованными листьями. На полотенцах поляков Глубоковского района самым распространенным мотивом является казахский узор «бараний рог» («кошкар муйыз»), представленный большим разнообразием вариантов, достигаемых за счет увеличения числа пар завитков и квадратов, их объединяющих¹³⁶. Как свидетельствуют материалы музейных собраний, казахские мотивы в вышивке полотенец использовали крестьянки сел Выдриха, Шемонаиха (Шемонаихинский район ВКО РК), Малоубинка, Бобровка, Секисовка, Быструха (Глубоковский район ВКО РК), Шипуниха (Третьяковский район АК), Туманово (Солонешенский район АК), Коргон (Усть-Коксинский район РА).

Особым видом орнамента на полотенцах первой трети XX в. являются буквенные знаки и текстовые надписи. В общем объеме орнаментирован-

¹³⁶ Щербик Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983..С. 173–175.

ных предметов число полотенцев с надписями незначительно, и это объясняется тем, что текстовый орнамент преимущественно выступает лишь дополнением к основному (растительному, геометрическому, сюжетному) и вышит в одной с ним технике (крестом, тамбуром).

Чаще всего на полотенцах русского населения Алтая вышиты монограммы – буквы, обозначающие инициалы. Вышивали одну, три, чаще две буквы, располагая их на основном полотне или проставке над вышитой орнаментальной композицией или под ней. В отдельных случаях монограммы являлись единственным украшением основного полотна, орнаментированного наконечником и проставками. Вышитые монограммы имеются на полотенцах из сел Быстроистокского, Павловского, Шелаболихинского, Залесовского, Зонального, Мамонтовского районов Алтайского края, Куйбышевского района Новосибирской области, Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области (РК). Значительно реже мастерицы вышивали на полотенцах собственные имена или тексты. В ходе исследования выявлено три полотенца с вышитыми женскими именами: «ФЕОСА» (ШМСВО, Быстроистокский район), «АПРАСИНЯ» (НГКМ 14986/3, Залесовский район), «ГОСЯ» (ИЭЭ 2003 г., Бийский район).

Распространение монограмм в крестьянской вышивке, видимо, было связано с необходимостью в дополнительной маркировке полотенцев. Поскольку полотенца составляли личное имущество женщины, в большой семье каждая невестка должна была отмечать свои полотенца, тем более что в рамках одной традиции орнаментальные мотивы часто повторялись. Определенное влияние оказывали и городские традиции. В дворянской, купеческой, мещанской среде личные вещи было принято обозначать монограммами и вензелями. Так, почти на всех полотенцах горожанок имеется монограмма (ОГКМ 9000-33, 36, 37, 39, 40, 42, 47).

Текстовый орнамент на полотенцах русского населения Алтая представляет собой вышитые фрагменты текстов молитв или пословиц, поговорок, например: «ПРЕСВИТАЯ БОГОРОДИЦА МАЛИ НАС» (с. Томилово Мошковского района НСО, НГКМ 20792/67), «РАБОТА И МУЧИТЬ И КО[РМИТ]» (рис. 55), «МЫЛО СЕРО ДА МОЕТ БЕЛО» (Волчихинский район, ВРКМ 985). Аналогичное происхождение имеет текстовый орнамент на полотенцах крестьянок других регионов России¹³⁷.

Единичны полотенца с вышитыми буквами, выстроенными в ряд в произвольном порядке (Целинный район, ИКМ АлтГПА 979), или цифрами от 1 до 10 (Волчихинский район, ВРКМ 325). В этом случае текст не несет информативной нагрузки и играет исключительно декоративную роль. Сравнительно редкое использование надписей в вышивке полотенцев А. В. Черных связывает со сложностью технического исполнения и необ-

¹³⁷ Черных А. В. «Из-под кустичку цветков выткан поесок...». Тексты на Прикамском крестьянском текстиле // Родина. 2003. № 2. С. 114.

Рис. 55. Полотенце. Волчихинский район. ВРКМ 325

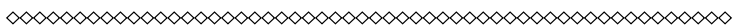
ходимостью владения определенным уровнем грамотности. Не случайно большинство поясов с текстами характерно для старообрядческой культуры, где, как известно, уровень грамотности был выше, чем у прочего населения¹³⁸.

¹³⁸ Черных А. В. «Из-под кустичку цветок выткан поесок...». Тексты на Прикамском крестьянском текстиле // Родина. 2003. № 2. С. 114.

Таким образом, орнамент вышивки и тканья на полотенцах русского сельского населения Алтая конца XIX — начала XXI в. представлен большим разнообразием мотивов и композиций. Наряду с общерусскими чертами в орнаментике полотенец русских старожилов-старообрядцев Алтая отмечается ряд специфических черт, прежде всего обусловленных значительной степенью сохранности архаических мотивов и композиций, а также влиянием тюркского населения. Орнамент на полотенцах переселенцев представлен более поздними по происхождению вариантами с преобладанием мотивов растительного характера. С 1930-х гг. с изделий русских крестьянок Алтая постепенно исчезают старинные приемы и вместе с ними — традиционный орнамент. На предметах второй половины XX в. преобладают реалистичные растительные мотивы, иногда в сочетании с орнитоморфными. Спорадически встречаются традиционные изображения вазонов и птиц.

Глава 3   **Классификация и типология полотенец русского сельского населения Алтая**

3.1. Классификации и типологии полотенец в отечественной этнографической литературе

Комплексное изучение полотенец русского сельского населения Алтая конца XIX – начала XXI в. выявило большое разнообразие способов их использования и присущих им морфологических особенностей (материала, размера, форм, способов и видов орнаментации, цвета). Выявление характерных черт полотенец русского сельского населения Алтая, определение соотношения этнографических, территориальных и хронологических особенностей в их изготовлении, орнаментации и использовании представляется возможным путем систематизации всего массива вещественных источников с применением методов классификации и типологизации.

Для обоснования собственного подхода к систематизации полотенец русского сельского населения Алтая необходимо рассмотреть степень проработки этого вопроса российскими исследователями.

Попытки классифицировать полотенца различных народов и регионов впервые были предприняты этнографами в 2005–2006 гг. Среди них следует назвать классификацию Н. Н. Авдошкиной, разработанную в рамках диссертационного исследования и используемую для доказательства значимости полотенца в традиционной культуре мордвы и русских Поволжья¹. Представленная в качестве схемы, она отражает деление автором полотенец на виды в зависимости от способа их применения: в гигиене человека (или в домашнем обиходе), в убранстве жилища, в одежде, в обрядах, в этномедицине. Указанные виды полотенец соотнесены с различными вариантами их наименования и функциями, выполняемыми в рамках традиционной культуры: утилитарной, эстетической, оберега, гигиенической, приобщения и присоединения, лечебной, религиозно-магической (рис. 56). Данная классификация может служить основой для систематизации полотенец по назначению. Однако она не раскрывает всего многообразия способов использования полотенец в культуре русских, вариативности наи-

---

¹ Авдошкина Н. Н. Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих на территории республики Мордовия: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005 // Библиотека диссертаций РГБ [электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.dlib.rsl.ru> (25.09.2010).

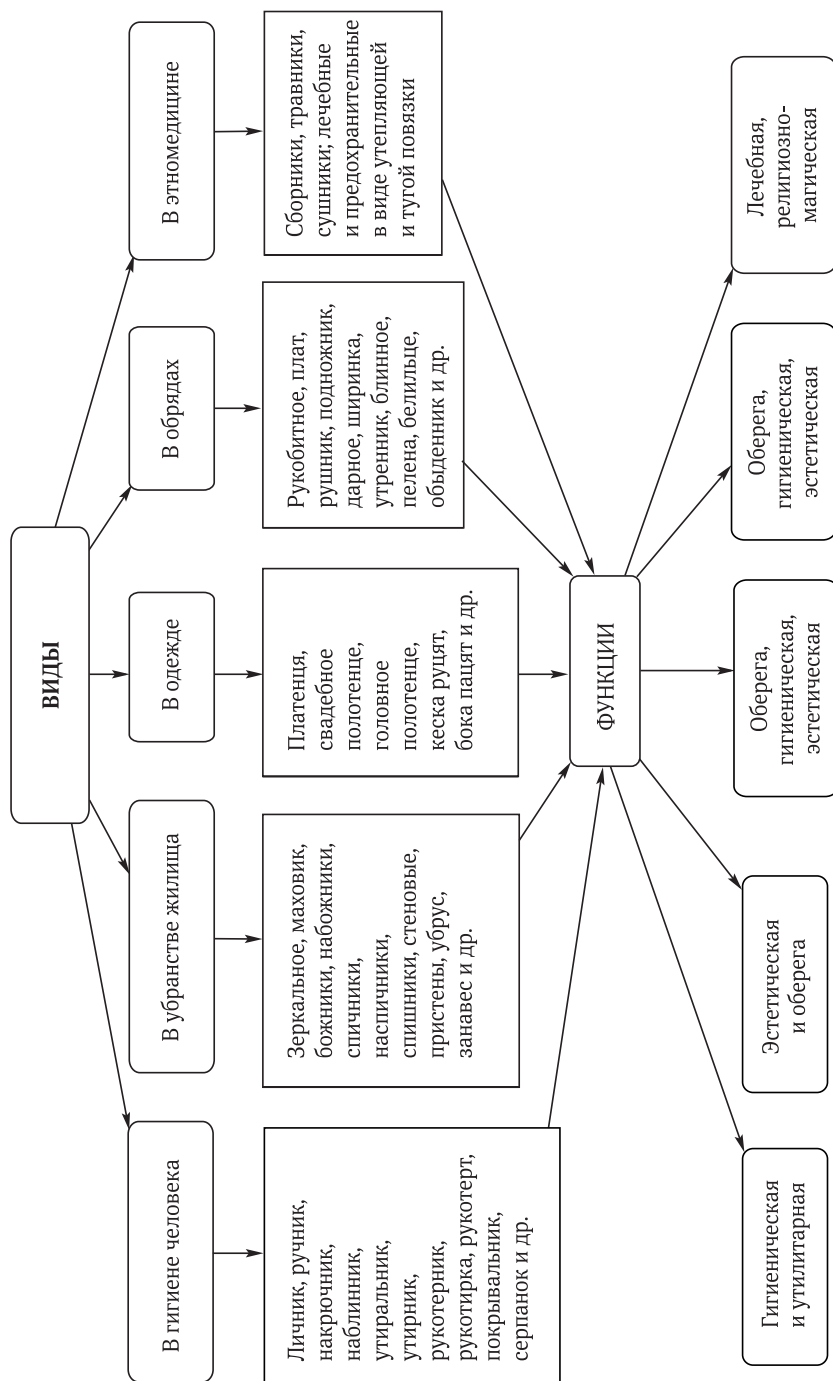

Рис. 56. Классификация полотенеч Н. Н. Авдошкиной

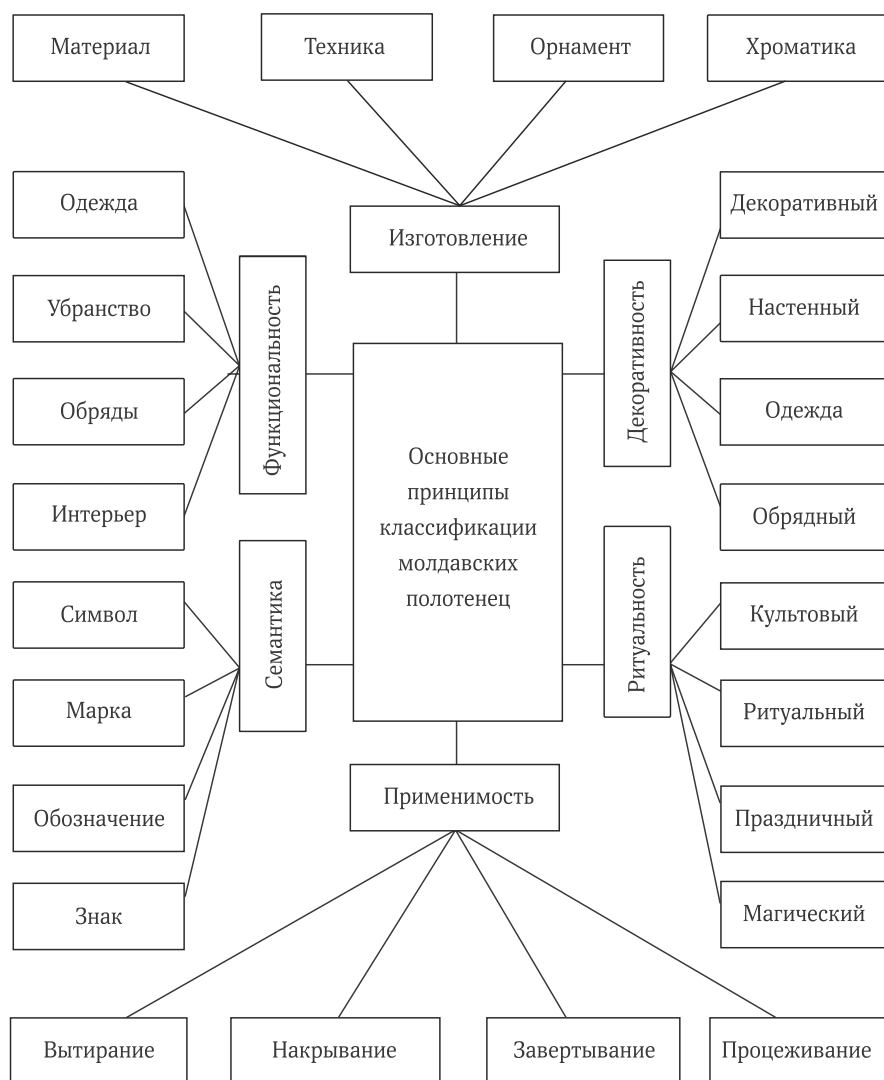

Рис. 57. Основные принципы классификации полотенец, предложенные З. Д. Шофранской

менований и функционирования в различных случаях. Отсутствие пояснительного текста к представленной схеме делает затруднительным ее применение для систематизации полотенец.

Более широкий набор классифицирующих признаков полотенец представлен в виде схемы в статье З. Д. Шофранской² (рис. 57). Выделенные автором на материале молдавских полотенец принципы классификации:

² Шофранская З. Д. Классификация молдавских полотенец // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006. С. 40–44.

изготовление, применимость, функциональность, семантика, декоративность, ритуальность — могут быть применимы для систематизации полотенец русского населения. Однако в тексте работы обоснована целесообразность выбора только двух критериев (функциональность, орнаментация) и приведены примеры отдельных классов полотенец. Это дает основание считать данную классификацию незавершенной и требующей дальнейшей проработки.

Вопросы типологизации полотенец русского населения Алтая затрагивались в работах исследователей с 1930-х гг. в связи с изучением особенностей их орнаментации. Основой выделения типов полотенец этнографами Е. Э. Бломквист, Л. М. Русаковой, Е. Ф. Фурсовой стало сочетание нескольких признаков: материала, размера, структуры и приемов орнаментации с учетом времени бытования и этнографической принадлежности автора предмета.

Посетившая в 1927 г. селения старообрядцев в долине р. Бухтармы Е. Э. Бломквист отметила бытование у бухтарминских крестьян нескольких типов полотенец: «рукотёртов старинного типа», «более поздних холщовых полотенец», «поздних нарядных полотенец» и «стеновых платков»³. Наиболее существенные их отличительные черты представлены нами в виде таблицы (табл. I).

Несмотря на отсутствие четкой структуры, характеристика различных типов полотенец бухтарминских крестьян, данная Е. Э. Бломквист, является отправной точкой в вопросе типологии полотенец русского населения Алтая и представляет ценный научный материал для изучения полотенец бухтарминских крестьян. Она позволяет выделять их из числа музейных предметов, проводить сравнительное изучение традиций их орнаментации. Однако в силу своей территориальной и этнографической ограниченности данная типология не может быть применена для систематизации полотенец русского сельского населения Алтая в целом.

Выявление особенностей орнаментации полотенец различных групп старожилов Алтая было продолжено Л. М. Русаковой в 1970–1980-е гг. На основе собственных полевых материалов ею дана характеристика следующим типам полотенец: «белым стеновым полотенцам бухтарминских крестьянок», «кумачовым стеновым платкам бухтарминских крестьян», «рукотёртам кержачек» (бухтарминских крестьян), «традиционным полотенцам крестьянок из „поляцких“ сел южного Алтая», «полотенцам из старожилов деревень северного Алтая», «полотенцам старообрядцев бывшей Уймонской волости»⁴. В ряду существенных признаков указанных ти-

³ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 399–403.

⁴ Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок // Традиции и инновации в быту и культуре населения Сибири. Новосибирск, 1983. С. 118–124; Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестья-

Таблица I

**Типы полотенцев бухтарминских крестьянок,
охарактеризованные Е. Э. Бломквист**

Название типа	Материал основного полотна	Особенности орнаментации	Дополнительные признаки
Рукотерты старинного типа	Белый льняной холст	1) вышивка красной «бумагой» на основном полотне 2) три полосы узорного тканья красной «бумагой» или полоса красного кумача, вышитая белой или синей «бумагой» или полоса шитья по выдерганному холсту 3) шитье по выдерганному холсту красной или синей «бумагой» или особое браное тканье.	1) длина орнаментированной части — до 125 см 2) боковые стороны обшиты полоской красного кумача 3) детали соединены различными способами: сшиты через край, связаны ажурной «связью», с помощью «расшивочки», связанной крючком или на коклюшках
Поздние холщовые полотенца	Белый льняной холст	1) вышивка на основном полотне 2) одна-две вставные вышитые полосы, наконечник	Детали соединены «расшивочками», связанными крючком из белых ниток
Поздние нарядные полотенца	Красный кумач или сатин	1) вышивка «советским узором» 2) от одной до пяти полос узорного тканья яркими шелком и гарусом 3) вязанные крючком кружева («галунец») или бахрома из цветной «бумаги»	Детали соединены «расшивочками», связанными из цветных ниток
Стеновые платки	Красный сатин или кумач	Сшиты внизу кромками вышитых концов или имеют общую неразрезанную вышивку, бахрому, кружево и т. п. Иногда общий конец пристегивается к полотенцу с помощью пуговиц	

Сост. по материалам: Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. — Л.: 1930. — С. 399–403.

пов наряду с материалом, техническими приемами и структурой орнаментации автор учитывает орнамент вышивки, тканья, кружева.

Сведение в таблицу описаний различных типов полотенцев, данных Л. М. Русаковой, демонстрирует неравноценность их характеристики (табл. II). Наиболее подробно раскрыта специфика полотенцев бухтарминских крестьянок и «поляков» Алтая. В отношении полотенцев старожилов северного Алтая и Уймонской долины сделаны самые общие замечания. Вместе с тем сам факт выделения этих групп являлся важным шагом в изучении особенностей орнаментации полотенцев русского населения Алтая.

Таблица II

Типы полотенца, охарактеризованные Л. М. Русаковой

Название типа	Структура орнаментированной части	Техника орнаментации	Материал	Орнамент
Белые стеновые полотенца бухтарминских крестьянок	Верхняя часть: вышивка	Двусторонний шов «ропись»	Красная (либо в сочетании с черной) «бумага» по белому холсту, красная и белая «бумага» по кумачу	Геометрический орнамент: кресты с крючками на концах, ромбы с множеством «гребенок» и ромбы с крючками на двух или четырех вершинах
	Средняя: три основных и несколько подчиненных полос тканья	Браное и закладное тканье	Красная, красная с черной или синей «бумага», разноцветная шерсть	
	Нижняя: наконечник (тканье или вышивка)	Двусторонняя цветная перевить, ажурное тканье перед бердом	Красные в сочетании с черными или синими х/б нитки, белые х/б нитки	
Кумачовые стеновые платки бухтарминских крестьян	Аналогично типу № 1		Шерстяные нитки различных ярких цветов	Аналогично типу № 1
Рукотёрты кержачек	Верхняя часть: вышивка на основном полотне	Крест	Красная «бумага» по белому холсту	Рисунки с печатных образцов: трехчастные композиции, цветы, выющийся стебель
	Средняя часть: одна (реже две) широкая и две узких полосы тканья	Браное тканье	Красная «бумага», беленый лен	Геометрический орнамент: ромбы с крючками, геометризованные женские фигурки
	Наконечник: вышивка или тканье или вязание или фабричное кружево	Цветная перевить, ажурный перебор по полотну, крючок	—	Традиционные геометрические мотивы, сюжетные композиции
Традиционные полотенца крестьянок из «поляцких» сел южного Алтая (льняные)	Верхняя часть: вышивка	Набор, роспись, крестик по счету	Красная, черная, реже синяя «бумага» по белому холсту или кумачовым проствам	Геометрический орнамент: ромб, ромб с крючками или «гребешками»
	Средняя часть: вышивка	Набор		
	Нижняя часть: вышивка	Цветная перевить		

Название типа	Структура орнаментированной части	Техника орнаментации	Материал	Орнамент
Полотенца из старожильческих деревень северного Алтая	Верхняя часть: вышивка	Крест по канве, набор	—	Растительный орнамент
	и /или тканье		—	Геометрический орнамент
	Нижняя часть: «подвесы» или бахромы	Вязание крючком, шитье на пялах	«Бумага», гарус	—
Полотенца старообрядцев бывшей Уймонской волости	Вышивка, кружево		—	Сюжетные композиции с птицами (голуби, петухи, павы) и животными (кони, барсы, крылатые львы) у дерева

Сост. по материалам: Русакова Л. М. Орнамента полотенцев сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири / отв. ред. Л. М. Русакова. — Новосибирск, 1983. — С. 118–124; Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенцев сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX вв. — Новосибирск, 1985. — С. 122–124; Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 75–93.

Типологию полотенцев русского населения северных районов Алтая и Новосибирской области предложила Е. Ф. Фурсова. Полотенца, собранные в ходе собственных полевых исследований, она делит в зависимости от традиций орнаментации (технических приемов, орнамента вышивки и ткачества, цветового решения) на четыре группы, характеризующиеся различной этнографической принадлежностью и временем бытования⁵. К первой группе отнесены старожильческие (кержацкие) с браными или вышитыми набором «концами»; вторую составили полотенца старожилов-чалдонов, орнаментированные тамбурной вышивкой. Традиции вышивки двух последующих групп: полотенца, вышитые крестом по счету нитей или по канве, и полотенца, вышитые счетной гладью, по мнению автора, являются поздними, развившимися под влиянием российских «новоселок» в последней четверти XIX — начале XX в.⁶ Позднее, рассматривая особенности орнаментации традиционно-бытовых предметов русских старообрядцев федосеевского согласия, Е. Ф. Фурсова выделяет еще одну, пятую, группу: полотенца с вышивками в технике «белой перевити» с зооморфными и орнитоморфными композициями, изображениями «мирового дерева» и храмов⁷.

⁵ Фурсова Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 127–147.

⁶ Там же, с. 136–137.

⁷ Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И., Фурсова М. В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы.

Располагая данными об этнографической принадлежности авторов изучаемых полотенца, Е. Ф. Фурсова разработала типологию, имеющую важное значение для понимания традиций украшения полотенца русского населения Алтайского края и Новосибирской области. Представленные в статье материалы не только дополняли имевшиеся к тому времени представления о разнообразии вариантов украшения полотенца старожилов, но и впервые касались особенностей орнаментации полотенца чалдонов и переселенцев. Однако, как и предыдущие авторы, Е. Ф. Фурсова располагала материалом, представляющим только часть территории Алтайского округа.

Таким образом, анализ существующих в настоящее время классификаций и типологий полотенца свидетельствует об их несоответствии классификационным построениям иных компонентов культуры (поселений, жилища, одежды и пр.), что затрудняет обнаружение целостности самого предмета исследования, выявление общих и специфических черт, присущих полотенцам различных этнографических групп русских, родственных и соседних народов. Это обстоятельство и опыт работы с вещественными источниками позволяют предложить собственный вариант систематизации полотенца русского сельского населения Алтая конца XIX – начала XXI в.

3.2. Классификация полотенца русского сельского населения Алтая

Полотенце как предмет материальной культуры обладает целым рядом морфологических свойств (материал, размер, форма, цвет, орнаментация) и функций (утилитарная, обрядовая, декоративная). Их разнообразие обуславливает необходимость разработки классификации, которая, во-первых, позволит выявить наиболее существенные признаки полотенца русского сельского населения Алтая, во-вторых, облегчит научное описание и атрибуцию полотенца, хранящихся в музейных собраниях.

В качестве критериев классификации полотенца нами выделены материал основного полотна, наличие орнаментации, форма и структура орнаментированной части, способы орнаментации, назначение полотенца (или способ использования). Каждый из критериев является основанием для построения одной классификационной схемы.

Выделение материала основного полотна в качестве критерия классификации обусловлено, с одной стороны, его разнообразием, с другой – устойчивым сочетанием его характерных черт: способа производства, тех-

---

Новосибирск, 2003. С. 75–76; Фурсова Е. Ф. Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 130–135.

ники изготовления, вида волокна, характера отделки. Иерархическая классификация полотенец по материалу основного полотна представлена в табл. III.

Таблица III

Классификация полотенец по материалу основного полотна

Способ производства ткани	Техника изготовления ткани	Вид волокна	Характер отделки и цвет нитей/ткани
Домашнее ткачество	Плотняное переплетение	Льняное, конопляное, хлопчатобумажное, смесовое (хлопчатобумажное + льняное)	Отбеленная
		Льняное	Отбеленная
	Узорное ткачество	Смесовое (хлопчатобумажное + льняное)	Отбеленные льняные, крашенные хлопчатобумажные
Фабричное производство	Плотняное переплетение	Хлопчатобумажное	Отбеленная, гладкокрашенная красная, гладкокрашенная фиолетовая, гладкокрашенная красная с набойкой по краю
		Льняное	Отбеленная, отбеленная с цветными полосками по краю, пестротканая
	Рельефное ткачество (вафельное переплетение)	Хлопчатобумажное	Отбеленная

Важнейшим отличительным признаком полотенец русского населения Алтая служит их орнаментация. Этот факт является основанием для классификации полотенец по наличию орнаментации, структуре орнаментированной части, по форме орнаментированной части.

По наличию орнаментации полотенца делятся на 1) неорнаментированные, края которых не обработаны или подогнуты и подшиты ручным или машинным швом и 2) орнаментированные. Оформление краев полотенца с помощью шва «мережка» и мелкой бахромы считаем простейшим способом орнаментации.

В зависимости от формы орнаментированные полотенца русского сельского населения Алтая делятся на: 1) полотенца с отдельными орнаментированными концами, 2) полотенца с соединенными орнаментированными концами. Среди последних, в зависимости от способа соединения концов, выделяются: 1) полотенца со сшитыми по кромке, предварительно орнаментированными концами, 2) полотенца с одним цельным широким орнаментированным концом, 3) полотенца, сочетающие в разных вариантах сшитые и цельные детали в структуре орнаментированной части.

В зависимости от структуры орнаментированной части можно выделить цельные (все элементы украшения выполнены на основном полотне) и составные (декор выстроен из отдельных деталей) полотенца. Составные

полотенца, в свою очередь, делятся на двухчастные, или двухъярусные, состоящие из двух частей (например, основного полотна и тканой проставки, основного полотна и кружевного наконечника), и многоярусные, включающие от трех и более частей (деталей) в структуру орнаментированного конца полотенца. Цельные полотенца могут быть украшены вышивкой, тканьем, набойкой на основном полотне, кистями или бахромой, представляющими собой распущенные нити основы.

На полотенцах русского сельского населения Алтая изучаемого периода представлены различные способы орнаментации полотенец, под которыми понимаются приемы, используемые с целью украшения полотенца (прямоугольного полотнища ткани). К ним относятся тканье, вышивка, вязание, кружевоплетение, декорирование полосками ткани, фабричным кружевом, лентами, кистями и др. При этом используемые техника, материал и цвет взаимосвязаны и могут быть классифицированы (приложение, табл. 5).

Специфика сочетания различных приемов на одном полотенце обусловлена множеством факторов: культурными традициями, социальным и имущественным положением автора, временем изготовления и назначением предмета. Ввиду этого варианты сочетания способов орнаментации полотенец отнесены к критериям типологизации без предварительной классификации.

Назначение предметов материальной культуры — один из наиболее часто используемых этнографами признаков классификации. Изучение особенностей изготовления, орнаментации и использования полотенец русского населения Алтая показало, что в рассматриваемый период не всегда возможно проследить четкую взаимосвязь функций полотенца с его морфологическими свойствами. Часто одни и те же предметы использовались с различной целью в обрядах, убранстве жилища и быту. Этот факт не позволяет положить в основу типологии полотенец их назначение. Однако многофункциональность полотенец в культуре русского сельского населения Алтая может быть представлена в виде иерархической классификации (приложение, табл. 4).

3.3. Типология и распространение основных типов полотенец русского сельского населения Алтая

Исходя из понимания типа как «комплекса признаков (свойств)»⁸, типология полотенец русского населения Алтая конца XIX — начала XXI в. разработана на основе четырех признаков: материала, наличия орнаментации, структуры орнаментированной части и сочетания способов орна-

⁸ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 191.

ментации. Особенности сочетания первых трех признаков определяют тип. Наличие разных вариантов сочетания способов орнаментации полотенец (4-й признак) внутри типа является основанием для выделения подтипа.

Наглядно типология представлена в виде таблицы (см. цв. вкладку), распространение выделенных типов отражено на картах 6–10 приложения.

Тип 1. Неорнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества

Полотенца данного типа изготовлены из полотна или холста, сотканного в технике простого полотняного или мелкоузорчатого ткачества из нитей, spun из разных видов волокна (лен, хлопок). Узкие стороны полотна подогнуты и подшиты ручным или машинным швом. Длина полотенец колеблется от 115 до 171 см.

Имеющиеся в музейных собраниях и выявленные в ходе экспедиций немногочисленные образцы неорнаментированных полотенец не позволяют определить широту их распространения в полной мере (Целинный, Петропавловский районы (АГКМ 15187/3, 13536/5), Быстроистокский (ШМСВА), Павловский районы⁹ АК; НСО (НГКМ 16267, 17460/2).

Временем изготовления полотенец данного типа являлся период 1890–1920-х гг. Музейная документация и состояние предметов свидетельствуют, что большая часть из них была в употреблении. Они могли предназначаться как для утилитарного использования, так и для дальнейшей орнаментации с помощью проставок. В пользу последнего свидетельствует способ обработки краев основного полотна с помощью ручного шва, что в основном встречается на орнаментированных составных полотенцах обрядового и декоративного назначения.

Картографирование полотенец типа 1 представляется нецелесообразным, во-первых, ввиду их малочисленности в изученных музейных собраниях, во-вторых, в силу отсутствия в них локальной и этнографической специфики.

Тип 2. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества, с цельной орнаментированной частью (карта 6)

Подтип 2а. Полотенца, украшенные бахромой (кистями) из нитей основы. Полотенца данного подтипа имеют простейшую орнаментацию в виде коротких (0,5–2 см) и мелких кисточек, образованных путем переплетения с помощью мережки «кисточка» нитей основы. Изготовлены они преимущественно из грубого, рыхлого льняного слабо отбеленного холста, сотканного простым полотняным переплетением из нитей домашнего пря-

⁹ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009. Павловский район, с. Рогозиха. Благочевская З. И. 1949 г. р.

дения. Полотенца данного подтипа изготовлены в 1917–1920-х гг. в селах Алтайского района Алтайского края (АГКМ ОФ 15856/1, 3, 4) и Тогучинского района Новосибирской области (НГКМ 19927/90, 108) и использовались исключительно в быту в качестве *утиральников* и *рукотертов*.

Подтип 26. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и бахромой (кистями) из нитей основы. Полотенца рассматриваемого типа всегда имеют отдельные орнаментированные концы. Нижний край полотенца оформлен большей частью простой бахромой длиной от 3 до 11 см или кистями с сетчатым верхом длиной 8–12 см. Сложные крупные кисти длиной 16,5–19 см дополняют только два полотенца такого типа и сочетаются с сюжетным орнаментом, включающим мотивы птиц и дерева жизни (вазона). Длина полотенца рассматриваемого типа не превышает 245–260 см.

Для них характерна вышивка в техниках счетная гладь и двойной крест по счету нитей красными и черными хлопчатобумажными нитками. Единичные экземпляры вышиты счетной двусторонней гладью по контуру рисунка в сочетании со стебельчатым швом, белой строчкой, крестом в три нитки, простым крестом. Наиболее распространены геометризованные растительные композиции в виде горизонтальных бордюров, двух рядом стоящих вазонов, сюжетные композиции, включающие изображения птиц и вазонов.

В изученных музейных собраниях насчитывается 31 полотенце типа 26. Среди районов их бытования, отмеченных на карте 6, выделяются районы севера и северо-востока округа, зона Бийского Приобья. Аналогичные предметы зафиксированы Е. Ф. Фурсовой у старообрядцев Васюганья¹⁰. В предгорных и горных районах данный тип представлен единичными образцами (Чарышский, Третьяковский районы АК, Усть-Коксинский район РК). Согласно учетной документации некоторых полотенец из музейных собраний, они были изготовлены «для приданого» (с. Плешково Зонального района (ШМСР), «для приданого дочери» (р. п. Сузун Сузунского района НСО (НГКМ 15398/34), использовались «для иконы» (с. Усятское Бийского района (ИКМ АлтГПА 917), с. Луговское Зонального района (ШМСЛ), на них «подавали хлеб-соль» молодым (с. Шубенка Зонального района (ИКМ АлтГПА 878). Сведения об этнографической принадлежности авторов полотенец данного типа в учетной документации музеев отсутствуют.

Подтип 2в. Полотенца, украшенные тканьем на основном полотне. Единственным способом орнаментации данного типа полотенца является узорное тканье красными и белыми нитками (иногда в сочетании с цветными) на четырех «подножках» при двух основах с «бральницами», а также его сочетание с полосами браного и полотняного ткачества. Имеющи-

¹⁰ Фурсова Е. Ф. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск, 2003. С. 153–154.

еся в музейных собраниях полотенца типа 2в изготовлены в начале XX в. переселенцами из Курской и Тамбовской губерний и предназначались для использования в быту. Два из них названы в учетной документации *утирками*. Сохранившиеся в музейных собраниях полотенца данного типа единичны и бытовали, согласно имеющимся данным, в Солонешенском (с. Сычевка, АГКМ 16672/1), Тюменцевском (с. Тюменцево, АГКМ 15697/3) и Павловском (с. Рогозиха, МИСР) районах.

Подтип 2г. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне. Данный подтип составляют предметы, изготовленные в первой половине XX в., большей частью из льняного полотна, сотканного простым полотняным, реже многоремизным переплетением. Вышивка выполнена красными и черными (иногда с дополнением желтых, белых) хлопчатобумажными нитками в техниках счетная гладь, простой и двойной крест по счету нитей, тамбур. Ширина орнаментированной полосы в виде бордюра из элементов растительного и геометрического характера, вазона или трехчастной сюжетной композиции преимущественно не превышает 35 см. Полотенца данного типа имеют раздельные или сшитые предварительно орнаментированные концы при длине полотна 180–250 см.

Выделение полотенцев, украшенных исключительно вышивкой на основном полотне, в отдельную группу обусловлено прежде всего их многочисленностью в составе изученных музейных собраний (43 предмета). Большая часть полотенцев рассматриваемого подтипа некогда имела дополнительную орнаментацию. Об этом свидетельствуют остатки нитей кружева, кистей, отверстия от иглы. Другая часть не имела других деталей, поскольку нижний край аккуратно подогнут и подшит. Вполне вероятно, что эти полотенца предполагалось дополнить проставками или наконечником. Подтверждением этого являются музейные предметы, вышивка и кружево на которых изготовлены не только в разное время, но и разными людьми.

Полотенца типа 2г были распространены в первой половине XX в. во многих районах Алтайского края, Новосибирской области и Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Тип 3. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества, с двухчастной структурой орнаментированного конца (карта 7)

Подтип 3а. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и наконечником. Полотенца данного типа разнообразны по материалу основного полотна (льняное, конопляное, хлопчатобумажное; простого полотняного и узорного ткачества), технике вышивки (преобладает простой и двойной крест по счету, счетная гладь; реже встречается крест по канве, тамбур, лицевая гладь), способу изготовления наконечника (преобладает вязание крючком и фабричное кружево; имеет место вязание на ко-

клюшках, рамке, спицах, тканье перед бердом). Для вышивки полотенец конца XIX – первой трети XX в. использованы хлопчатобумажные нитки фабричного производства – «бумага» красного и черного цвета. На образцах 1940–1950-х гг. вышивка иногда выполнена цветной «бумагой» или нитками «мулине».

Орнамент вышивки разнообразный, но преобладающими являются растительные мотивы в виде горизонтального бордюра. Часто встречающимися являются изображения одиночного вазона или «древа жизни», дважды или трижды повторяющегося на одном конце полотенца, в сочетании с изображениями птиц или в качестве центрального мотива трехчастной композиции с птицами по сторонам. Антропоморфные и зооморфные мотивы единичны.

Полотенца рассматриваемого типа чаще имеют отдельные орнаментированные концы. Длина полотенец колеблется в пределах 174–330 см при преобладающей около 250 см. Ширина орнаментированной части сравнительно небольшая: вышивка – 10–29 см, наконечник – 8–22 см.

Изготавливались такие полотенца не только представительницами различных этнографических групп русского населения, но и других этнических групп (украинцев, белорусов, немцев) Алтая и предназначались большей частью для свадебного обряда, занавешивания икон, украшения зеркала и стен.

Полотенца типа За составляют большую часть изученных коллекций и широко представлены в музейных собраниях Алтайского государственного краеведческого музея, Новосибирского государственного краеведческого музея, Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина, Шемонаихинского историко-краеведческого музея, историко-краеведческого музея АлтГПА, многих районных, сельских и школьных музеев Алтайского края (128 предметов). Распространение полотенец данного типа в селах изучаемого региона отражено на карте.

Подтип 3б. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и кистями из белых хлопчатобумажных ниток. На полотенцах данного типа нити, образующие кисти, крепятся различными способами: поверх шва-подгибки основного полотна сплошной полосой, перекрывая его полностью; в отверстия, образованные швом «мережка», по несколько нитей в одно отверстие; к сетке, связанной крючком по низу основного полотна из одного-трех рядов столбиков с цепочками. Такие кисти значительно крупнее бахромы из нитей основы благодаря большому числу и толщине хлопчатобумажных ниток. В верхней части кисти оформлены «сеткой», образованной путем двух-пятикратного поочередного соединения и разбивки пучков ниток. Длина кистей от 11 до 17 см при общей длине полотенца от 200 до 300 см.

Вышиты полотенца красными и черными хлопчатобумажными нитками счетной гладью или двойным крестом по счету нитей полотна. Орна-

мент растительный, преимущественно геометризованный, что обусловлено техническими приемами исполнения. Полотенца данного типа всегда имеют раздельные концы.

Согласно «легендам» некоторых музейных предметов данного типа, они были изготовлены девушками в конце XIX – первой трети XX в. для собственного приданого. Два полотенца изготовлены детьми переселенцев из Курской и Симбирской губерний. Других сведений об этнографической принадлежности авторов таких полотенцев не имеется.

Использование данного способа орнаментации полотенцев русскими крестьянами имело локальное распространение на территории трех районов: Ордынского и Сузунского современной Новосибирской области и Каменского Алтайского края. Одно полотенце рассматриваемого типа, но со сложной формой кистей, хранится в коллекции Бийского краеведческого музея. Однако сведений о месте его изготовления не имеется. В ходе исследования было выявлено, что подобный тип орнаментации, то есть сочетание вышивки на основном полотне с кистями из фабричных ниток, в качестве одного из основных приемов орнаментации полотенцев использовали украинские переселенцы в селах Алтая (МРКМ 7441, 7445).

Подтип 3в. Полотенца, украшенные полосой фабричного узорного ткачества. Основой орнаментации полотенцев данного типа являются покупные (возможно, кустарного производства) браные полосы из белых и красных хлопчатобумажных ниток, пришиваемые к раздельным концам основного полотна полотняного или многоремизного ткачества. Наличие не оформленной в кисти мелкой бахромы с одного края таких полос позволяло использовать их как завершение орнаментированного конца. Большая часть полотенцев рассматриваемого типа не имеет орнаментации на основном полотне. Только некоторые полотенца в дополнение к наконечнику украшены узкими полосами вышивки простым крестом, мережкой или вытканными полосками красного цвета на основном белом полотне.

Назначение полотенцев типа 3в в музейной документации не отражено. Их размеры в пределах 225–290 см и степень сохранности свидетельствуют об их использовании в обрядах и/или декоративном убранстве жилища крестьян в селах центральных и северо-восточных районов Алтайского края, Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. В музейных собраниях региона всего насчитывается 10 полотенцев данного типа (АГКМ 16672/2, 14340/9, ШИКМ 17-9909, ИКМ АлтГПА 920, ГХМАК П-994 и др.).

Подтип 3г. Полотенца, украшенные наконечником, связанным крючком из белых хлопчатобумажных ниток. Полотенца данного типа изготовлены из льняного холста или полотна простого полотняного переплетения различной степени беления. Длина полотенцев данного типа, не превышающая 160 см, и ширина кружевного наконечника (6-10 см) обусловлены их

утилитарным назначением, что, в свою очередь, объясняет их немногочисленность в музейных собраниях. Однако имеющиеся несколько предметов подтверждают то, что крестьянки некоторых сел (Алтайский, Заринский районы) в начале XX в. при изготовлении полотенец для бытовых нужд применяли кружево наряду с другими простыми способами орнаментации: бахромой, мережкой.

Тип 4. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества, с трехчастной структурой орнаментированного конца (карта 8)

Подтип 4а. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, наконечником, связанным крючком и кистями из белых хлопчатобумажных ниток. Особенностью орнаментации полотенец данного типа является широкий наконечник (15–36 см), связанный крючком из белых хлопчатобумажных ниток фабричного производства, по низу которого в специально вывязанные ячейки привязаны кисти из белых х/б ниток. Часто кружево связано из белой «бумаги» с направлением вязки по вертикали снизу вверх, что не свойственно наконечникам с зубцами по краю, связанным из тонких «юрочных» ниток в горизонтальном направлении. Отличает такой наконечник и орнамент кружева, характерный для традиционного русского изобразительного искусства. По сетке в его основе вывязаны геометрические мотивы: крест, ромб, восьмилепестковая розетка и различные варианты их сочетания; антропоморфные фигуры, вазоны, «дерево жизни», сюжетные трехчастные композиции с орнитоморфными и зооморфными мотивами.

Вышивка на основном полотне полотенец данного типа сходна с вышивкой на полотенцах типов 2г, 3б. Преимущественно она выполнена двойным крестом по счету нитей или счетной гладью, реже простым крестом красной и черной «бумагой», тамбуром красной нитью или белой строчкой. Ширина вышивки в виде бордюра из растительных, геометризованных элементов или вазона составляет от 5,5 до 37,5 см.

Полотенца данного типа могут иметь соединенные концы. В этом случае сшиты боковые стороны основного полотна, кружевной наконечник связан цельным на оба конца. Длина полотенец, составляющая от 220 до 360 см, как и ширина орнаментированной части 30–70 см, свидетельствуют об их декоративном и/или обрядовом назначении. Легенды некоторых предметов подтверждают это: «Для иконы или зеркала» (Чарышский район, ГХМАК П-962), «стеновой» (с. Черемшанка Солонешенского района, АГКМ 16673), «в приданое» (с. Киик Тогучинского района НСО, НГКМ 19927/88).

Однозначно определить этнографическую принадлежность полотенец типа 4а не представляется возможным. Отдельные предметы были изготовлены российскими переселенками, в частности из Пермской, Тамбовской, Воронежской губерний. Два принадлежали с большой долей вероят-

ности уймонским старообрядцам. Однако для большей части полотенца авторство не указано.

Данный тип в музейных собраниях представлен 28 предметами. Рассмотренные полотенца бытовали в первой трети XX в. преимущественно в северных и северо-восточных районах региона, реже встречаются в центральных лесостепных, предгорных и горных районах Алтайского края.

Подтип 46. Полотенца, украшенные полосой браного ткачества и наконечником. В данном типе полотенца, датируемое последним десятилетием XIX – первой четвертью XX в., четко выделяются локальные особенности сочетания различных видов орнаментации.

Для населения Солонешенского (с. Туманово, Сибирячиха, Топольное) и Быстроистокского (с. Верх-Озерное) районов характерно украшение неорнаментированного белого основного полотна сочетанием проставки браного ткачества с наконечниками фабричного производства, ткаными перед бердом, вязанными на рамке или на спицах (ШМСВО, МИКНС СО РАН 1673, 793, АГКМ 15598/1, 16671/1-2, МСС¹¹).

Наконечники полотенца из Чарышского (с. Малый Бацелак), Поспелихинского (с. Поспелиха), Залесовского (с. Залесово) районов связаны крючком из белых хлопчатобумажных ниток с оформлением нижнего края зубцами или фестонами (ИКМ АлтГПА 934, ПРКМ, ГХМАК П-1151).

Полотенца из Зырянского района Восточно-Казахстанской области (МИКНС СО РАН 1303, 1709) и Усть-Коксинского (с. Верхний Уймон) района РА (НМРА 1008) наряду с браными проставками украшены наконечниками, вышитыми по разреженной ткани («пялы») или в виде полосы браного ткачества кустарного производства, аналогичной использованной на предметах типа 3в.

Рассматриваемый тип совпадает с описанием Л. М. Русаковой рукотёртов кержачек по материалам двухлетних исследований в бухтарминских селах¹². По ее замечанию, декор их рукотёртов состоял из двух или трех самостоятельных частей: вышитого, тканого или вязаного наконечника (позже – фабричного кружева), над ним пришивался браный узор в виде одной (реже двух) широкой и двух узеньких полос. Во многих рукотёртах выше тканых узоров, уже непосредственно на полотне, вышивали крестом традиционные трехчастные композиции либо цветы, выходящий стебель, рисунки которых были взяты из продававшихся печатных образцов. Нижний узор рукотёрта (наконечник) вышивали цветной перевитью либо ткали в технике ажурного перебора по полотну. К поздним полотен-

¹¹ Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района: каталог // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 334 (№ 42), 332 (№ 38), 338 (№ 49).

¹² Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенца сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX в. Новосибирск, 1985. С. 121–124.

цам стали пришивать кружево, связанное крючком (галунец), заканчивающееся бахромой или кистями¹³.

Сходство рукотёртов бухтарминских старообрядцев и полотенец крестьян Солонешенского и других районов Алтайского края может свидетельствовать о принадлежности последних старообрядцам – кержакам, составлявшим значительный процент населения указанных районов (кроме Пospelихинского).

Длина полотенца рассматриваемого типа колеблется в пределах 210–300 см. В изученных собраниях представлены в равной степени предметы с раздельными и соединенными концами. Для последних характерны сшитые «встык» тканые полосы и цельные наконечники фабричного производства. Этот факт свидетельствует об использовании полотенец с данным типом орнаментации с целью декоративного убранства красного угла, зеркал, стен.

Подтип 4в. Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, тканой проставкой и наконечником. К данному типу отнесены полотенца, изготовленные из хорошо отбеленного льняного полотна домашнего ткачества и украшенные вышивкой в технике «роспись» красными и черными хлопчатобумажными нитками по основному полотну, широкой полосой браного ткачества красной, красной с черной или красной с белой «бумагой» в средней части, наконечниками, вышитыми цветной перевитью. По мнению, Л. М. Русаковой, такой характер орнаментации характерен исключительно для белых стеновых полотенец бухтарминских крестьянок¹⁴. Согласно описанию Е. Э. Бломквист, такие полотенца являются «бухтарминскими рукотёртами старинного типа»¹⁵. Этот факт объясняет наличие полотенец данного типа только в коллекции Восточно-Казахстанского областного музея-заповедника и коллекции полотенец Л. М. Русаковой в МИКНС СО РАН, бытовавших в районах расселения групп старожилов-старообрядцев.

Подтип 4г. Полотенца, украшенные вышитой кумачовой проставкой и наконечником. К данному типу относятся полотенца из белого льняного или хлопчатобумажного домотканого полотна с трехчастной структурой орнаментированного конца, включающего одну кумачовую проставку и наконечник, как с вышивкой на основном полотне, так и без нее.

Будучи изготовлены в начале XX в., такие полотенца включали как старинные (шов роспись, набор, «по выдергу», тканье перед бердом), так и

¹³ Русакова Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX в. Новосибирск, 1985. С. 123–124.

¹⁴ Русакова Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок // Традиции и инновации в быту и культуре населения Сибири. Новосибирск, 1983. С. 118–119.

¹⁵ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 399–400.

новые способы орнаментации (швы крест, тамбур, вязание крючком, фабричное кружево). Вышивка на кумачовых проставках данного типа полотенца выполнена белыми или сочетанием белых с цветными (черными, синими, желтыми) хлопчатобумажными нитками в техниках набор, роспись, простой крест, тамбур. Наконечники таких полотенец разнообразны по технике изготовления: ткачество перед бердом, шитье по разреженному полотну, вязание крючком, фрагменты фабричного производства. Однако для них всегда использованы белые хлопчатобумажные нитки, иногда с дополнением красных и синих. Концы полотенец рассматриваемого типа преимущественно отдельные.

Орнаментация полотенец данного типа в некоторой степени соответствует как описанию Е. Э. Бломквист «поздних холщовых полотенец бухтарминских крестьянок»¹⁶, так и Л. М. Русаковой «полотенец крестьянок из „поляцких“ сел южного Алтая»¹⁷. Их распространение соотносится с районами расселения различных групп старожилов-старообрядцев («поляков», кержаков, бухтарминских и уймонских каменщиков): Третьяковский и Солонешенский районы Алтайского края, Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (АГКМ 18460/7, МИКНС СО РАН 1692, ШИКМ 07-3290, 08-3290, 08-3973, ШМСШ). Одно полотенце для коллекции МИКНС СО РАН приобретено в Усть-Коксинском районе Республики Алтай (МИКНС СО РАН 1743). Вероятно, такие полотенца можно считать одним из результатов взаимодействия разных групп старожилов-старообрядцев Алтая между собой и взаимообмена культурными традициями (цв. ил. 1, карта 8).

Подтип 4д. Полотенца, украшенные вышитыми белыми и кумачовыми проставками, наконечником. К указанному типу относятся полотенца, орнаментированные концы которых составляют от 60 до 106 см в длину и включают 4–6 широких деталей, различных по материалу и способу орнаментации. Преимущественно встречается чередование двух белых и двух красных кумачовых вышитых полос, соединенных ручным швом или узкими кружевными прошвами. В качестве наконечника использовано вязание на рамке («пялы»), крючком, цветная перевить, ткань перед бердом, покупные полосы браного ткачества. На нескольких предметах над орнаментированной частью пришита узкая полоска фабричной ткани (кумача или ситца с набивным рисунком) в качестве оборки. Сдвоенные концы имеют только одно из тринадцати выявленных в музейных собраниях полотенец рассматриваемого типа.

Проставки из белого холста вышиты красной, синей или черной «бумагой» в техниках «простой крест» (села Шипуниха, Шемонаиха, Секисов-

¹⁶ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 401–402.

¹⁷ Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. С. 92.

ка) или «набор» (с. Малоубинка). Кумачовые полосы вышиты простым крестом или тамбуром белой, черной, желтой «бумагой» или цветной шерстью. Для наконечника использованы большей частью белые или цветные хлопчатобумажные нитки.

Полотенца данного типа бытовали в селах «поляков»: Секисовка (МИКНС СО РАН 1351), Малоубинка (МИКНС СО РАН 1411, 1442, 1430; ВКО-ЭМ 20-5144) Глубоковского и Шемонаихинского районов (ШИКМ 05-2692, 08-3975) Восточно-Казахстанской области, сс. Шипуниха и Староалейское Третьяковского района Алтайского края (цв. ил. 1, карта 8).

Тип 5. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества, с орнаментированной частью из четырех и более структурных элементов (многоярусные) (карта 9)

Данный тип образуют полотенца, орнаментация которых сходна с некоторыми рассмотренными ранее типами, но усложнена за счет добавления других элементов орнаментации.

Подтип 5а. Усложнение типа 3а (полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и наконечником) за счет включения в орнаментацию кружевной и полотняной проставок. Полотенца рассматриваемого типа имеют четырехъярусную орнаментированную часть, состоящую из вышивки на основном полотне, кружевной проставки, тканевой проставки, наконечника. В отдельных случаях вышивка на основном полотне отсутствует. По типу основного полотна и материалу и орнаменту вышивки полотенца аналогичны типу 3а.

Кружевная проставка по технике изготовления чаще всего соответствует наконечнику и может быть фабричного производства, связанная крючком или на коклюшках. В сочетании с наконечником, связанным на рамке, всегда использована проставка из фабричного кружева.

Полотняная проставка изготовлена из ткани, аналогичной основному полотну, и в большинстве случаев украшена вышивкой в технике простой или болгарский крест, реже счетная гладь и тамбур. На некоторых льняных полотенцах имеется проставка из белой фабричной хлопчатобумажной ткани. В этом случае можно говорить о том, что изготовление основного полотна и орнаментированного конца полотенца происходило в разное время. В отдельных случаях имеются признаки того, что на полотенце заменены наконечник и проставки.

Сохранившиеся в музейных коллекциях полотенца данного типа (37 ед.) датированы концом XIX – первой четвертью XX в. Они бытовали во многих, большей частью северо-восточных и горных районах Алтайского края, в Усть-Коксинском районе Республики Алтай и Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Рассматриваемые полотенца принадлежали как переселенцам, так и старожилам и большей частью имеют отдельные орнаментированные концы. Полотенца, имеющие соединенные кромками концы, принадлежали, согласно музейной документации, старообрядцам Алтайского, Быстроистокского, Солонешенского районов Алтайского края и Усть-Коксинского района Республики Алтай и использовались в качестве *стеновых полотен* и *божников* (АГКМ 17789/5, 16895/3, НМРА 1003).

Подтип 5б. Усложнение типа 4а (полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, наконечником, связанным крючком, и кистями из белых хлопчатобумажных ниток) за счет включения в орнаментацию кружевной и полотняной проставок. Полотенца данного типа изготовлены большей частью из льняного полотна домашнего ткачества простым полотняным переплетением. В единичных случаях использована льняная и хлопчатобумажная ткань фабричного производства. Пятирусовая орнаментированная часть состоит из вышивки на основном полотне, кружевной и тканой проставок, наконечника, связанного крючком, кистей из белых хлопчатобумажных ниток. К данному типу отнесены также полотенца с аналогичной структурой, но без вышивки на основном полотне и/или проставке.

Вышиты полотенца красными и черными хлопчатобумажными нитками простым или двойным крестом по счету нитей основы, счетной гладью. На проставках вышиты бордюры из растительных элементов или ряды геометрических фигур, на основном полотне орнамент более крупный, как правило, сочетающий различные мотивы: растительные, геометрические, орнитоморфные. Наиболее характерными для данного типа полотенца являются трехчастные композиции («древо» и обращенные к нему птицы) и два-три раза повторяющиеся изображения птиц, цветов или вазонов. На многих предметах имеется монограмма в виде заглавных букв.

Наконечники рассматриваемых полотенца идентичны типу 4а. Для предметов с соединенными концами также характерны цельные пришитые детали. При длине полотенца от 248 до 360 см ширина орнаментированной части составляет 35–100 см.

В музейных собраниях региона выявлено 23 полотенца с рассмотренным типом орнаментации. Они были изготовлены в 1905–1930-х гг. и находились в селах Залесовского, Заринского, Мамонтовского, Косихинского, Тюменцевского, Алтайского районов Алтайского края, с. Катанда, Замульта, Тихонькая Усть-Коксинского района Республики Алтай, с. Сугатовка Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Подтип 5в. Усложнение типа 4б (полотенца, украшенные полосой бравого ткачества и наконечником) за счет включения в орнаментацию кружевной или кружевной и тканой узких проставок в верхней части, иногда кистей по низу наконечника.

Вышивка для украшения основного полотна таких полотенец, как правило, не использовалась. На отдельных предметах имеется только вышитая монограмма.

Длина полотенец данного типа от 220 до 320 см. Они имеют как раздельные, так и соединенные концы. Ширина орнаментированной части больше, чем у полотенец типа 4б, за счет дополнительных проставок. Кружевная проставка шириной от 2 до 6,5 см, за редким исключением, аналогична по технике изготовления кружевному наконечнику (связана крючком или фабричного производства). Орнамент и цветовая гамма сотканной в технике браного ткачества проставки шириной около 2 см аналогичны широкой браной полосе.

Для данного типа характерны два вида использования дополнительных проставок. Чаще всего кружевная проставка пришита непосредственно к основному полотну и разделяет его с широкой полосой браного ткачества (8,7–19 см). Завершает полотенце наконечник фабричного производства, тканый перед бердом или связанный крючком. Последний иногда дополнен кистями, привязанными к сетке кружева по нижнему краю.

Для полотенец из Солонешенского района характерно включение узкой проставки, связанной крючком или на коклюшках, между узкой и широкой полосами браного ткачества. К последней пришит кружевной наконечник.

Орнаментированный сдвоенный конец одного полотенца (с. Верх-Озерное Быстроистокского района) состоит из чередующихся двух узких кружевных, одной узкой и одной широкой браных полос и наконечника, завершающегося кистями (общая ширина 48 см). Включение дополнительной кружевной полосы в декор полотенца позволяет говорить об относительной свободе женщин в построении орнаментированной части полотенца, предназначенных для убранства жилища, при сохранении основы локальной традиции.

Распространение полотенец типа 5б в целом соотносится с бытованием типа 4б и четко локализуется на территории Усть-Коксинского (села Верхний Уймон, Замульта) района РА, Солонешенского (села Сибирячиха, Топольное) и Быстроистокского (с. Верх-Озерное) районов Алтайского края. Отдельные предметы в коллекциях музеев приобретены в Усть-Калманском (с. Верх-Слюдянка) и Усть-Пристанском (с. Красноярка) районах.

Тип 6. Полотенца, изготовленные из белого полотна, орнаментированные с использованием цветных атласных лент и полос фабричной ткани (карта 10)

Материалом для изготовления полотенец рассматриваемого типа служило полотно домашнего ткачества (льняное простого полотняного переплетения, хлопчатобумажное с узором на концах, вытканым на четырех подножках), белое или с горизонтальными полосками по краю.

Отличительным признаком полотенец шестого типа являются пришитые к основному полотну одна или две атласные ленты разных цветов (красного, белого, желтого, синего, зеленого, розового) шириной 3–8 см, в качестве проставок или нашитые на ткань, служащую проставкой между основным полотном и наконечником. Основное полотно украшено полосами узорного ткачества или вышивкой простым или двойным крестом, счетной гладью красными и черными, реже цветными хлопчатобумажными нитками. Обязательным элементом орнамента является наконечник, связанный крючком, на рамке или в виде кружева фабричного производства. На некоторых полотенцах этого типа между двумя лентами или лентой и основным полотном вшита кружевная проставка.

В результате полевых исследований и изучения музейных коллекций выявлено 19 предметов рассматриваемого типа. Полотенца, украшенные атласными лентами, бытовали прежде всего в переселенческих селах Соловьяха (Петропавловский район), Плешково, Новая Чемровка, Новомихайловка (Зональный район), Рогозиха (Павловский район), пос. Тамбовском (Романовский район), с. Березовка (Краснощековский район), Благовещенском районе Алтайского края. По одному полотенцу хранится в школьном музее с. Староалейского и Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина.

Тип 7. Полотенца из красной хлопчатобумажной ткани (кумача) с многоярусной структурой орнаментированного конца (карта 10)

Подтип 7а. Полотенца, украшенные вышитыми проставками и наконечником. Орнаментированные концы полотенец данного типа состоят преимущественно из различного числа полос красного кумача, иногда в сочетании с проставками из льняного холста, черного плиса, бархата или фабричной ткани другого цвета (фиолетовой, серой). Все проставки вышиты набором или тамбуром (в одном случае – росписью) цветной «бумагой», гарусом или шелком. Орнамент вышивки всегда геометрический, организованный в виде широких горизонтальных бордюров, ограниченных сверху и снизу узкими каемками другого, часто контрастного, цвета. Количество полос орнамента и проставок не всегда совпадает. На одном цельном фрагменте кумача может быть вышито несколько крупных бордюров орнамента.

Наконечники связаны крючком или на рамке из цветных шерстяных ниток домашнего прядения и крашения или гаруса. Преобладающим цветом является красный. В разных вариантах он сочетается с желтым, синим, зеленым, фиолетовым, оранжевым.

Полотенца типа 7а имеют как отдельные (ШИКМ 07-3164, 07-3358, ШМСШ 193, 32, 27, 26), так и соединенные по кромке предварительно орнаментированные концы (ШИКМ 05-2519, 17-10012, 02-812, 04-1889, МИКНС СО РАН 1713). Последние, согласно музейной документации, являются

стеновыми платами, бытовавшими в селах Язовая, Большая Речка, Верх-Уба, Стеглянка Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Раздельные концы имеют кумачовые полотенца из сел Плоское, Шипуниха Третьяковского района Алтайского края, Верх-Уба Восточно-Казахстанской области.

Полотенца такого типа, вероятно, принадлежали «полякам». В отличие от них, использовавшиеся бухтарминскими и уймонскими крестьянками *стеновые платки* отличались ткаными проставками «яркими шелками и гарусом» в сочетании с цветной основой, имели на основном полотне вышивку, причем большей частью «советским узором»¹⁸. Среди материалов изученных музейных собраний только два полотенца, из с. Усть-Кокса Республики Алтай (БКМ 2798) и с. Большая Речка ВКО (ШИКМ 04-2219), соответствуют описанию стеновых платков, данному Е. Э. Бломквист.

Подтип 76. Полотенца, украшенные вышитыми проставками, полосками и оборками из ткани фабричного производства. Этот тип полотенец во многом сходен с предыдущим, однако в состав орнамента наряду с полосами кумача, вышитого преимущественно шерстяными цветными нитками в технике набор, входят также одна или две полосы черной ткани (плиса, бархата, сукна), вышитые набором, тамбуром или выстроченными на швейной машинке узорами. Основанием для выделения полотенец такого рода в отдельный тип служит использование в их украшении полос фабричной ткани различного цвета, качества, фактуры в качестве нашивных полосок, нашивных и соединяющих проставки «зубчиков», нашивных и завершающих орнаментированную часть оборок.

В ходе исследования выявлено 17 полотенец данного типа, бытовавших в с. Быструха, с. Секисовка, с. Бобровка и других селах Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, а также селах Шипуниха, Староалейское Третьяковского района Алтайского края (АГКМ 16186/1, 16188/1, ШМСШ 6). Учетная документация музеев дает основание считать полотенца данного типа характерными для «поляков» Алтая.

Тип 8. Орнаментированные полотенца, изготовленные из фабричной ткани белого цвета (карта 10)

Полотенца данного типа изготовлены из ткани фабричного производства: большей частью из хлопчатобумажной простого полотняного переплетения (миткаль, мадаполам, коленкор, бязь), вафельного переплетения, реже льняной полотенечной полотняного переплетения с цветными полосками по краю. Выбор материала обусловлен временем изготовления предметов – вторая половина XX – начало XXI в., поэтому принят за определяющий признак типа.

¹⁸ Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 402.

Все рассматриваемые полотенца орнаментированы в силу их декоративного и обрядового назначения. В указанный период полотенца для бытовых целей не было принято украшать вышивкой и кружевом. В структуре орнаментации полотенец данного типа не выявлено этнических, этнографических, локальных и хронологических особенностей, поэтому она не рассматривается в качестве основного признака типологизации.

К данному типу отнесены полотенца с различной структурой орнаментированной части: цельные, составные двухчастные и составные четырехчастные. Цельные вафельные полотенца имеют по краям бахрому из незакрепленных нитей основы или, так же как и «ситцевые», подшиты машинной строчкой. Орнаментация двухчастных полотенец состоит из вышивки на основном полотне и наконечника, связанного крючком (на вафельных, ситцевых и льняных) или фабричного белого шитья (только на «ситцевых»). В единичных случаях на полотенцах из разной ткани дополнительно к наконечнику имеются кружевная и вышитая тканевая проставки (ЗРКМ, АГКМ 15187/2, ШМСШ).

Вышивка на полотенцах данного типа независимо от материала основы выполнена фабричными нитками. На большей части предметов использованы нитки «мулине» множества цветов и оттенков. На отдельных — «бумага» красного и черного цвета (Чарышский район, АГКМ 15187/2; Быстроистокский район, ШМСВО; Усть-Пристанский район, ИКМ АлтГПА НВФ 364). Для вышивки по вафельной ткани преимущественно использован двойной крест по счету «клеток» (ячеек) полотна, по льняному — простой крест по канве и тамбур. На полотенцах из ситцевой и другой хлопчатобумажной ткани вышивка выполнена лицевой гладью, простым и двойным крестом.

Орнамент вышивки разнообразный: мотивы и композиции, распространенные в конце XIX — начале XX в. (растительные бордюры, трехчастные композиции, вазоны, птицы, розетки), скопированные со страниц различных печатных изданий, нарисованные самими авторами.

Длина полотенец за редким исключением не превышает 200 см. Стандартная ширина фабричной полотенечной ткани варьируется в зависимости от времени производства от 42 до 55 см. «Ситцевые» полотенца имеют ширину от 32 до 37 см.

Выявленные в музейных собраниях и в ходе полевых исследований полотенца этого типа изготовлены в период 1950–2007 гг. (34 ед.) жителями Бийского, Быстроистокского, Залесовского, Зонального Кытмановского, Михайловского, Павловского, Поспелихинского, Тальменского, Третьяковского, Усть-Калманского, Хабарского, Чарышского районов Алтайского края.

Проведенная систематизация показала, что в конце XIX — начале XXI в. изготавливаемые и используемые русским сельским населением Алтая полотенца отличались по материалу, форме, структуре и способам орнаментации. Основные варианты устойчивого сочетания этих призна-

ков представлены в разработанной типологии. Выделенные типы включают наиболее распространенные, этнографически маркированные, локально и хронологически ограниченные варианты полотенец.

Повсеместно распространенными в старожильческих и переселенческих селах Алтая в конце XIX – начале XX в. являлись орнаментированные полотенца декоративного и обрядового назначения из домотканого полотна (холста) типов 2б, 2г, 3а, 4а, 5б. Во второй половине XX – начале XXI в. повсеместно распространенными можно считать полотенца аналогичного назначения из фабричной ткани типа 8. Локально распространенным на территории трех районов северной зоны региона, согласно имеющемуся материалу, является тип 3б. Для утилитарных целей или как основа для орнаментации использовались предметы типов 1, 2а, 2в, 3г.

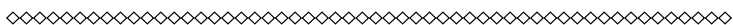
Этнографическая специфика свойственна целому ряду типов полотенец: 4б (бухтарминские и уймонские старообрядцы, кержаки), 4в (бухтарминские старообрядцы), 4г («поляки», кержаки, бухтарминские и уймонские старообрядцы), 4д («поляки»), 5в (уймонские старообрядцы, кержаки), 2в и 6 (южнорусские переселенцы), 7а, 7б («поляки»). Распространение перечисленных типов соотносится с районами расселения соответствующих этнографических групп.

Таким образом, разработанная типология наглядно демонстрирует многообразие полотенец русского сельского населения Алтая, степень сохранности традиционных черт и характер инноваций, этнографическую специфику орнаментации, особенности взаимодействия различных этнографических групп между собой и с другими народами на протяжении рассматриваемого периода.

Предложенная типология охватывает только варианты полотенец, наиболее часто встречающихся в среде бытования и музейных собраниях региона. Она, безусловно, не может исчерпать всю вариативность, свойственную декоративно-прикладному творчеству русского населения Алтая. Вместе с тем предложенная типология облегчит музейным сотрудникам решение целого ряда задач научного описания и атрибуции полотенец. В частности, она дает возможность сопоставления имеющихся в собрании полотенец с выделенными типами, определения типичности или уникальности предметов коллекции, выявления районов бытования той или иной традиции орнаментации, определения (по аналогии) этнокультурной принадлежности предмета.

Заключение

Проведенное исследование полотенца как компонента культуры русско-го сельского населения Алтая показало, что традиции изготовления, использования и наименования полотенец были принесены на Алтай выходцами из различных регионов России и представляли собой как общерусские, так и локальные варианты, сформировавшиеся задолго до изучаемого периода. Особенности этнографического состава населения обусловили различную степень их сохранности на Алтае, а также явились причиной складывания региональных особенностей.

В ходе исследования было выявлено 24 наименования полотенца, используемых в речи русского сельского населения Алтая в рассматриваемый период. В различных селах региона отмечен особый набор доминирующих вариантов диалектных названий полотенца, обусловленный этнографическим составом населения. Все наименования, употребляемые в речи переселенцами, принесены из материнских говоров. Для старожилов было характерно использование как наименований полотенец, свойственных северному наречию и среднерусским говорам, так и вариантов, возникших и локально распространенных в селах Алтая. Наибольшим числом бытовавших наименований отличаются предгорные и горные районы современного Алтайского края в силу сложного этнографического состава населения, сформировавшегося на протяжении XVIII – начала XX в.

Семантика наименований полотенец, принесенных выходцами из различных губерний Европейской России и Урала, в целом соотносится со значениями, свойственными материнским говорам. Возникновение особых вариантов названия полотенец в среде различных групп старожилов-старообрядцев Алтая связано с конкретизацией функций предметов и формированием особенностей в их орнаментации.

На протяжении рассматриваемого периода в селах Алтая, как и в Европейской России, отмечается ослабление связи между семантикой слова, обозначающего полотенца, и функциями предмета. В силу этого многие названия со второй половины XX в. использовались русским сельским населением Алтая для обозначения полотенец различного назначения. В настоящее время отмечается устойчивая тенденция к замещению диалектных вариантов литературным словом «полотенце».

Использование полотенец русским сельским населением Алтая претерпело значительные изменения на протяжении рассматриваемого периода. В конце XIX – начале XX в. полотенце выступало неотъемлемым элементом убранства жилища и важным компонентом семейных обрядов у всех этнографических групп русского населения региона и использовалось

согласно традициям, принесенным ими из районов прежнего проживания. Специфика в применении полотенец в селах Алтая определялась не только их культурным многообразием, но и различными социально-экономическими факторами (уровнем материального благосостояния, близостью города, трактов и т. п.), влиявшими на сохранность традиций.

Значимость полотенца в рамках традиционной культуры обуславливалась его полифункциональностью и высоким семиотическим статусом. В убранстве жилища полотенце выполняло преимущественно декоративную функцию, в быту – утилитарную, в семейной обрядности реализовывало наибольший спектр функций (ритуальную, знаковую, декоративную, утилитарную).

Изменение статуса полотенца в обрядовой культуре отмечается со второй четверти XX в. и связано с коренными изменениями в жизни общества. Постепенно в быту полотенце домашнего изготовления замещается фабричными изделиями, в убранстве жилища вытесняется вышитыми и связанными крючком салфетками, скатертями, подзорами, занавесками и другими предметами декора; в свадебном обряде теряет большую часть функций, в родильном – перестает использоваться в силу упрощения и изменения ритуалов. В похоронно-поминальной обрядности во второй половине XX в. домотканое полотенце заменяется фабричным при сохранении его традиционной роли, что обусловлено наибольшей сакрализацией и устойчивостью формы ритуала. Широкое использование полотенец в убранстве икон на протяжении XX в. объясняется бытованием в крестьянской среде представления о существующей между ними связи.

Сохранившиеся до настоящего времени способы использования орнаментированного полотенца в убранстве икон, свадебном и похоронном обрядах, церковном обряде крещения воспроизводятся большей частью без знания изначальной роли предмета – в силу стремления следовать традициям.

При изготовлении полотенец русское сельское население Алтая использовало различные виды материала и способы орнаментации, выбор которых определялся традициями, особенностями взаимодействия с представителями других этносов и этнографических групп русских, социально-экономическими факторами, навыками и эстетическими представлениями авторов.

Материалом для полотенец в конце XIX – начале XX в. повсеместно в селах Алтая служила ткань (полотно, холст), изготовленная в домашних условиях. В качестве сырья крестьяне-старожила использовали лен, возделываемый ими согласно традиции, принесенной из центральных и северорусских губерний России. Переселенцы из южнорусских губерний наряду с льняным ткали для полотенец конопляный холст и хлопчатобумажное полотно. Кроме того, старожила-старообрядцы широко использовали в качестве основы и деталей орнаментированной части полотенец крас-

ную хлопчатобумажную ткань фабричного производства (*кумач*), переселенцы – хлопчатобумажное и смесовое полотно кустарного производства. С 1950-х гг. полотенца повсеместно изготавливают преимущественно из белой хлопчатобумажной ткани фабричного производства.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в конце XIX – начале XX в. орнаментации полотенец русского населения Алтая наряду с общераспространенными чертами были свойственны этнографические и локальные особенности.

Преобладающая часть изученных полотенец, изготовленных в рассматриваемый период представителями всех этнографических групп русского сельского населения Алтая, украшена вышивкой в техниках простой крест и двойной крест, бахромой или кистями, кружевом, связанным крючком. В вышивке полотенец преобладает растительный орнамент. При этом для предметов конца XIX – первой половины XX в. характерны вышитые изображения мирового дерева, вазона при преобладании бордюрных композиций с цветочными мотивами.

Наибольшая специфика присуща полотенцам этнографических групп старожилов-старообрядцев Алтая: кержаков, «поляков», бухтарминских и уймонских каменщиков. К числу признаков, свойственных полотенцам всех указанных групп, относятся: сложная структура орнаментированного конца, включающего более двух составных частей; тканые проставки и традиционные приемы вышивки в счетных техниках; геометрический орнамент архаического типа; заимствованные у тюркского населения элементы орнаментации (вышивка тамбуром, мотивы казахского орнамента, черные плисовые или бархатные проставки).

Традиционные полотенца кержаков, уймонских и бухтарминских старообрядцев объединяет сдержанная красно-белая цветовая гамма в ткани с незначительными включениями черного цвета в вышивке, преобладание в орнаментации проставок браного ткачества, распространение техники «цыганские пялы» для вязания наконечников.

Особенностью полотенец «поляков» является наличие множества цветных оборок на кумачовых полотенцах, преимущественное использование в качестве проставок вышитых набором полос домотканого холста или кумача, вышивка шерстяными нитками ярких цветов.

Специфика в орнаментации полотенец старожилов-старообрядцев обусловлена, во-первых, длительным сохранением традиций, принесенных ими на Алтай в XVIII в., в силу известной консервативности быта, во-вторых, компактным расселением на территории округа. Наличие общих черт обусловлено характером их взаимодействия между собой и с соседними тюркскими народами.

В ходе исследования получили подтверждение отмеченные ранее этнографами особенности полотенец чалдонов (вышивка в технике тамбур красными нитями по белому полотну, криволинейные узоры и др.). Спе-

цифика полотенец сибиряков-старожилов не выявлена в силу состояния источниковой базы, не позволяющей с точностью определить принадлежность полотенец, приобретенных музеями в селах со смешанным этнографическим составом.

Особенные черты орнаментации южнорусских переселенцев сохранились частично на полотенцах, привезенных из Европейской России или изготовленных в селах с компактным проживанием выходцев из одной губернии. Типично переселенческими чертами в украшении полотенец являлось использование атласных лент, узорного цветного ткачества на концах основного полотна, вышивка в технике счетная гладь.

При изготовлении полотенец со второй половины XX в. быстрыми темпами идет отступление от многосоставной системы построения орнаментированных концов, геометрического орнамента и сложных в исполнении технических приемов. Предпочтение отдается более простой технике, менее сложному орнаменту, наиболее яркому цветовому решению. Традиционным остается украшение полотенца вышивкой, в некоторых случаях с использованием орнамента, скопированного со старинных полотенец.

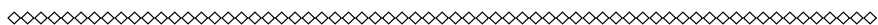
Проведенная классификация показала, что важнейшими признаками полотенец могут считаться материал, наличие орнаментации, структура орнаментированной части и сочетание способов орнаментации. Однако каждый из перечисленных признаков в отдельности не отражает специфики полотенец русского сельского населения Алтая. Этот факт явился основанием для создания типологии на базе их устойчивого сочетания. В результате было выделено восемь типов, пять из которых разделены на 18 подтипов.

Значительный массив вещественных источников позволил определить среди выделенных типов полотенец повсеместно распространенные, локально бытовавшие и этнографически маркированные варианты, что отражено на составленных картах. Реализация картографического метода позволяет также наглядно представить территориальное распространение наименований, отдельных особенностей орнаментации полотенец и сопоставить полученные результаты с расселением различных этнографических групп русских.

Учитывая особенности заселения Алтая, сосредоточившего на своей территории выходцев из многих историко-культурных зон Европейской России, можно говорить о возможности применения результатов исследования, предложенных классификаций и типологии для изучения и сравнительного анализа полотенец русского населения различных регионов страны.

Список источников и литературы

Материалы интервьюирования

Архив ЛИК АлтГПА. Сектор этнографии и устной истории Фонд 1. Материалы историко-этнографических экспедиций

- *1996 г. Тальменский район*

Журавлева О. Г. 1907 г. р. (из старожилов), с. Забродино

- *2000 г. Мамонтовский район*

Горохова С. К. 1907 г. р. (переселенка), с. Мамонтово

Валанина А. И. 1918 г. р., с. Мамонтово

Губина Н. М. 1912 г. р. (из хохлов), с. Корчино

Гладышева А. Г. 1931 г. р., с. Ермачиха

- *2001 г. Кытмановский район*

Гордюшкина М. В. 1920 г. р., с. Кытманово

Парамзина А. Г. 1921 г. р., с. Кытманово

Черных Е. И. 1905 г. р., с. Сосновый Лог

Позябкина Е. И. 1919 г. р., с. Порошино

Красильникова М. Н. 1929 г. р. (из старожилов), с. Дмитро-Титово

Тузовских М. Е. 1923 г. р. (из сибиряков), с. Семено-Красилово

Долматов В. А. 1934 г. р., с. Каменка

- *2002 г. Зональный район*

Воробьева М. П. 1931 г. р., с. Комарово

Марков В. Г. 1936 г. р., с. Луговское

Викулова Т. П. 1917 г. р. (из переселенцев), с. Савиново

Вдовина Е. П. 1922 г. р. (из старожилов), с. Савиново

Милосердова М. Г. 1920 г. р. (из старожилов), с. Савиново

Коновалова Р. Ф. 1923 г. р., с. Соколово

Рыбникова А. С. 1909 г. р. (мать из старожилов, отец переселенец из Пермской губ.), с. Соколово

Терентьева Е. П. 1915 г. р. (из старожилов), с. Соколово

Казенных Л. П. 1917 г. р. (из старожилов), с. Соколово

- *2003 г. Бийский район*

Емельянова Н. Ф. 1927 г. р. (из старожилов), с. Новиково

Золотухина П. Д. 1919 г. р. (из старожилов), с. Новиково

Иванникова А. К. 1911 г. р. (из старожилов), с. Новиково

Сафонов В. И. 1936 г. р. (из старожилов), с. Новиково
Хаустова Л. И. 1935 г. р. (из сторожилов), с. Новиково
Неверова К. К. 1919 г. р., с. Усятское
Шентяпина Е. Я. 1922 г. р. (из переселенцев) с. Усятское
Александрова М. И. 1919 г. р. (из сибиряков), с. Малоенисейское
Прийма У. М. 1916 г. р. (из «россейских»), с. Малоенисейское
Юрлова Е. И. 1931 г. р. (из сибиряков), с. Б. Аникино
Пушкарева А. Д. 1931 г. р., с. Мальцева Курья
Рекунова А. С. 1923 г. р. (из старожилов), с. Мальцева Курья
Плотникова А. Г. 1925 г. р. (из переселенцев), с. Ключи
Афанасьева В. Г. 1927 г. р. (из старожилов), с. Верх-Катунское
Заподовникова А. М. 1918 г. р. (из старожилов), с. Верх-Катунское
Пахомова М. М. 1923 г. р. (из сибиряков), с. Верх-Катунское
Пивоварова А. Г. 1911 г. р. (из «россейских»), с. Верх-Катунское
Пивоварова А. Т. 1912 г. р. (из «россейских»), с. Верх-Катунское
Пивоварова Е. П. 1920 г. р. (из сибиряков), с. Верх-Катунское

• *2004 г. Чарышский район*

Абоимова М. М. 1919 г. р. (мать «курская», отец с Урала), с. Чарышское
Волкова Е. И. 1926 г. р. (мать из «вятских» переселенцев, отец из старожилов),
с. Чарышское
Иунихина З. П. 1928 г. р. (мать казачка, отец из «поляков»), с. Чарышское
Лямкина Е. И. 1919 г. р. (из кержачков), с. Чарышское
Скопинцева А. П. 1930 г. р. (мать сибирячка, отец из «воронежских»), с. Чарышское
Соснина М. Г. 1933 г. р., с. Чарышское
Пастухова М. Ф. 1919 г. р. (мать из старожилов, отец из «тамбовских»), с. Красный Партизан
Расторгуева Е. П. 1916 г. р. (кержачка), с. Красный Партизан
Кайгородова Е. П. 1932 г. р., с. Малый Башчелак
Комарова М. Н., 1922 г. р. (отец «воронежский», мать из казаков), с. Малый Башчелак
Никифорова В. П. 1933 г. р. (мать «вятская» из кержачков, отец сибиряк, мирской), с. Малый Башчелак
Черепанова Г. А. 1936 г. р. (кержачка), с. Малый Башчелак
Ашихмина Е. М. 1929 г. р. (мать кержачка, отец мирской), с. Ивановка
Куксина А. Е. 1909 г. р. (из кержачков), с. Ивановка
Орлова М. И. 1929 г. р. (из старожилов), с. Сентелек
Медведева П. К., 1932 г. р. (из «вятских» переселенцев), с. Маралиха
Белозерских А. Р. 1928 г. р. (кержачка), с. Маралиха
Алехина А. В. 1932 г. р., с. Березовка
Полеваева Н. Д. 1925 г. р. (из казаков), с. Тулата
Яковлева А. С. 1927 г. р. (из казаков), с. Тулата

• **2005 г. Шелаболихинский район**

- Волчкова М. В. 1928 г. р., с. Киприно
Маняхина А. Н. 1922 г. р. (из переселенцев, проживает в с. Ключи Тюменцевского района), с. Киприно
Немова М. Ф. 1928 г. р. (родилась в с. Малокрасноярка Кыштовского района Новосибирской обл.), с. Киприно
Павлова О.С. 1929 г. р. (из чалдонов), с. Киприно
Уперенко М. И. 1927 г. р. (мать украинка, отец русский), с. Киприно
Чиркова А. С. 1918 г. р. (из старожилов), с. Киприно
Косолапов А. Я. 1939 г. р. (из переселенцев), с. Селезнево
Карпов В. С. 1939 г. р. (из кержаков), с. Иня
Пройдакова Н. И. 1936 г. р. (из чалдонов), с. Иня
Тагильцева Е. О. 1931 г. р. (из чалдонов), с. Иня
Тенякшева Р. Д., 1932 г. р., с. Иня

• **2007 г. Быстроистокский район**

- Елтышева А. Я. 1923 г. р. (из «воронежских»), с. Быстрый Исток
Медведева Н. Ф. 1919 г. р. (из переселенцев), с. Быстрый Исток
Ольховик П. И. 1921 г. р. (русская, родилась в Воронежской обл.), с. Быстрый Исток
Бирюкова М. М. 1926 г. р., с. Верх-Ануйское
Елфимова М. П. 1919 г. р. (из переселенцев), с. Верх-Ануйское
Копылова О. А. 1930 г. р. (из «вологодских» переселенцев), с. Верх-Ануйское
Королькова А. Н. 1924 г. р. (из переселенцев), с. Верх-Ануйское
Шуховцова М. Н. 1918 г. р. (из старожилов), с. Верх-Ануйское

• **2008 г. Поспелихинский район**

- Быхуненко Е. А. 1935 г. р. (из «россейских»), с. Николаевка
Губаренко Е. Г. 1913 г. р. (из переселенцев), с. Николаевка
Иванова Н. С. 1917 г. р. (из сибиряков), с. Николаевка
Артюхова А. А. 1926 г. р. (из хохлов), пос. Гавриловский
Власенко Т. Д. 1927 г. р. (родители украинцы), с. Ивановка
Зорина Н. Н. 1925 г. р. (из «рязанских»), с. Ивановка
Бараненко А. М. 1918 г. р. (из «полтавских»), с. Клепечиха
Игнатенко Е. М. 1913 г. р. (из «полтавских»), с. Клепечиха
Толоконникова Ф. И. 1914 г. р. («рязанская»), с. Клепечиха

• **2009 г. Павловский район**

- Фандина М. В. 1919 г. р. (из сибиряков), пос. Красная Дубрава
Ушакова С. П. 1932 г. р. (из старожилов), пос. Красная Дубрава
Благочевская З. И. 1949 г. р. (из переселенцев), с. Рогозиха
Звягинцева А. П. 1932 г. р. (мать из «курских», отец из чалдонов), с. Рогозиха
Ефремова В. И. 1937 г. р. (из переселенцев), с. Павловск

Юдакова А. П. 1930 г. р. (из переселенцев), с. Бурановка
Вдовина А. И. 1935 г. р., с. Чернопятово
Дулелина В. И. 1924 г. р., с. Чернопятово
Речкунова В. И. 1932 г. р. (из старожилов), с. Чернопятово
Феневич Г. И. 1937 г. р., с. Чернопятово
Торышева А. А. 1924 г. р. (из старожилов), с. Касмала

• *2010 г. Романовский район*

Безнедельная А. А. 1923 г. р. (из украинских переселенцев), с. Романово
Заказова Ф. И. 1917 г. р. (из украинских переселенцев), с. Романово
Ковтун М. И. 1917 г. р. (из «черниговских»), с. Романово
Курашова Т. Е. 1926 г. р. (из переселенцев), с. Романово
Занкевич Н. А. 1936 г. р. (белоруска), с. Дубровино
Сердюк Е. Г. 1922 г. р. (из «хохлов»), с. Дубровино

• *2011 г. Волчихинский район*

Стешина А. А. 1934 г. р. (из сибиряков), с. Новокормиха
Феоктистова З. И. 1925 г. р. (из «полтавских»), с. Новокормиха
Орлова А. И. 1930 г. р. (из старожилов), с. Усть-Кормиха

*Архив ЛИК АлтГПА. Сектор этнографии и устной истории.
Фонд 8. Полевые материалы Н. С. Грибановой*

• *2004 г. Третьяковский район*

Бондарева И. И. 1920 г. р. (из «россейских»), с. Екатериновка
Голованова Е. Л. 1913 г. р. (из «поляков»), с. Екатериновка
Лопатина А. С. 1918 г. р. (из «воронежских»), с. Екатериновка
Раченкова М. С., 1926 г. р. (из «воронежских»), с. Екатериновка
Уварцева К. С. 1915 г. р. (переселенка из Самарской губ. 1921 г.), с. Екатериновка
Будянская Л. Н. 1924 г. р. (мать хохлушка, отец «пермский»), с. Староалейское
Егорова М. А. 1911 г. р. (из хохлов), с. Староалейское
Костюк А. А. 1925 г. р. (из старожилов), с. Староалейское
Матвеева К. Н. 1922 г. р. (из старожилов), с. Шипуниха

• *2004 г. Петропавловский район*

Вязигина П. Ф. 1924 г. р. (из переселенцев), с. Антоньевка
Малыгина М. П. 1909 г. р. (мать «сибирячка», отец «россейский»), с. Антоньевка
Нечаева Е. И. 1918 г. р. (из «россейских»), с. Антоньевка
Осипова Н. П. 1919 г. р. (из казаков), с. Антоньевка
Хабарова А. И. 1916 г. р. (из старожилов), с. Антоньевка

• *2004 г., 2006 г. Усть-Калманский район*

Горохова С. К. 1907 г. р. (из переселенцев), с. Усть-Калманка

Павлова М. Н. 1926 г. р. (из переселенцев), с. Усть-Калманка
Подкедова У. Ф. 1914 г. р. (из переселенцев), с. Усть-Калманка
Ситникова К. Г., 1915 г. р. (мать «кержачка», отец «россейский»), с. Усть-Калманка
Чувакина Е. С., 1912 г. р. (из переселенцев), с. Усть-Калманка
Бровкина Н. С. 1922 г. р. (из переселенцев), с. Михайловка
Кузнецова Ф. А. 1899 г. р. (из переселенцев), с. Михайловка
Харламова А. С. 1908 г. р. (из переселенцев), с. Васильевка
Грибанова З. М. 1937 г. р. (из переселенцев), с. Васильевка
Капустина В. К. 1929 г. р. (из переселенцев), с. Васильевка
Проскурина В. И. 1953 г. р. (из «воронежских»), с. Васильевка
Хитрова Т. А. 1929 г. р. (из «воронежских»), с. Васильевка

• **2013 г. Усть-Коксинский район Республики Алтай**

Кононова Е. М., 1939 г. р. (из старожилов), с. Верх-Уймон
Ленская М. И., 1961 г. р. (из старожилов), с. Верх-Уймон
Огнева В. Г., 1967 г. р. (из старожилов), с. Верх-Уймон
Огнева Л. И. 1963 г. р. (из старожилов), с. Верх-Уймон
Огнева В. Я. 1954 г. р. (мать из «рязанских», отец из старожилов)
Железнова Н. К., 1939 г. р. (из «вятских»), с. Мульты
Солонкина С. И. 1929 г. р. (алтайка), с. Тихонькая
Никонова Р. С. 1934 г. р., с. (алтайка), с. Тихонькая
Типикина В. Н., 1929 г. р. (из старожилов), с. Тихонькая

Материалы анкетирования

Архив ЛИК АлтГПА. Сектор ЭиУИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Материалы анкетирования 2002 г. по теме «Использование полотенец»
Архив ЛИК АлтГПА. Сектор ЭиУИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Материалы анкетирования 2004–2006 гг. по теме «Икона и полотенце в жилище сельского населения Алтайского края»
Архив ЛИК АлтГПА. Сектор ЭиУИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Материалы анкетирования 2005–2006 гг. по теме «Использование диалектных наименований полотенец в речи русского населения Алтая»

Музейные фонды

• **Государственные музеи**

Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул
Государственный художественный музей Алтайского края, г. Барнаул
Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, г. Горно-Алтайск
Новосибирский государственный краеведческий музей, г. Новосибирск
Томский областной краеведческий музей, г. Томск
Омский государственный историко-краеведческий музей, г. Омск

- *Муниципальные музеи*

Алейский историко-краеведческий музей, г. Алейск
Бийский краеведческий музей имени В. В. Бианки, г. Бийск
Волчихинский историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова, с. Волчиха, Волчихинский район
Залесовский районный краеведческий музей, с. Залесово
Историко-краеведческий музей Быстроистокского района, с. Быстрый Исток
Каменский краеведческий музей, г. Камень-на-Оби
Косихинский районный краеведческий музей, с. Косиха
Краснощековский районный краеведческий музей, с. Краснощеково
Мамонтовский районный краеведческий музей, с. Мамонтово
Музей истории Павловского района, с. Павловск
Новоалтайский краеведческий музей им. В. Я. Марусина, г. Новоалтайск
Поспелихинский районный краеведческий музей, с. Поспелиха
Романовский районный краеведческий музей, с. Романово
Солонешенский районный краеведческий музей, с. Солонешное
Соколовский историко-краеведческий музей, с. Соколово, Зональный район
Тальменский районный краеведческий музей, р. п. Тальменка
Усть-Калманский районный краеведческий музей, с. Усть-Калманка
Чарышский районный краеведческий музей, с. Чарышское
Шелаболихинский районный музей, с. Шелаболиха
Музей истории и культуры Уймонской долины, с. Верхний Уймон, Республика Алтай
Шемонаихинский историко-краеведческий музей, г. Шемонаиха, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан

- *Музеи научных и образовательных учреждений*

Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
Историко-краеведческий музей Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул
Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск
Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, г. Томск
«Музей старины», средняя школа с. Шахи Павловского района
Историко-краеведческий музей средней школы с. Верх-Озерное Быстроистокского района
Краеведческая комната средней школы с. Николаевка Поспелихинского района
Краеведческий музей «Русская изба» средней школы с. Староалейское Третьяковского района
Краеведческий музей средней школы с. Киприно Шелаболихинского района

Музей «Истоки» средней школы с. Клепечиха Поспелихинского района
Музей истории села Рогозиха, средней школы с. Рогозиха Павловского района
Музей истории села Селезнево, средней школы с. Селезнево Шелаболихинского района
Школьный краеведческий музей средней школы с. Верх-Ануйское Быстроистокского района
Школьный музей села Залесово Залесовского района
Школьный музей села Луговского Зонального района
Школьный музей села Сибирячихи Солонешенского района
Школьный музей села Плешково Зонального района
Школьный музей села Шипунихи Третьяковского района

Нарративные источники

- Герасимов, Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) / Б. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОИРГО. — Вып. IV. — Семипалатинск, 1909. — 122 с.
- Гуляев, С. И. Алтайские каменщики / С. И. Гуляев // Санкт-Петербургские ведомости. — СПб., 1845. — № 20–30. — С. 89–121.
- Гуляев, С. И. Этнографические очерки Южной Сибири / С. И. Гуляев // Библиотека для чтения. — Т. 90. Ч. 1. — СПб., 1848. — С. 1–58.
- Зобнин, Ф. К. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (Этнографический очерк) / Ф. К. Зобнин // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). — Усть-Каменогорск, 2004. — С. 199–219.
- Катанаев, Г. Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) / Г. Е. Катанаев // Записки ЗСОИРГО. — Омск : Тип. Окр. штаба, 1893. — Кн. XIV. Вып. II. — 38 с.
- Ледебур, К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер; пер. с нем. В. В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. — Новосибирск : ВО «Наука», Сиб. изд. фирма, 1993. — 415 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. — Т. 1–8. — СПб., 2004–2008.
- Швецова, М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОИРГО. — Омск : Тип. Окр. штаба, 1899. — Кн. XXVI. — С. 1–92.
- Швецова, М. Из поездки в Риддерский край / М. Швецова // Шарабарина Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.). — Усть-Каменогорск, 2004. — С. 220–234.
- Ядринцев, Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ / Н. М. Ядринцев // Записки ЗСОИРГО. — Омск : Тип. Окр. штаба, 1880. — Кн. 1–2. — С. 1–147.

Каталоги коллекций полотенec

- Абрамова, О. А. Текстильные изделия с вышивкой из собрания Тальменского краеведческого музея / О. А. Абрамова // *Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф.* Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. — С. 242–245.
- Гончарик, Н. П. Материалы экспедиций искусствоведа Л. И. Снитко на выставке «Живая старина» в Государственном художественном музее Алтайского края. Каталог / Н. П. Гончарик // *Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф.* Вып. 5. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. С. 253–261.
- Гончарик, Н. П. Народное искусство Залесовского района в Государственном художественном музее Алтайского края / Н. П. Гончарик // *Залесовское Причумышье : Очерки истории и культуры* / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 233–272.
- Жигунова, М. А. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского / М. А. Жигунова, И. В. Захарова. — Омск : Изд. дом «Наука», 2009. 266 с. — (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).
- Клокова, Л. И. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея / Л. И. Клокова, Л. В. Живова, М. В. Дубровская, И. В. Куприянова, Л. В. Корникова, Н. Г. Паньшина // *Залесовское Причумышье : Очерки истории и культуры* / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 272–296.
- Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / отв. ред. А. А. Лебедева, Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1994. — 153 с.
- Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района : каталог // *Солонешенский район : очерки истории и культуры : сб. науч.-практ. материалов* / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 311–353.
- Паньшина, Н. Г. Краткий каталог этнографических экспонатов, находящихся в музее с. Верх-Катунского Бийского района / Н. Г. Паньшина // *Бийский район : история и современность : в 2 т.* / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Т. 1. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 295–301.
- Раскевич, Т. В. Этнографическая коллекция русских в фондах ОГИК музея (перечень поступлений в фонд тканей 1975–1995 гг.) / Т. В. Раскевич // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея.* — № 5. — Омск, 1997. — С. 69–87.
- Фондовая коллекция отдела русской этнографии [электронный ресурс] // *Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник.* — Электрон. дан. — Режим доступа:

http://www.zvezdukino.narod.ru/page3_file/page1_1.htm, свободный (дата обращения: 9 июня 2011 г.).

Фурсова, Е. Ф. Приложение 2 : Описание женских рукоделий, предметов культа, хранившихся до 1999 г. в федосеевской моленной г. Новосибирска и зафиксированных в ходе экспедиций // Фурсова Е. Ф. Старообрядцы Васюганья : опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы / Е. Ф. Фурсова, А. И. Голомянов, М. В. Фурсова. — Новосибирск : АГРО-СИБИРЬ, 2003. — С. 200–212.

Словари

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — Т. 1. (А–З). — М. : Русский язык, 1989. — 700 с.; Т. 2. (И–О). — М. : Русский язык, 1989. — 779 с.; Т. 3. (П). — М. : Русский язык, 1990. — 555 с.; Т. 4. (Р–В). — М. : Русский язык, 1991. — 683 с.

Кудакова, Т. Н. Словарь говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края (материалы для сводного словаря) / Т. Н. Кудакова // Русские говоры на Алтае / отв. ред. М. И. Виноградова. — Барнаул, 1977. — С. 35–109.

Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. — Т. I. (А–Г). — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. — 241 с.; Т. II. Ч. 1 (Д–И). — 198 с.; Т. II. Ч. 2 (К). — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. — 140 с.; Т. III. Ч. 1 (Л–О). — 210 с.; Т. III. Ч. 2. (П). — 192 с.; Т. IV (Р–Я). — Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. — 265 с.

Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. — 605 с.

Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова; сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федотов. — Т. 1 (А–Г). — Новосибирск : Наука, 1999. — 304 с.; Т. 2 (К–Н). — 2001. — 392 с.; Т. 3 (О–П). — 2002. — 488 с.; Т. 4. (П–С). — 2005. — 508 с.; Т. 5. (Т–Я). — 2006. — 395 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — Т. 1–41. — Л., 1965 — СПб., 2007.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 19 / сост. А. Ф. Марецкая [и др.] — Л. : Наука, 1983. — 359 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 20. / сост. Н. И. Андреева-Васина. — Л. : Наука, 1985. — 376 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 29 / сост. Ю. Ф. Денисенко [и др.] — СПб. : Наука, 1995. — 346 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16 / сост. Н. И. Андреева-Васина. — СПб. : Наука, 2000. — 376 с.

Словарь русских народных говоров. — Вып. 35 / сост. Н. И. Андреева-Васина. — СПб. : Наука, 2001. — 360 с.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. — Т. 1. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1964. —

- 143 с.; Т. 2. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1965. — 233 с.; Т. 3. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1967. — 249 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР, Ин-т рус. языка. — Вып. 12: О — Опарный; сост. Л. Ю. Астахина [и др.] — М. : Наука, 1987. — 381 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР, Ин-т рус. языка. — Вып. 16: Поднавесь — Поманути; сост. Г. А. Богатова [и др.] — М. : Наука, 1990. — 294 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Академия наук СССР, Ин-т рус. языка. — Вып. 22: Раскидаться — Ряшенко; сост. К. А. Максимович [и др.] — М. : Наука, 1997. — 297 с.
- Словарь русского языка XVIII века : правила пользования словарем : указатель источников / Академия наук СССР, Ин-т русского языка — Л. : Наука, 1984. — 141 с.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. М. С. Шевелевой. — Изд. 3-е, стереотип. — Т. III (П–Р). — М. : Русский язык, 1987. — 750 с.
- Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 181 с.
- Среднеобский словарь (Дополнение). Ч. 1. / под ред. В. В. Палагиной — Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1983. — 180 с.
- Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3, Р–W : [репринт. воспр. изд. 1893 г.] / И. И. Срезневский. — М. : Госиздат иностр. и нац. словарей, 1958. — 1684 стб.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер : в 4 т. Изд. 4-е, стереотипное. — Т. 4. — М. : Астрель, 2003. — 864 с.

Фольклорные источники

- Великорусские загадки / предисл. И. А. Худякова // Этнографический сборник. — Вып. VI. — СПб., 1864.
- Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. — Т. 1. Вып. 1. — Красноярск, 1902. — С. 1–200.

Литература

- Абрамова, О. А. Свадьба села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края / О. А. Абрамова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4 : материалы науч.-практ. конф. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щеголовой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 189–199.
- Авдошкина, Н. Н. Полотенце в традиционной культуре мордвы и русских, проживающих в Республике Мордовия : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Авдошкина. — Саранск, 2005. — 18 с.

- Амброз, А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А. К. Амброз // Советская этнография. — 1966. — № 1. — С. 61–76.
- Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская этнография. — 1965. — № 3. — С. 14–27.
- Артюх, Л. Ф. Этнические символы в материальной культуре украинцев / Л. Ф. Артюх, Т. В. Космина // Советская этнография. — 1989. — № 6. — С. 46–53.
- Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов, С. И. Рыжакова. — М. : Весь Мир, 2004. — 216 с. — (Серия «Аудитория»).
- Арутюнов, С. А. Народы и культуры : развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. — М. : Наука, 1989. — 247 с.
- Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 224 с. — (Studia philologica. Series minor).
- Байрамова, Т. Ф. Русские говоры Алтая : хрестоматия / Т. Ф. Байрамова, Г. П. Луппова, В. Я. Сенина. — Бийск : Изд-во БИГПИ, 1991. — 100 с.
- Бардина, П. Е. Узорное ткачество и ковровоизделие русского населения Томской области / П. Е. Бардина // Искусство и фольклор народов Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. — С. 67–79.
- Беляева, Г. Г. Шитое полотенце Омского Прииртышья конца XIX — первой половины XX вв. : вопросы атрибуции / Г. Г. Беляева // Русский вопрос : история и современность. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. — С. 156–158.
- Беляева, Г. Г. Полотенце и его функции в культуре XX столетия / Г. Г. Беляева // Беляева Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX — XX веков. Полотенца / Г. Г. Беляева. — Омск : Изд. дом «Наука», 2006. — С. 3–5.
- Беляева, Г. Г. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX — XX веков. Полотенца / Г. Г. Беляева. — Омск : Изд. дом «Наука», 2006. — 82 с.
- Бережнова, М. Л. О соотношении духовного и материального в похоронном обряде русских / М. Л. Бережнова // Русский вопрос : история и современность. — Омск, 1994. — Ч. II. — С. 52–56.
- Бережнова, М. Л. Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья / М. Л. Бережнова // Этнографо-археологические комплексы : проблемы культуры и социума. Т. 2. Культура тарских татар. — Новосибирск : Наука, 1997. — С. 163–177.
- Бережнова, М. Л. Представления о связях реального и потустороннего мира через умерших у русских Среднего Прииртышья (по материалам этнографической экспедиции 1996 года) / М. Л. Бережнова // Русский вопрос : история и современность : материалы третьей всерос. науч. конф. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 227–231.
- Бережнова, М. Л. Ткачество русских крестьян юга Западно-Сибирской равнины в конце XIX — первой трети XX в. / М. Л. Бережнова // Народы Сиби-

- ри и сопредельных территорий / отв. ред. Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995. — С. 186–200.
- Блинова, Т. Рушники центральной России — наше языческое настоящее. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://sva-slava.narod.ru/nasledie_rukodelie/rushniki.htm (дата обращения: 06.02.2009).
- Бломквист, Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев / Е. Э. Бломквист // Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. — Л., 1930. — С. 397–432. — (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Сер. Казахстанская).
- Бломквист, Е. Э. Кто такие бухтарминские старообрядцы / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова // Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. — Л., 1930. — С. 1–48. — (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Сер. Казахстанская).
- Бломквист, Е. Э. Полотенце в русском быту / Е. Э. Бломквист // Русский музей. Этнографический отдел. — Л. : Гос. тип. им. Ив. Федорова, 1926. — С. 25–28.
- Бломквист, Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев / Е. Э. Бломквист // Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. — Л., 1930. — С. 193–312. — (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Сер. Казахстанская).
- Болотова, Е. А. «Брачный рынок» у русских крестьян в первой трети XX в. (на примере сел Бийского района) / Е. А. Болотова // Бийский район : история и современность : в 2 т. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — Т. 1. — С. 185–189.
- Болотова, Е. А. Похоронный обряд русских старожилов с. Верх-Катунское : сравнительно-исторический анализ / Е. А. Болотова // Бийский район : история и современность : в 2 т. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — Т. 1. — С. 209–213.
- Боровцова, Т. А. Традиции закладного ткачества русских крестьян на Алтае // Вторые искусствоведческие Снитковские чтения : сб. материалов 10-й науч.-практ. конф. 2006 г. / Т. А. Боровцова / под ред. Л. Г. Красноцветовой-Тощкой, И. К. Галкиной. — Барнаул : ООО «Типография Графика», 2007. — С. 134–138.
- Бородаев, В. Б. Исторический атлас Алтайского края : картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Азбука, 2006. — 136 с.
- Вакуров, В. Н. Обрядовое полотенце / В. Н. Вакуров // Русская речь. — 1989. — № 5 (сентябрь–октябрь). — С. 137–141.
- Власова, И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) / И. И. Власова // Русские : семейный и общественный быт. — М. : Наука, 1989. — С. 24–44.
- Водарский, Я. Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий / Я. Е. Водарский, Э. Г. Истомина. — М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2004. — 516 с.

- Гаген-Торн, Н. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья (к вопросу о происхождении оберега) / Н. Гаген-Торн // Известия на Етнографския институт и музей. — София, 1963. — Кн. VI. — С. 279–290.
- Гаген-Торн, Н. И. Обрядовые полотенца у народностей Поволжья / Н. И. Гаген-Торн // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 6. — С. 103–117.
- Головачев, П. Сибирь : Природа. Люди. Жизнь. — М. : Тип. т-ва И. П. Сытина, 1905. — 401 с.
- Голубкова, О. В. К вопросу о символике прялки, полотна, нити и рукоделия в традиционной культуре восточных славян Сибири / О. В. Голубкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, дек. 2001 г. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. — Новосибирск, 2001. — Т. 7. — С. 511–514.
- Горожанина, С. В. Русский народный свадебный костюм. Из собрания Сергиево-Посадского гос. историко-художественного музея-заповедника / С. В. Горожанина, Л. М. Зайцева. — М., 2003. — 128 с.
- Грибанова, Н. С. Полотенца русских крестьянок в собрании историко-краеведческого музея БГПУ : каталог / Н. С. Грибанова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 4 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 233–244.
- Грибанова, Н. С. Методика описания орнаментированного полотенца как музейного предмета / Н. С. Грибанова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. — С. 262–264.
- Грибанова, Н. С. Орнаментированные полотенца русского населения Среднего Прииртышья конца XIX — первой трети XX в. (по материалам коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея) / Н. С. Грибанова // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. — Омск : ОГИК музей, 2006. — С. 59–65.
- Грибанова, Н. С. Культура населения Мамонтовского района в коллекциях районного историко-краеведческого музея : каталог / Н. С. Грибанова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф. Вып. 7 / под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. — С. 155–171.
- Гринкова, Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев / Н. П. Гринкова // Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. Л., 1930. С. 313–396. — (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Сер. Казахстанская).
- Громыко, М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX веков / М. М. Громыко // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII–XX вв. — Новосибирск : Наука, 1975. — С. 71–102.
- Дмитриев, В. А. О методологии музейной систематики в этнографии / В. А. Дмитриев // Проблемы классификации, типологии, систематизации

- в этнографической науке : материалы пятых Санкт-Петербург. этногр. чтений. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 7–13.
- Елизарова, Л. И. К вопросу об орнитоморфных мотивах в русской крестьянской вышивке (обзор коллекции полотенец Восточно-Казахстанского областного этнографического музея) / Л. И. Елизарова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. — С. 269–272.
- Жигунова, М. А. Культурное наследие сибирского казачества и современность / М. А. Жигунова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 210–212.
- Жигунова, М. А. Материалы по свадьбе сибирских казаков / М. А. Жигунова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 5. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. — С. 97–101.
- Жигунова, М. А. О традиционных верованиях сибирского казачества / М. А. Жигунова // Культурологические исследования в Сибири. — Омск : Изд-во ОмГПУ; ООО Изд. дом «Наука», 2004. — № 1 (12). — С. 84–94.
- Жигунова, М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века / М. А. Жигунова. — Омск : Изд. дом «Наука», 2004. — 228 с.
- Жигунова, М. А. Русские Западной Сибири : проблемы самосознания и культуры / М. А. Жигунова // Русские : материалы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Тюмень, 2004. — С. 344–349.
- Жигунова, М. А. Об основных тенденциях развития культуры жизнеобеспечения у русского населения Западной Сибири в XX в. / М. А. Жигунова, О. Н. Шелегина // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 79–84.
- Жигунова, М. А. Обряды жизненного цикла сибирских казаков / М. А. Жигунова // Культурологические исследования в Сибири. — Омск : ООО Изд. дом «Наука», 2005. — № 1 (15). — С. 83–94.
- Жигунова, М. А. Родины и крестины у русских Западной Сибири (XX век) / М. А. Жигунова // Народы и культуры Сибири : изучение, музеефикация, преподавание / отв. ред. М. Л. Бережнова, Н. А. Томилов. — Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2005. — С. 184–194.
- Жигунова, М. А. Изучение русской культуры Сибири во второй половине XX века / М. А. Жигунова // Культурологические исследования в Сибири. — 2005. — № 2 (16). — С. 18–29.
- Жигунова, М. А. Какие мы теперь, русские? / М. А. Жигунова // Родина. — 2011. — № 3. — С. 15–18.

- Жигунова, М. А. Этнокультурная идентичность русских : современные проблемы изучения и сохранения / М. А. Жигунова // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. — М., 2011. — С. 337–350.
- Жигунова, М. А. Некоторые проблемы, методы и результаты исследований русской культуры в Сибири / М. А. Жигунова // Культурологические исследования в Сибири. — 2006. — № 2 (19). — С. 20–26.
- Жигунова, М. А. Русские / М. А. Жигунова, В. А. Исупов, О. Н. Шелегина // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. II. — С. 794–798.
- Жигунова, М. А. Сибиряки / М. А. Жигунова, Е. Ф. Фурсова // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. III. — С. 101–102.
- Забылин, М. Русский народ : обычаи, обряды, предания, суеверия / М. Забылин. — М. : Русская книга, 1996. — 494 с.
- Зеленин, Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) / Д. К. Зеленин // Живая старина. — СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1912. — С. 1–14.
- Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин; пер. с нем. К. Д. Цивинной. — М. : Наука, 1991. — 511 с.
- Золотова, Т. Н. «Сгинь, нечистая сила!..» Как защищались от «злых сил» сибирские старожилы / Т. Н. Золотова // Родина. — 2003. — № 2. — С. 74–77.
- Зорин, Н. В. Обрядовые функции одежды в русском свадебном ритуале Среднего Поволжья / Н. В. Зорин // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. — С. 49–73.
- Зорин, Н. В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья / Н. В. Зорин, Н. В. Лештаева // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. — С. 104–129.
- Зорин, Н. В. Символы невесты в русских свадебных обрядах / Н. В. Зорин // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. — С. 38–49.
- Исаев, В. В. Формирование казачества на территории Алтая в XVIII — начале XX века / В. В. Исаев // Сибирское казачество: история и современность / под ред. М. А. Жигуновой, Н. А. Томилова. — Омск : Изд. дом «Наука», 2011. — С. 106–114.
- Историческое и культурное наследие алтайской деревни : материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории : метод. пособие / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : БГПУ, 2006. — 108 с. — (Этнография и устная история Алтайского края).
- Каплан, Н. И. Очерки по народному искусству Алтая / Н. И. Каплан. — М. : Госместпромиздат, 1961. — 96 с.
- Карамзин, Н. И. История государства Российского [в 3 кн. с прил.]. Кн. 1. Т. I / Н. М. Карамзин. — М. : Книга, 1988. — 691 с.

- Кидяева, Г. В. Православие в крестьянской среде Бийского Приобья в XX веке : по материалам этнографической экспедиции 2002 г. / Г. В. Кидяева // Зональный район : история, люди, судьбы. — Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. — С. 322–326.
- Кимеев, В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости / В. М. Кимеев. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. — 250 с.
- Кирюшина, Ю. В. Мотив виноградной лозы на предметах декоративно-прикладного искусства из музея училища №23 Барнаула / Ю. В. Кирюшина // Актуальные вопросы истории Сибири. III науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина : материалы Всерос. конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Бородавкина. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2002. — С. 351–353.
- Кожевникова, Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера / Л. А. Кожевникова // Русское народное искусство Севера / под ред. И. Я. Богуславской, В. А. Суслова. — Л. : Советский художник, 1968. — С. 107–121.
- Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров; сост., предисл., примеч. С. Л. Николаева. — М. : Экономика, 1993. — 399 с.
- Кремлева, И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И. А. Кремлева // Русские. / отв. ред. В.А. Александров. — М. : Наука, 1999. — С. 517–532.
- Крюков, М. В. О принципах типологического исследования явлений культуры / М. В. Крюков // Советская этнография. — 1983. — № 5. — С. 3–13.
- Кряжева, Я. С. Знак в традиционной культуре русских : полотенце как элемент погребальной обрядности / Я. С. Кряжева // Историко-культурное наследие Северной Азии : итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. — С. 513–515.
- Куприянова, И. В. Некоторые моменты родильно-крестильной обрядности в селах Алтайского края (Алтайский, Змеиногорский, Заринский, Солонешенский районы) / И. В. Куприянова // Этнография Алтая : материалы II науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 1996. — С. 170–181.
- Куприянова, И. В. Орнаменты вышивки на тканях Солонешенского района / И. В. Куприянова // Солонешенский район : очерки истории и культуры : сб. науч.-практ. материалов / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 190–198.
- Куприянова, И. В. Семейные обычаи и обряды / И. В. Куприянова // Залесовское Причумышье : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 196–210.
- Курсакова, А. В. Крещение на дому в крестьянских семьях Алтая в период коллективизации / А. В. Курсакова // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры / отв. ред. О. Н. Труевцева. — Барнаул : Изд-во АГИИК, 2002. — Вып. 2. — С. 214–217.

- Курсакова, А. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) / А. В. Курсакова // Солонешенский район : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 281–287.
- Курсакова, А. В. Родильно-крестильная обрядность Бийского района / А. В. Курсакова // Бийский район: история и современность : в 2 т. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Т. 1. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 171–185.
- Курсакова, А. В. Специфика бытования родильно-крестильной обрядности в с. Новоалейке Третьяковского района Алтайского края в 30–60-х годах XX века / А. В. Курсакова // Снитковские чтения : материалы науч.-практ. конф. 2002 и Всеросс. науч. конф. 2004 г. — Барнаул : Алт. дом печати, 2005. — С. 232–236.
- Курсакова, А. В. Традиции, связанные с рождением и воспитанием детей / А. В. Курсакова // Залесовское Причумышье : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 210–213.
- Кучуганова, Р. П. Мудрость уймонских старцев / Р. П. Кучуганова. — Новосибирск : Сибирское соглашение, 2008.
- Кучуганова, Р. П. Уймонские староверы : Заговоры. Старинные рецепты. Пословицы. Поговорки. Народные приметы / Р. П. Кучуганова. — Новосибирск : Сибирское соглашение, 2000. — 160 с.
- Кучуганова, Р. П. Через лютую боль с чистым сердцем остаться / Р. П. Кучуганова. — М. : ПОНИ, 2010. — 152 с.
- Лебедева, А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. / А. А. Лебедева // Русские : семейный и общественный быт. — М. : Наука, 1989. — С. 229–248.
- Лебедева, А. А. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII–XX вв.) / А. А. Лебедева, В. А. Липинская, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. — М. : Наука, 1974. — С. 22–49.
- Лебедева, А. А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX — начало XX в.) / А. А. Лебедева // Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. — Л. : Наука, 1978. — С. 202–219.
- Лебедева, А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. А. Лебедева // Советская этнография. — 1977. — № 3. — С. 104–116.
- Лебедева, А. А. Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — начало XX в.) / А. А. Лебедева // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. — М. : Наука, 1979. — С. 223–247.
- Лебедева, Н. И. Прядение и ткачество восточных славян / Н. И. Лебедева // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной матери-

- альной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — С. 461–539.
- Лештаева, Н. В. Функции членов семьи в обрядах, связанных с рождением ребенка, у русского населения Казанского Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. / Н. В. Лештаева // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. — С. 83–103.
- Липинская, В. А. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края / В. А. Липинская // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969.
- Липинская, В. А. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа / В. А. Липинская, А. В. Сафьянова // Русский народный свадебный обряд : исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. — Л. : Наука, 1978. — С. 180–201.
- Липинская, В. А. Семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. / В. А. Липинская // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVII — начала XX в. / отв. ред. : Л. М. Русакова, Н. А. Миненко. — Новосибирск : Наука, 1985. — С. 64–72.
- Липинская, В. А. Старожилы и переселенцы : русские на Алтае : XVIII — начало XX в. / В. А. Липинская; отв. ред. В. А. Александров. — М. : Наука, 1996. — 268 с.
- Листова, Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни / Т. А. Листова // Русские / отв. ред. В. А. Александров. — М. : Наука, 1997. — С. 500–517.
- Листова, Т. А. Традиции трудового воспитания в деревне / Т. А. Листова // Русские : историко-этнографические очерки / отв. ред. Г. А. Носова. — М., б. и., 1997. — С. 114–142.
- Лукина, Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка / Г. Н. Лукина; отв. ред. Л. П. Жуковская. — М. : Наука, 1990.
- Любимова, Г. В. Иконы в народной религиозной практике сельского населения Сибири / Г. В. Любимова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. — Т. XI, Ч. II. — С. 113–117.
- Люцидарская, А. А. Бытование икон в Сибири в XVII в. / А. А. Люцидарская // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. / отв. ред. : Ф. Ф. Болонев, Е. Ф. Фурсова. — Новосибирск, 2003. — С. 172–176. — (Этнография Сибири).
- Майничева, А. Ю. Крестьянское жилище северной части Верхнего Приобья в конце XIX — начале XX в. / А. Ю. Майничева // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. — Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. — С. 106–145.

- Майничева, А. Ю. Семантика печи в культуре сибиряков-старожилов Верхне-го Приобья / А. Ю. Майничева // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 3. — С. 62–65.
- Макашина, Т. С. Свадебный обряд / Т. С. Макашина // Русский Север : этническая история и народная культура. XII–XX века. — М. : Наука, 2004. — С. 473–574.
- Мамонтова, О. С. Традиционная культура казаков Чарышского района (по материалам экспедиции 2007 г. Алтайского государственного краеведческого музея) / О. С. Мамонтова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г. : Археология, этнография, устная история. Вып. 4 : материалы IV регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2007 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина. — Барнаул : АлтГПА, 2009. — С. 122–127.
- Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. — Ереван : Изд-во АН Армян. ССР, 1969. — 228 с.
- Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. / Г. С. Маслова. — М. : Наука, 1984. — 216 с.
- Маслова, Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г. С. Маслова. — М. : Наука, 1978. — 207 с.
- Матвеев, А. В. Жилище-дверь-двор-ворота в горизонтальной структуре мифологического пространства русских XIX — первой половины XX в. (по материалам Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири : научные поиски молодых исследователей / отв. ред. Т. Г. Леонова. — Омск : ОмГПУ, 2001. — С. 131–136.
- Материальная культура Сибири : Материальная культура русских крестьян Алтая : учеб.-метод. пособие / сост. И. В. Куприянова. — Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2009. — 140 с.
- Миненко, Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века / Н. А. Миненко // Советская этнография. — 1971. — № 3. — С. 91–103.
- Мотузная, В. И. Похоронная обрядность населения Солонешенского района / В. И. Мотузная // Солонешенский район : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 288–291.
- Мотузная, В. И. Свадебный обряд сибирских старожилов Заринского района Алтайского края / В. И. Мотузная // Хранители наследия / гл. ред. А. С. Кондыков. — Барнаул : Изд-во АГИИК, 2003. — Вып. 1. — С. 60–61.
- Мотузная, В. И. Свадебный обряд староверов села Боровлянка Заринского района / В. И. Мотузная // Залесовское Причумышье : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 187–195.
- Мотузная, В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района / В. И. Мотузная // Солонешенский район : Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 255–280.

- Мужики и бабы : Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зими-на [и др.]. — СПб. : Искусство-СПб., 2005. — 688 с.
- Народы Западной и Средней Сибири : Культура и этнические процессы / Ш. К. Ахметова, О. М. Бронникова, М. А. Жигунова [и др.]. — Новосибирск : Наука, 2002. — 325 с. — (Культура народов России; Т. 6).
- Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994. — 475 с.
- Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1995. — 639 с.
- Паньшина, Н. Г. Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края / Н. Г. Паньшина // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 3 / отв. ред. : М. А. Демин, Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998. — С. 136–154.
- Паньшина, Н. Г. Элементы свадебной обрядности в селах Бийского района (по материалам экспедиции 2003 г.) / Н. Г. Паньшина // Бийский район : история и современность : в 2 т. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Т. 1. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 190–209.
- Пермиловская, А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века) / А. Б. Пермиловская. — Архангельск : Правда Севера, 2005. — 312 с.
- Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края : каталог / сост. Н. С. Грибанова, И. В. Попова. — Барнаул : Алт. дом печати, 2013. — 44 с.
- Попова, И. В. Полевые этнографические сборы Алтайского государственного краеведческого музея. Краснощековский район, 2005 г. / И. В. Попова, О. С. Мамонтова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. : Археология, этнография, устная история. Вып. 3 : материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. — С. 176–180.
- Попова, Л. Н. Коллекция предметов ткачества в районном краеведческом музее с. Усть-Пристань / Л. Н. Попова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 4. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 245–248.
- Руднев, В. А. Древо жизни : об истоках народных и религиозных обрядов / В. А. Руднев. — Л. : Лениздат, 1989. — 160 с.
- Русакова, Л. М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок / Л. М. Русакова // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–XX в. — Новосибирск : Наука, 1985. — С. 121–138.
- Русакова, Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая / Л. М. Русакова // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. — Новосибирск : Наука, 1983. — С. 99–125.

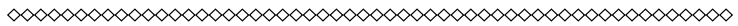
- Русакова, Л. М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) / Л. М. Русакова // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири / отв. ред. Л. М. Русакова. — Новосибирск, 1983. — С. 104–126.
- Русакова, Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири / Л. М. Русакова. — Новосибирск : Наука. 1989. — 176 с.
- Русская изба : иллюстрированная энциклопедия. Внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяйственная утварь / авт.-сост. : Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская [и др.]. — СПб. : Искусство-СПб, 1999. — 375 с. — (История в зеркале быта).
- Русская топонимия Алтая / под ред. И. А. Воробьевой. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983. — 256 с.
- Русские. Этносоциологические очерки. — М. : Наука. 1992. — 464 с.
- Русские : история и этнография / под ред. И. В. Власовой, В. А. Тишкова. — М. : АСТ : Олимп, 2008. — 751 с.
- Рыбаков, Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве / Б. А. Рыбаков // Советская этнография. — 1948. — № 1. — С. 90–106.
- Сигарева, М. Н. Обряд повивания невесты как семантический комплекс (на материале традиционной свадьбы с. Камышенка Петропавловского района) / М. Н. Сигарева // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — С. 130–132.
- Система научного описания музейного предмета : классификация, методика, терминология : справочник. — СПб. : Арт-люкс, 2003. — 408 с.
- Скосырская, Е. В. Антропоморфные изображения на русских домотканых полотенцах из собрания Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина / Е. В. Скосырская // Хранители наследия. Вып. 1 / гл. ред. А. С. Кондыков. — Барнаул : Изд-во АГИИК, 2003. — С. 63–65.
- Соловьева, С. А. Орнаментированные полотенца русских крестьянок Алтая (из собрания Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки) / С. А. Соловьева // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 4 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 87–89.
- Станюкович, Т. В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища / Т. В. Станюкович // Русские : историко-этнографический атлас. — М. : Наука, 1970. — С. 61–88.
- Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов : избранные труды / Н. Ф. Сумцов. — М. : Вост. лит., 1996. — 296 с.
- Терещенко, А. В. История культуры русского народа / А. В. Терещенко. — М. : Эксмо, 2007. — 736 с.
- Ткань. Ритуал. Человек : Традиции ткачества славян Восточной Европы / авт.-сост. : О. В. Лысенко, С. В. Комарова. — СПб. : Астур, 1992. — 48 с.

- Томилов, Н. А. Русский вопрос на современном этапе // Русский вопрос: история и современность : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1–2 нояб. 2005 г. / под ред. М. А. Жигуновой, Т. Н. Золотовой. — Омск : Изд. дом «Наука», 2005. — С. 3–6.
- Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в. — М. : Наука, 1997. — 397 с.
- Туган-Барановский, М. И. Очерк развития мануфактурной промышленности в России / М. И. Туган-Барановский // Вестник мануфактурной промышленности. — М., 1912. — С. 548–574.
- Тульцева, Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л. А. Тульцева; отв. ред. Ю. В. Бромлей. — М. : Наука, 1985. — 191 с. — (Сер. Страны и народы).
- Федянович, Т. П. Обычаи и обряды: их место и роль в жизни этноса (по материалам народов Урало-Поволжья) / Т. П. Федянович // Расы и народы : Современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. А. Д. Коростелев. — М. : Наука, 1971. — Вып. 29.
- Фетисова, Л. Е. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.): адаптационный аспект / Л. Е. Фетисова, Г. Г. Ермак, М. Б. Сердюк. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — 192 с.
- Фурсова, Е. Ф. Зооморфные орнаментальные композиции в традиционно-бытовой культуре восточных славян юга Западной Сибири / Е. Ф. Фурсова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 4 (36). — С. 95–106.
- Фурсова, Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — XX вв.). Ч. I. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода / Е. Ф. Фурсова. — Новосибирск : Агро, 2002. — 287 с.
- Фурсова, Е. Ф. Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий / Е. Ф. Фурсова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — № 1 (21). — С. 128–140.
- Фурсова, Е. Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири / Е. Ф. Фурсова // Орнамент народов Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. — Томск, 1992. — С. 127–147.
- Фурсова, Е. Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX — начала XX века / Е. Ф. Фурсова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2006. — № 2 (26). — С. 126–136.
- Фурсова, Е. Ф. Символика антропоморфных орнаментов в рукоделиях сибирских мастериц (старообрядок Васюганья) / Е. Ф. Фурсова // Мастер и народная художественная традиция русского Севера : сб. науч. докл. III науч. конф. «Рябининские чтения 99». — Петрозаводск, 2000.

- Фурсова, Е. Ф. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы / Е. Ф. Фурсова, А. И. Голомянов, М. В. Фурсова. — Новосибирск : АГРО-СИБИРЬ, 2003. — 276 с.
- Фурсова, Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья / Е. Ф. Фурсова // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды / отв. ред. И. Н. Гемуев, Е. Ф. Фурсова. — Новосибирск, 1998. — С. 98–128.
- Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.) / Е. Ф. Фурсова. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. — 152 с.
- Фурсова, Е. Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири : типология, идентичность, межкультурные взаимодействия / Е. Ф. Фурсова // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. / отв. ред. : А. П. Деревянко, В. И. Молодин. — М. : Наука, 2006. — Кн. 1. — 2006. — С. 427–441.
- Цеханская, К. В. Икона в русском доме / К. В. Цеханская // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 4. — С. 71–84.
- Чагин, Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века : учеб. пособие / Г. Н. Чагин. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 184 с.
- Черных, А. «Из-под кустичку цветок выткан поесок...». Тексты на Прикамском крестьянском текстиле / А. Черных // Родина. — 2003. — № 2. — С. 114–117.
- Чеснов, Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры / Я. В. Чеснов // Проблемы типологии в этнографии. — М. : Наука, 1979. — С. 189–203.
- Чижикова, Л. Н. Сельские жилища в XVIII — начале XX в. / Л. Н. Чижикова // Русские. Народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. — С. 133–151.
- Шангина, И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. И. Шангина. — М., 1975. — 17 с.
- Шангина, И. И. Роль полотенца в погребальной и поминальной обрядности русских крестьян XIX в. / И. И. Шангина // Тез. докл. Всесоюз. науч. сессии, посвящ. итогам полевых работ. — Тбилиси, 1971. — С. 70–71.
- Шангина, И. И. Русский традиционный быт : Энциклопедический словарь / И. И. Шангина. — СПб. : Азбука-классика, 2003. — 688 с.
- Шарабарина, Т. Г. Выстроченные узоры русских крестьянок Южного и Юго-Западного Алтая начала XX в. / Т. Г. Шарабарина // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. — С. 150–154.
- Шарабарина, Т. Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX — середина XX вв.) / Т. Г. Шарабарина. — Усть-Каменогорск, 2004. — 250 с.

- Шитова, Н. И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев / Н. И. Шитова. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. — 112 с.
- Шофранская, З. Д. Классификация молдавских полотенец / З. Д. Шофранская // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: материалы Пятых Санкт-Петербург. этногр. чтений. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 40–44.
- Щеглова, Т. К. Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX в.: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. / Т. К. Щеглова // Этнография Алтая : материалы II науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул: БГПУ, 1996. — С. 93–105.
- Щеглова, Т. К. Избяная литургия. Традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиций) / Т. К. Щеглова // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. — Барнаул, 1997. — Вып. XVIII. — С. 253–257.
- Щеглова, Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность / Т. К. Щеглова // Краеведческие записки / Управление Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. — Барнаул : ОАО «ИПП „Алтай“», 2009. — Вып. 8. — С. 119–134.
- Щеглова, Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность / Т. К. Щеглова // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. — Новосибирск, 2005. — С. 111–124.
- Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : монография / Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. — 528 с.
- Щеглова, Т. К. Устная история : учеб. пособие / Т. К. Щеглова. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 364 с.
- Щербик, Г. А. Вышивка на изделиях русских крестьянок (из фондов Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея) / Г. А. Щербик // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 162–177.
- Явнова, Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая (на примере похоронной обрядности) / Л. А. Явнова // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 4 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 131–133.
- Явнова, Л. А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX — первой трети XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Явнова. — Новосибирск, 2002. — 31 с.
- Явнова, Л. А. Символика элементов свадебного обряда русского населения Алтая второй пол. XIX — начала XX вв. / Л. А. Явнова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 3. — С. 56–59.

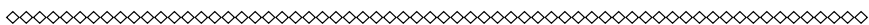
Список сокращений

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АИКМ – Алейский историко-краеведческий музей
АК – Алтайский край
АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БКМ – Бийский краеведческий музей имени В. В. Бианки
БРКМ – Благовещенский районный краеведческий музей
ВКО – Восточно-Казахстанская область
ВКОЭМ – Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник
ВРКМ – Волчихинский историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова
ГХМАК – Государственный художественный музей Алтайского края
ЗИРГО – Записки Императорского русского географического общества
ЗМКМ – Заринский межпоселенческий краеведческий музей
ЗРКМ – Залесовский районный краеведческий музей
ЗСОИРГО – Западно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИКМ АлтГПА – Историко-краеведческий музей Алтайской государственной педагогической академии
ИКМБР – Историко-краеведческий музей Быстроистокского района
ИКМН – Историко-краеведческий музей с. Новиково Бийского района
ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция
ККМ – Каменский краеведческий музей
КП – книга поступлений
КПА – коллекция полотенец автора
КРКМ – Краснощековский районный краеведческий музей
ЛИК АлтГПА – Лаборатория исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИКНС СО РАН – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения Российской академии наук
МИПР – Музей истории Павловского района

МИСР – Музей истории села Рогозиха Павловского района
МИСС – Музей истории села Селезнево Шелаболихинского района
МРКМ – Мамонтовский районный краеведческий музей
МСВК – Музей села Верх-Катунское Бийского района
МСС – Музей села Сибирячиха Солонешенского района
НВФ – научно-вспомогательный фонд
НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей
НКМ – Новоалтайский краеведческий музей им. В. Я. Марусина
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина
НСО – Новосибирская область
ОГКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОФ – основной фонд
ПМА – полевые материалы автора
ПРКМ – Пospelихинский районный краеведческий музей
РА – Республика Алтай
РК – Республика Казахстан
РКМК – Косихинский районный краеведческий музей
РРКМ – Романовский районный краеведческий музей
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.
СРГА – Словарь русских говоров Алтая
СРГС – Словарь русских говоров Сибири
СРКМ – Солонешенский районный краеведческий музей
СРНГ – Словарь русских народных говоров
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей
ТРКМ – Тальменский районный краеведческий музей
УРКМ – Усть-Калманский районный краеведческий музей
ЧРКМ – Чарышский районный краеведческий музей
ШИКМ – Шемонаихинский историко-краеведческий музей
ШМСВА – школьный музей с. Верх-Ануйского Быстроистокского района
ШМСВО – школьный музей с. Верх-Озерного Быстроистокского района
ШМСЗ – школьный музей с. Залесово Залесовского района
ШМСЛ – школьный музей с. Луговского Зонального района
ШМСН – школьный музей с. Николаевка Пospelихинского района
ШМСС – школьный музей с. Сибирячиха Солонешенского района
ШМСП – школьный музей с. Плешково Зонального района
ШМСШ – школьный музей с. Шипуниха Третьяковского района
ШРМ – Шелаболихинский районный музей
ЭО – Этнографическое обозрение

Примечания

Примечания к цв. ил. 1. Карта расселения казаков, «поляков», бухтарминских и уймонских каменщиков на территории Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. (цв. вкладка)

Топографическая основа: Карта Алтайского округа. Составлена в Чертежной Алт. упр. землед. и гос. им. в 1918 г. // Бородаев В. Б. Исторический атлас Алтайского края : картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 106–107.

Сост. по: Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ / Н. М. Ядринцев // Записки ЗСОРГО. – Омск. Тип. окр. штаба, 1879. – Кн. 1–2. – С. 98–99; Герасимов Б. В долине Бухтармы (Краткий историко-этнографический очерк) / Б. В. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО-ИРГО. – Семипалатинск, 1909. – Вып. IV. – С. 7–8; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа / М. Швецова // Записки ЗСОРГО. – 1899. – Кн. XXVI. – С. 21–25; Бломквист Е. Э. Кто такие бухтарминские старообрядцы / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова // Бухтарминские старообрядцы. – Л.: Акад. наук СССР, Центр. тип. Наркомвоенмора, 1930. – С. 15–18; Кучуганова Р. П. Мудрость уймонский старцев / Р. П. Кучуганова. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2008. – С. 5.

Примечания к таблице «Типология полотенец русского сельского населения Алтая конца XIX – начала XXI в.» (цв. вкладка)

Тип 1. Полотенце льняное бытовое. Изготовлено Юрьевой Е. В. 1900 г. р. в 1925 г. Петропавловский район, с. Красные Орлы. АГКМ 13536/5

Подтип 2а. Заготовка льняная для «бытового» полотенца. Изготовлено Шестерниной М. П. 1899 г. р. в 1917 г. Алтайский район, с. Алтайское. АГКМ 15856/3

Подтип 2б. Полотенце льняное. Алтайский край. ИКМ АлтГПА 134

Подтип 2в. Фрагмент льняного полотенца. Первая четверть XX в. Павловский район, с. Рогозиха. МИСР

Подтип 2г. Полотенце льняное. Изготовлено Филиной А. М. в 1920-х гг. Ордынский район, Новосибирская область, п. Лебедянский. НГКМ 16626

Подтип 3а. Полотенце льняное. Первая треть XX в. Бийский район, с. Усятское. ИКМ АлтГПА 916

Подтип 3б. Полотенце льняное. Начало XX в. ККМ

Подтип 3в. Полотенце льняное. Изготовлено Чернышовой А. В. в начале XX в. Бийский район, с. Мальцева Курья. ИКМ АлтГПА 920

Подтип 3г. Полотенце льняное. Изготовлено Красновой С. К. 1910 г. р. в начале XX в. Заринский район, с. Жуланиха. ИКМ АлтГПА 654

- Подтип 4а.* Полотенце льняное. Изготовлено Зулиной А. А. 1896 г. р. в 1910–1912 гг. Шелаболихинский район, д. Шадра (с. Ново-Обинцево). НГКМ 15398/21
- Подтип 4б.* Полотенце льняное стеновое. Изготовлено Головановой А. И. 1895 г. р. в первой трети XX в. Солонешенский район
- Подтип 4в.* Полотенце льняное. Изготовлено Ломакиной П. П. 1910–1987 г. р. в начале XX в. Солонешенский район, с. Туманово. АГКМ 16660/1
- Подтип 4г.* Полотенце льняное. Изготовлено Вьюжаниной М. Л. 1886 г. р. в 1895–1900 гг. Усть-Коксинский район, Республика Алтай, с. Усть-Кокса. МИКНС СО РАН 1743. Сборы Русаковой Л. М. 1980 г.
- Подтип 4д.* Полотенце. Начало XX в. Третьяковский район, с. Шипуниха. ШМСШ 3
- Подтип 5а.* Полотенце льняное. Усть-Коксинский район, Республика Алтай, с. Усть-Кокса. МИКНС СО РАН 1636. Сборы Покровского Н. Н. 1968 г.
- Подтип 5б.* Полотенце льняное (набожник). Изготовлено Ивахновой А. М. Косихинский район, с. Косиха. ИКМ АлтГПА 862.
- Подтип 5в.* Полотенце льняное. Быстроистокский район, с. Верх-Озерное. ШМСВО
- Тип 6.* Полотенце хлопчатобумажное домашнего ткачества. Принадлежит Благодетельской З. И. 1949 г. р. (из семьи переселенцев). Павловский район, с. Rogozixa
- Подтип 7а.* Стеновой плат из красного ситца. Изготовлено Синельниковой Ф. Т. в 1890 г. Шемонаихинский район, Восточно-Казахстанская область, Республика Казахстан, с. Верх-Уба. ШИКМ КП 02-812
- Подтип 7б.* Полотенце из кумача. Изготовлено Пестуновой А. И. 1889 г. р. в 1905–1906 гг. Глубоковский район, Восточно-Казахстанская область, Республика Казахстан, с. Секисовка. МИКНС СО РАН 1349. Сборы Русаковой Л. М. 1981 г.
- Тип 8.* Полотенце хлопчатобумажное фабричного ткачества. Павловский район, с. Rogozixa. МИСР

Приложение

Таблица 1

**Использование диалектных вариантов названий полотенец
в русских говорах XIX – начала XXI в.**

Словарь русских народных говоров ¹	Словарь русских говоров Сибири	Словарь русских говоров Алтая	Полевые источники и музейные материалы
<i>Божник</i> (Курск, Орл., Смолен.)	Божник	— ²	<i>Божник</i> (Алтайский, Бийский, Романовский р-ны АК)
<i>Крюковник</i>	—	—	—
<i>Крюшник</i> (Твер., Калинин., Новг., Волог., Вят.)	—	—	—
—	—	<i>Моховик</i> (Майм., Мун.)	<i>Моховик</i> (Усть-Коксинский р-н РА, Алтайский р-н АК)
<i>Набожник</i> (Смол., Пск., Твер., Курск, Белг., Ново-сиб.)	<i>Набожник</i> (Новосиб., Ордын.; Омск., Б-Речен.)	<i>Набожник</i> (Угл.)	<i>Набожник</i> (Косихинский, Угловский р-ны)
<i>Накрючник</i> (Рыльск., Судж., Курск., Орл., Тул., Тамб., Ворон., Казан., Вят., Влад., Арх.)	—	<i>Накрюшник</i> (Краснощ., У.-Козл.; Ребр.)	—
<i>Наспичник</i> (Арх., Волог.)	—	—	—
<i>Насписник</i> (Вят.)	—	—	—
<i>Наспичничек</i> (Вят.)	—	—	—
<i>Пелена</i>	—	—	—
<i>Перебирка</i> (Арх.)	—	—	—
<i>Плат</i> (Волог., Нижег., Костр.)	<i>Плат</i> (Алтай., Ельц.)	<i>Плат</i> (Ельц., Черемн.)	—
—	—	<i>Подзор</i> (Алейск, Мох.)	—
<i>Платовье</i> (Арх.)	—	—	—
<i>Платок</i> (Влад., Смол., Олон., Арх.)	—	—	—
<i>Полка</i> (Яросл.)	—	—	—
<i>Полотенце</i> (Арх., Южн. Сиб., Моск.)	—	—	<i>Полотенце</i> (повсеместно)
—	<i>Полотенца</i> , -ы ж. (Томск., Шегар.)	—	—
<i>Полотенчик</i> (Р. Урал)	<i>Полотенчик</i> (Алтай., Калм.)	<i>Полотенчик</i> (Калм.)	<i>Полотенчик</i> (Бийский, Поспелихинский, Усть-Калманский, Егорьевский р-ны АК)

¹ Издание не завершено, поэтому при анализе материалов словаря не учтены названия полотенец с буквы «у» до «я» включительно.

² Здесь и далее прочерки означают отсутствие информации в используемых публикациях.

Словарь русских народных говоров	Словарь русских говоров Сибири	Словарь русских говоров Алтая	Полевые источники и музейные материалы
<i>Полотенечко</i> (Юж. Сиб., Север., Волог., Костр.)	—	—	—
<i>Полотенушко</i> (Олон.)	—	—	—
<i>Полотеньишко</i> (Беломор., Арх.)	—	—	—
<i>Полотёнышко</i> (Олон., Арх., Беломор., Север., Пск., Урал., Перм.)	—	—	—
<i>Полотенчишко</i> (Уфим., Влад.)	—	—	<i>Полотенчишко</i> (Чарышский р-н АК)
<i>Полотенчишко</i> (Томск., Парабел.)	<i>Полотенчишко</i> (Томск., Парабел.)	—	—
<i>Полотенец</i> (Тверь, Новг., Моск., Ряз., Тамб., Пенз., Куйбыш., Сталингр., Волгогр., Ставроп., Дон., Свердл., р. Урал., Оренб., Сиб., Омск., Новосибир., Том., Амур.)	<i>Полотенец</i> (Алтай, Славгор.; Новосиб., Колыван.)	<i>Полотенец</i> (Кос., Лос., Славг., Кытм., Солон., Табун., Третьяк., У-Калм.)	<i>Полотенец</i> (Усть-Калманский, Чарышский, Быстроистокский, Кытмановский, Третьяковский, Бийский, Зональный, Солонешенский р-ны АК)
<i>Полотельненцо</i> (Амур.)	—	—	—
<i>Полотенек</i> (Сев. Зап.)	—	—	—
<i>Полотник</i> (Влад.)	—	—	—
<i>Полотно</i> (Уржум. Вят., Киров., Перм., Смол., Свердл., Калинин.)	—	—	—
<i>Рукотейник</i> (Павлодар)	—	—	—
<i>Рукотельник</i> (Новг., Волог., Свердл., Новосиб., Кемер., Том., Забайкалье, Ярослав.)	<i>Рукотельник</i> (Алтай, Сов., Тог.; Кемеров., Прокоп., Мариин.; Новосиб., Тогучин., Мошков.)	<i>Рукотельник</i> (Сов. Красн. Яр; Тог.)	—
<i>Рукотельница</i> (Ярославль)	—	—	—
<i>Рукотёр</i> (Перм., Вят., Нижегород., Влад., Арх., Свердл., Ср. Урал, Курган., Тобол., Новосиб., Алт., Том., Кемер.)	<i>Рукотёр</i> (Омск. Тар.; Новосиб. Мошков.; Кемеров. Яшкин., Алтай. Кытман.)	<i>Рукотёр</i> (Кытм. Миш.). Повсеместно. Н-Сиб. Том.	<i>Рукотёр</i> (Алтайский, Каменский р-ны АК, Тогучинский р-н НСО)
<i>Рукотёрник</i> (Влад., Волог., Олон., Перм.)	<i>Рукотёрник</i> (Иркут., Н.-Илим.; Омск., Н.-Ом.; Краснояр., Шушен., Кежем.; Алтай, Ельц.; Читин., Нерч.-Завод; Томск., Зырян.; Бурят., Бичур.; Новосибир., Мслянин.)	<i>Рукотёрник</i> (Ельц., Черем.). Повсеместно Н-Сиб. Том.	—

Использование диалектных вариантов названий полотенец... (продолжение)

Словарь русских народных говоров	Словарь русских говоров Сибири	Словарь русских говоров Алтая	Полевые источники и музейные материалы
<i>Руко­тёр­ни­чек</i> (Кемер., Свердл.)	<i>Руко­тёр­ни­чек</i> (Кемер., Н.-Кузнецк.)	—	—
<i>Руко­тер­ник</i> (Вят., Киров., Яросл., Волог., Олон., Арх., Сев. Двин., Ленингр., Новг., Перм., Свердл., Ср. Урал., Курган., Тобол., Оренб., Нарым., Новоси­б., Алт., Кемер., Енис., Крас­нояр., Иркут., Забайка­лье, Бурят., Сиб.)	—	—	—
<i>Руко­тёрт</i> (Оренб., Ряз., Волог., Арх., Прикамье, Ср. Урал., Перм., Свердл., Курган., Тобол., Омск., Кемер., Вост.-Казахст., Том.)	<i>Руко­тёрт</i> (Кемер., Мариин., Белов.; Омск., Называев.; Алтай., Павл.; Бу­рят., Улан-Удэн.)	<i>Руко­тёрт</i> (Павл., Шах.; Солон., То­польн.). Повсе­местно. Н-Сиб. Том.	<i>Руко­тёрт</i> (Третьяков­ский, Усть-Калман­ский, Первомайский, Каменский, Быстроис­токский, Шелаболи­хинский, Чарышский р-ны)
<i>Руко­тёр­тик</i> (Новг.)	—	—	—
<i>Руко­тёр­ка</i> (Тобол., Свердл., Новоси­б., Том., Перм., Вят., Калин.)	<i>Руко­тёр­ка</i> (Алтай, Краснощек; Крас­нояр., Турухан.; Но­восиб., Ордын.; Томск., Кожевн.)	<i>Руко­тёр­ка</i> (Краснощ., Ка­мыш.; Кос. Со­рок.) Н-Сиб. Том.	—
<i>Руко­тёр­ток</i> (Вят., Оренб., Арх.)	—	—	—
<i>Руко­терть</i> (Оренб., Перм., Олон.)	—	—	—
<i>Руко­тёр­шек</i> (Челяб.)	—	—	—
<i>Руко­тер­шик</i> (Новг.)	—	—	—
<i>Руко­тер­шник</i>	—	—	—
<i>Руко­тёр­шник</i>	—	—	—
<i>Руко­тер­щик</i> (Твер., Пск., Волог.)	—	—	—
<i>Руко­тёр­щик</i> (Волог.)	—	—	—
<i>Руко­тиник</i> (Том.)	<i>Руко­тиник</i> (Томск., Шегар.)	—	—
<i>Руко­тир­ка</i> (Ряз., Свердл.)	—	—	—
<i>Руко­тир­ник</i> (Краснояр.)	<i>Руко­тир­ник</i> (Краснояр., Шушен.)	—	—
—	<i>Руко­шник</i> (Красно­яр., Кежем.)	—	—

Словарь русских народных говоров	Словарь русских говоров Сибири	Словарь русских говоров Алтая	Полевые источники и музейные материалы
<i>Рушник</i>	<i>Рушник</i> (Бурят., Тарбагат.; Омск., Черлак., Н.-Ом., Москален.; Краснояр., Шушен., Мотыг.; Новосибир., Чулым.)	—	<i>Рушник</i> (Заринский, Кытмановский, Локтевский, Третьяковский, Бийский, Чарышский, Романовский, Поспелихинский, Усть-Калманский, Шелаболихинский, Хабаровский р-ны АК; Катон-Карагайский, Глубоковский р-ны ВКО РК; Тогучинский, Мошковский, Чулымский р-ны НСО)
<i>Рушничок</i> (Курск.)	—	—	
<i>Рушничочек</i>	—	—	—
<i>Ручник</i>	<i>Ручник</i> (Алтай., Усть-Прист.; Томск., Асинов.; Новосиб., Барабин.)	<i>Ручник</i> (У-Прист., Третьяк., Топч.) Н-Сиб. Том.	<i>Ручник</i> (Мамонтовский, Солонешенский, Чарышский р-ны АК)
<i>Ручничок</i> (Ленингр., Тул., Брян., р. Урал),	—	—	—
<i>Ручничек</i> (Свердл.)	—	—	—
<i>Списник</i> (Арх.)	—	—	—
—	—	—	<i>Стеновой плат</i> (Шемонаихинский р-н ВКО РК)
—	—	—	<i>Стеновой платок</i> (Зыряновский, Катон-Карагайский ВКО РК)
<i>Стеновое полотенце</i> (Сузун. Новосибир.)	<i>Стеновое полотенце</i> (Алтай., Алейск.)	<i>Стеновой</i> в соч. «стеновые полотенца»: (Алейск, Павл. Солон. У-Кокс. Н-Сиб. Том.)	<i>Стеновое полотенце</i> (Алтайский, Петропавловский, Солонешенский, Усть-Пристанский, Третьяковский р-ны АК, Усть-Коксинский р-н РА)
Нет издания	<i>Укатерт</i> (Алтай., Краснощек.; Р. Алтай, Майм.)	<i>Укатёрт/укутёрт</i> (Краснощек., У-Бел.; Алт., Ая; Р. Алтай, Майм.)	—
Нет издания	<i>Укотерник/укотёрник</i> (Краснояр., Богуч.; Томск., Кривошеин.; Алтай., Тог.; Кемер., Н.-Кузн.)	—	—
Нет издания	<i>Укотельник</i> (Кемеров., Кемер.)	—	—

Использование диалектных вариантов названий полотенец... (окончание)

Словарь русских народных говоров	Словарь русских говоров Сибири	Словарь русских говоров Алтая	Полевые источники и музейные материалы
Нет издания	<i>Утирка</i> (Новосиб., Болотнин., Ордын.; Кемеров., Прокоп.; Томск., Асинов.; Алтай, Ребрихин.; Омск., Б.-Речен.)	<i>Утирка</i> (Ребр., Бор.; Краснощ. Карп.; Кытм. Сунг.; Тог., Благ. Леньки, Повсем., Н-Сиб. Том.)	<i>Утирка</i> (Усть-Калманский, Мамонтовский, Павловский, Петропавловский, Тальменский, Тюменцевский, Быстроистокский, Чарышский р-ны АК)
Нет издания	<i>Утирник</i> (Алтай., Тюмен.; Краснояр., Шушен.)	<i>Утирник</i> (Тюм., Шарч.; Павл., Елун.)	—
Нет издания	<i>Утирочка</i> (Алтай., Солт.; Кемер., Яйск.)	<i>Утирочка</i> (Солт., Караб.)	—

Сост. по материалам: Словарь русских народных говоров. Т. 1–41 / под ред. Ф. П. Филина. — Л., 1965–СПб., 2007; Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5 / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федотов; под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск, 1999–2006; Словарь русских говоров Алтая. Т. I–IV / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. — Барнаул, 1993–1998; Учетная документация (картотеки) АГКМ, ИКМ АлтГПА, НГКМ, НМРА, БКМ, МИКНС СО РАН, ШИКМ; архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЭЭ 1996–2010 гг.); ПМА.

Таблица 2

Распространение диалектных названий полотенец в русских говорах XIX – начала XXI в.

Северное наречие	Среднерусские говоры	Южное наречие	Русские говоры Урала	Русские говоры Сибири	Русские говоры Алтая
		Божник			Божник
Крюшник	Крюшник		Крюшник		
					Моховик
	Набожник	Набожник		Набожник	Набожник
				Наквашенник	
Накрючник	Накрючник	Накрючник	Накрючник		Накрюшник
			Насписник		
Наспичник					
			Наспичничек		
				Настольник	
Плат	Плат				Плат
Платок	Платок	Платок			
					Подзор
	Полотенец	Полотенец	Полотенец	Полотенец	Полотенец
Полотенце	Полотенце		Полотенце		Полотенце
Перебирка					
Платовье					
Полка					
				Полотельненко	

Северное наречие	Среднерус- ские говоры	Южное наречие	Русские го- воры Урала	Русские гово- ры Сибири	Русские гово- ры Алтая
Полотенечко				Полотенечко	
Полотенушко					
Полотёнышко	Полотёнышко		Полотёнышко		
Полотенышко					
Полотенек					
			Полотенчик		Полотенчик
	Полотенчико		Полотенчико		Полотенчико
				Полотенчишко	
	Полотник				
		Полотно	Полотно		
				Посудник	
Рукотельник	Рукотельник		Рукотельник	Рукотельник	Рукотельник
Рукотельница					
Рукотёр	Рукотёр		Рукотёр	Рукотёр	Рукотёр
Рукотёрка	Рукотёрка		Рукотёрка	Рукотёрка	Рукотёрка
Рукотёрник	Рукотёрник		Рукотёрник	Рукотёрник	Рукотёрник
			Рукотёрничек	Рукотёрничек	
Рукотерник	Рукотерник		Рукотерник	Рукотерник	
Рукотёрт		Рукотёрт	Рукотёрт	Рукотёрт	Рукотёрт
	Рукотёртик				
Рукотёрток			Рукотёрток		
Рукотерть			Рукотерть		
				Рукотершек	
	Рукотершик				
Рукотерщик	Рукотерщик				
Рукотёрщик					
				Рукотиник	
				Рукотирник	
		Рукотирка	Рукотирка		
				Рукошник	
Ручник	Ручник	Ручник	Ручник	Ручник	Ручник
Ручничок		Ручничок	Ручничок		
Рушник	Рушник	Рушник	Рушник	Рушник	Рушник
		Рушничок			
		Рушничочек			
Списник					
					Стеновой плат
					Стеновой платок
				Стеновое полотенце	Стеновое полотенце
нет данных	нет данных	нет данных	нет данных		Укатёрт

Распространение диалектных вариантов названий полотенец... (окончание)

Северное наречие	Среднерусские говоры	Южное наречие	Русские говоры Урала	Русские говоры Сибири	Русские говоры Алтая
–	–	–	–	Укотерник / укотёрник	
–	–	–	–	Укотельник	
–	–	–	–	Утерка	
–	–	–	–	Утерник	
–	–	–	–	Утиральник	
–	–	–	–	Утирка	Утирка
–	–	–	–	Утирник	Утирник
–	–	–	–	Утирочка	Утирочка

Сост. по материалам: Словарь русских народных говоров. Т. 1–41 / под ред. Ф. П. Филина. – Л., 1965–СПб., 2007; Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5 / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федотов; под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск, 1999–2006; Словарь русских говоров Алтая. Т. I–IV / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. – Барнаул, 1993–1998; учетная документация (картотеки) АГКМ, ИКМ АлтГПА, НГКМ, НМРА, БКМ, МИКНС СО РАН, ШИКМ; архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЭЭ 1996–2010 гг.); ПМА.

Таблица 3

Использование полотенец в похоронно-поминальной обрядности русского сельского населения Алтая в XX – начале XXI в.

Этапы похоронно-поминальной обрядности	Способы использования полотенца
Подготовительный	вешали на окно в доме вытирали тело умершего в ритуале очищения отдавали «обмывальщикам»
Похороны	накрывали распятие, которое несли впереди похоронной процессии использовали при доставке гроба на кладбище на полотенцах опускали гроб в могилу прикалывали (пришивали) на крышку гроба повязывали к металлической оградке привязывали на крест раздавали участникам погребального обряда
Поминальный	раздавали в поминальные дни привязывали на крест (или заменяли на чистое) в годовые дни поминовения всех христиан, т. н. «родительские субботы» использовали во время поминальной тризны на кладбище в «родительские дни», расстилая на могиле расстилали на коленях старух во время поминок

Сост. по материалам: архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1997–2004 гг. (устные источники); архив ЛИК АлтГПА. Ф. 3; материалы ИЭЭ 1998–2005 гг. (фотографические материалы); материалы полевых исследований автора 2001–2010 гг.

Таблица 4

**Способы использования полотенец русским сельским населением
Алтая в конце XIX – начале XXI в.**

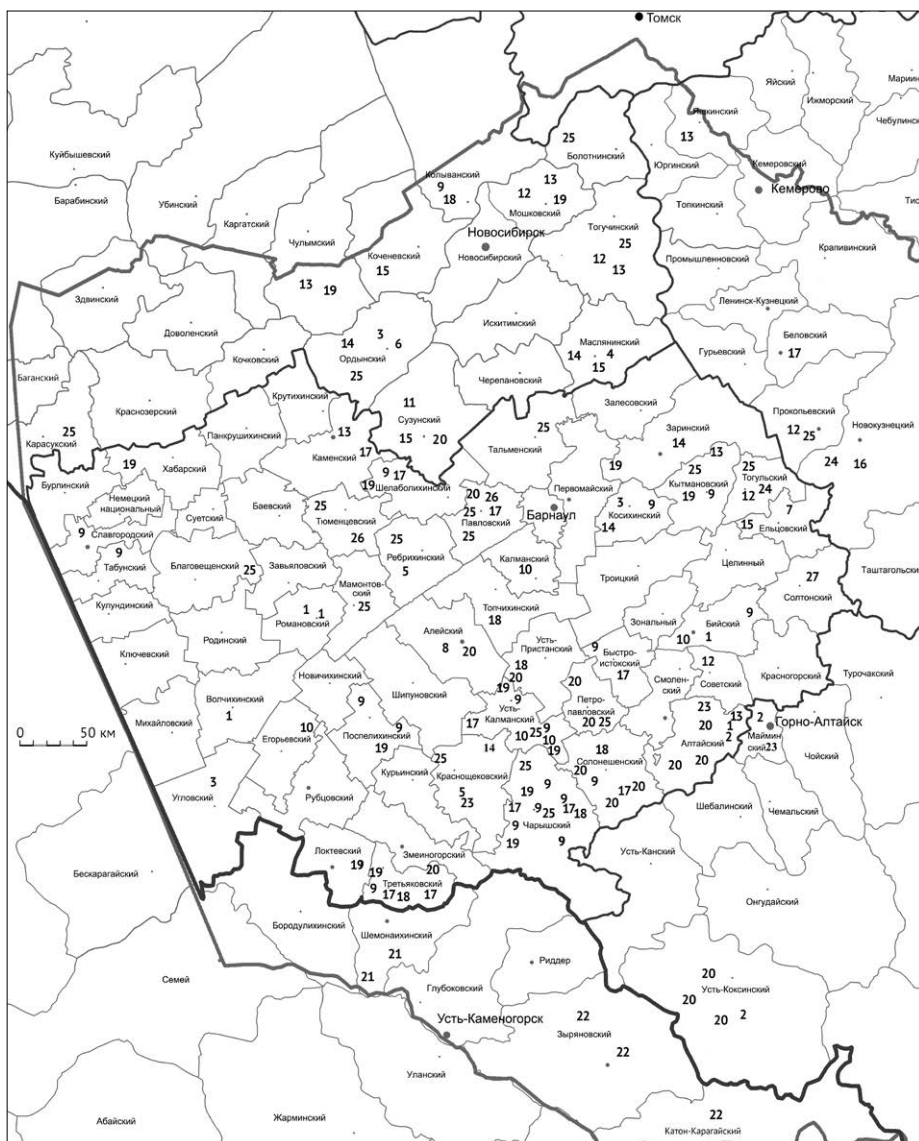
В быту		для вытирания рук для вытирания лица для вытирания посуды для вытирания тела для накрывания теста			
В убранстве жилища		для убранства икон для убранства стен для убранства окон для убранства зеркал для убранства портретов			
В семейной обрядности	свадебной	для приданого невесты	для убранства избы жениха		
			для дарения жениху и его родственникам		
		в качестве атрибутов участников обряда	для повязывания	жениху, дружке, «вызывальщикам»	
		для совершения обряда	рукобитья – обертывание рук молодым		
			венчания – расстилание под ноги молодым		
			благословения молодых хлебом-солью и иконой		
		для привязывания на дугу лошади	для украшения свадебного поезда		
			для оповещения односельчан о честности невесты		
		в качестве подарка молодым			
	родильно-крестильной	в процессе родов	для облегчения потуг роженицы		
		в обряде размывания рук	для вытирания рук		
			в качестве вознаграждения повитухи		
		в обряде крещения	для принятия младенца из купели		
	для передачи в церковь				
	похоронно-поминальной	для вывешивания на окно дома для вытирания тела умершего для раздачи участникам обряда для оборачивания литого распятия для доставки гроба на кладбище для опускания гроба в могилу для привязывания на крышку гроба для привязывания на крест для привязывания на оградку для расстилания на могиле во время тризны для расстилания на коленях во время поминок			
В календарной обрядности		для украшения жилища (икон, стен, зеркал)			
В народной медицине		для лечения кожных заболеваний			

Таблица 5

Классификация способов орнаментации полотенцев

Способ ор- наментации	Технические приемы		Материал	Цвет ниток	Цвет основы
Вышивка	счетная	ропись	«бумага»	красные, черные (синие)	белая
		счетная гладь		красные, черные	
		крест по счету			
		перевить		белые, красные, черные, синие	
		белая строчка		белые	
		мережка			
		набор	«бумага»	красные, чер- ные, белые	белая красная
	гарус		цветные	белая, красная	
	шелк		цветные	красная	
	несчетная	тамбур	«бумага»	красные, черные	белая
				цветные	черная, красная
			гарус	цветные	черная, красная
		выстрачивание	х/б нитки	цветные	красная, черная
		крест по канве	«бумага»	красные, черные	белая
			гарус	цветные	красная
			мулине	цветные	белая
		крест по клеткам ткани	шерстяные нити		
мулине					
лицевая гладь	мулине				
стебельчатый шов	мулине				
Тканье	домашнее	браное	лен, «бумага»	белые	
				красные, белые	
				цветные	
		цветные			
		белые, красные, цветные			
	выборное				
		ажурное			
кустар- ное	браное	«бумага»	красные, белые		
Кружево	ручное	крючком	«бумага»	белые	
			гарус, шерсть	цветные	
		на коклюшках	х/б нитки	белые	
	фабричное	х/б нитки	белые		
		капрон			

Способ ор-наментации	Технические приемы	Материал	Цвет ниток	Цвет основы
Вязание	на спицах	«бумага»	белые	
			цветные	
	на вилке	«бумага»	белые, красные	
		гарус	цветной	
Плетение	на рамке	«бумага»	белая, красная, черная, синяя	
		гарус, шерсть	цветные	
Ленты	фабричного производства	атлас	разных цветов	
Полоски ткани	фабричного производства	х/б смесовые шерстяные	разных цветов	
Оборки из ткани	фабричного производства	х/б	разных цветов	
Кисти	простой формы	льняные нити основы, «бумага»	белые	
	сложной формы плетения			
Бахрома	оформленная мерезжкой	нити основы	белые	
	простая			

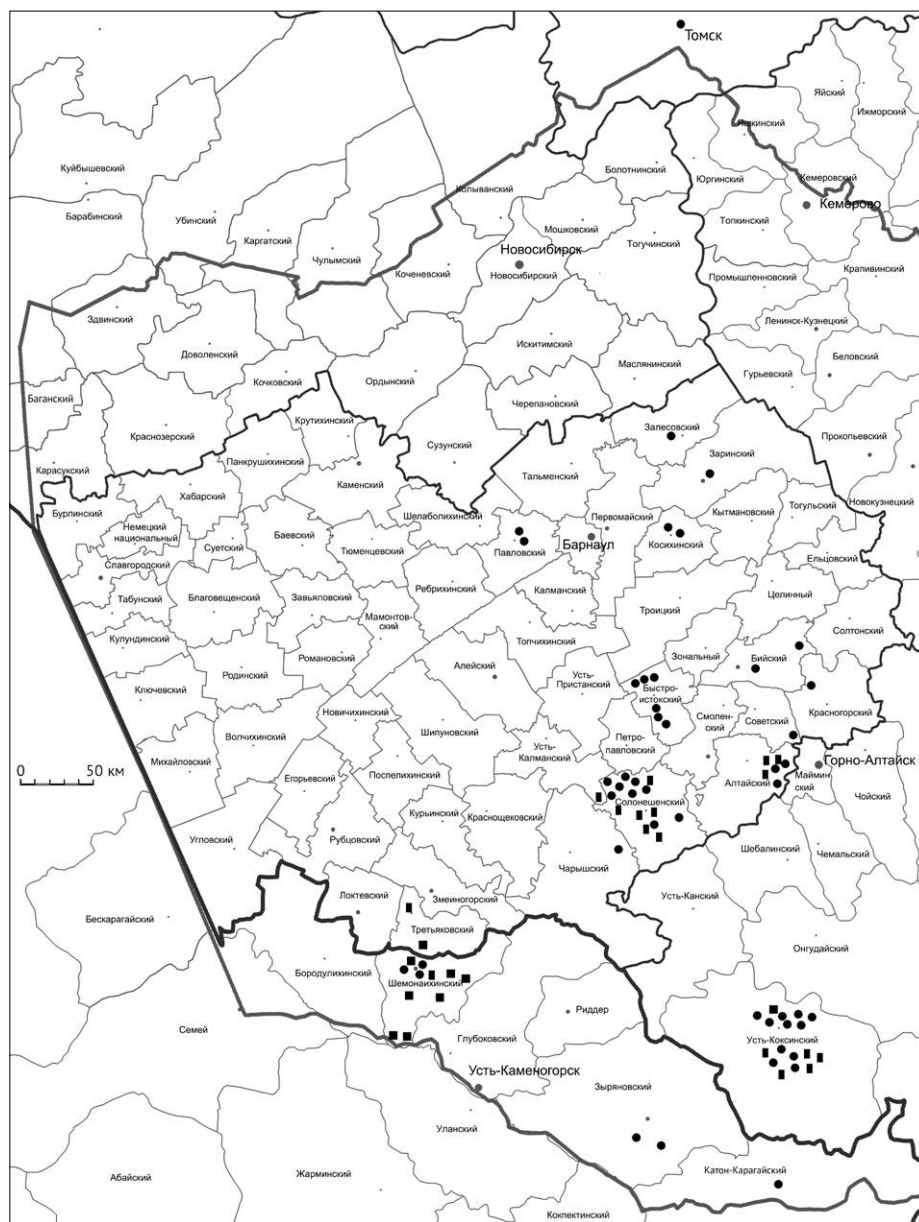

Карта 1. Распространение диалектных названий полотенец в речи русского сельского населения Алтая во второй половине XX – начале XXI в.

1 – божник; 2 – моховик; 3 – набожник; 4 – наковашенник; 5 – накрюшник; 6 – настольник; 7 – плат; 8 – подзор; 9 – полотенце; 10 – полотенчик; 11 – посудник; 12 – рукотельник; 13 – рукотёр; 14 – рукотёрка; 15 – рукотёрник; 16 – рукотёрничек; 17 – рукотёрт; 18 – ручник; 19 – рушник; 20 – стеновое полотенце; 21 – стеновой плат; 22 – стеновой платок; 23 – укатерт (укутерт); 24 – укотерник (укотёрник); 25 – утирка; 26 – утирник; 27 – утирочка

Условные обозначения в границах районов нанесены преимущественно в соответствии с местом расположения населенных пунктов, в которых зафиксировано бытование названий.

Сост. по материалам: Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Т. I–IV. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993–1998; Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5 / под ред. А. И. Федорова; сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федотов. – Новосибирск: Наука, 1999–2006; учетная документация (картотеки) АГКМ, БКМ, ИКМ АлтГПА, НГКМ, МИКНС СО РАН, ШИКМ; материалы ИЭЯ АлтГПА; ПМА.

Карта 2. Распространение полотенец с соединенными концами:

- полотенца с соединенными концами, изготовленные из белого полотна (холста)
- полотенца с соединенными концами, изготовленные из кумача (красной хлопчатобумажной ткани)
- ▣ фрагменты полотенец — соединенные орнаментированные концы

Условные обозначения в границах районов нанесены преимущественно в соответствии с местом расположения населенных пунктов, в которых зафиксировано бытование полотенец рассматриваемого типа. При картографировании учтены только те полотенца из музейных коллекций, для которых указан район их изготовления (бытования).

Сост. по материалам: АГКМ, ГХМАК, БКМ, ИКМ АлтГПА, ИКМН, МИКНС СО РАН, МИПР, СРКМ, ШИКМ, ШМСС, ШМСВО, ШМСШ, НМРА, архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЭЭ 2004, 2007 гг.).

Карта 3. Распространение полотенец, изготовленных с использованием красной хлопчатобумажной ткани фабричного производства (кумача)

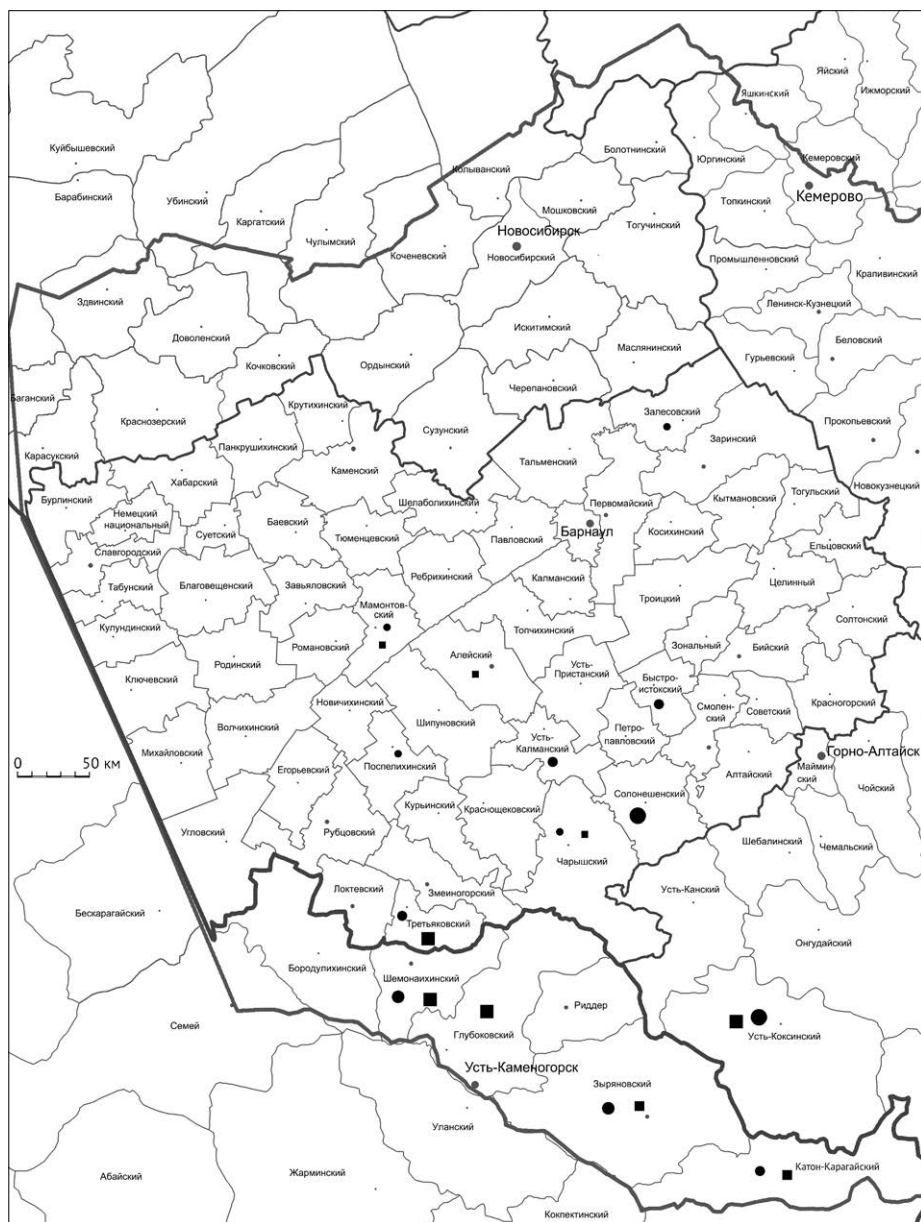
Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, ГХМАК, ИКМ АлтГПА, МИКНС СО РАН, НГКМ, НМРА, ШМСШ, ШИКМ, ШМСС; Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района: каталог // Солонешенский район: очерки истории и культуры: сб. науч.-практ. материалов / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. — С. 332 (каталог № 39).

Карта 4. Распространение полос браного ткачества в орнаментации полотенец русских крестьян Алтая в конце XIX – начале XX в.

- полосы двухцветного красно-белого двухуточного домашнего браного ткачества
- полосы многоцветного двухуточного домашнего браного ткачества
- ★ полосы двухцветного красно-белого кустарного (фабричного?) ткачества
- полосы многоцветного браного в сочетании с выборным домашним ткачеством

Сост. по материалам: ПРКМ, ШМСВО, ШМСС, МИКНС СО РАН, БКМ, АГКМ, ГХМАК, ШИКМ, ИКМ АлтГПА, МРКМ, НГКМ, НКМ, НМРА, АИКМ.

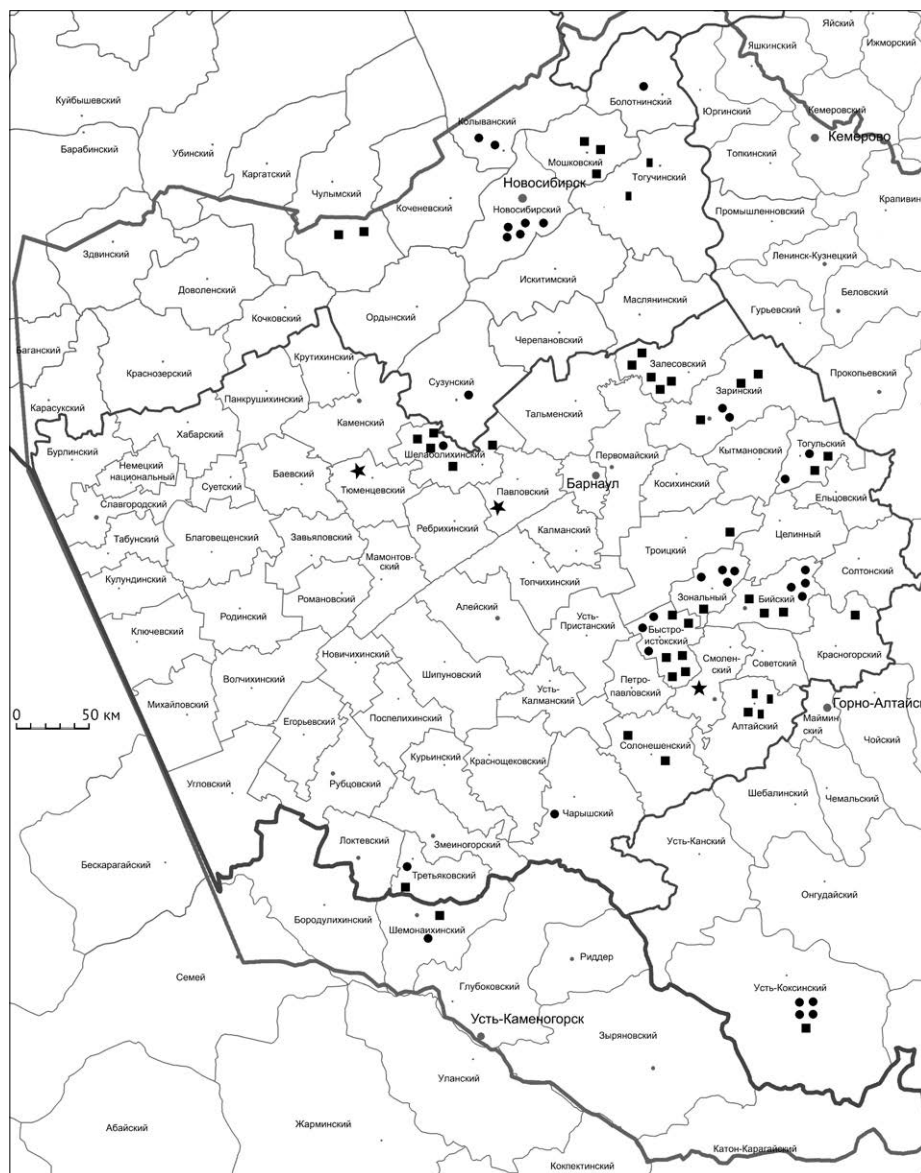

Карта 5. Распространение геометрического орнамента архаического типа на полотенцах конца XIX – начала XX в.

Количество полотенцев с геометрическим орнаментом по районам:

в ткачестве:	• 1	в вышивке:	■ 1
	● 2–4		■ 2–4
	● 5–6		■ 10–16
	● 10–16		

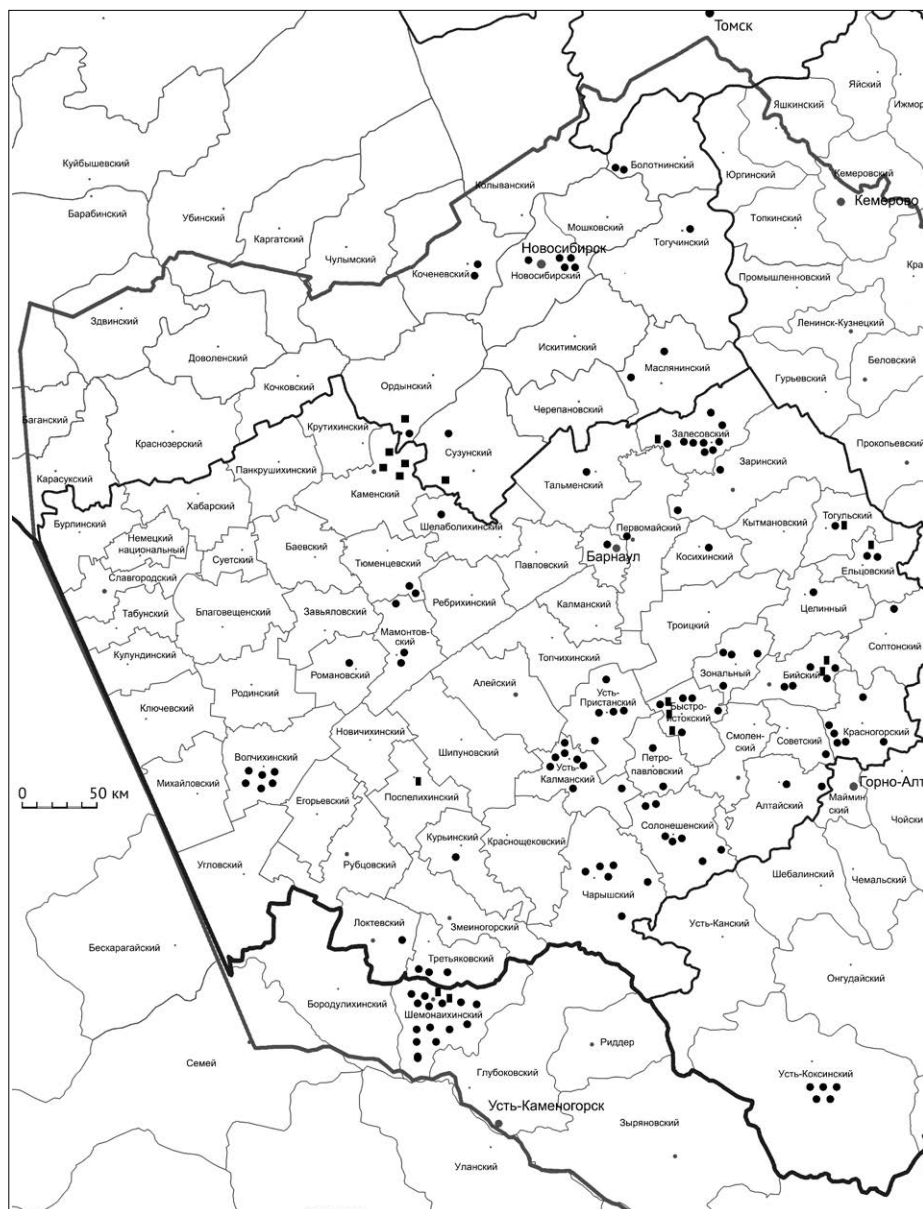
Сост. по материалам: АГКМ, ГХМАК, ШИКМ, МРКМ, МИКНС СО РАН, ИКМ АлтГПА, БКМ, ШМСВО, МСС, СРКМ, ПРКМ, НМРА.

Карта 6. Распространение полотенец, изготовленных из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с цельной орнаментированной частью (тип 2)

- подтип 2а: полотенца, украшенные бахромой (кистями) из нитей основы
- подтип 2б: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и бахромой (кистями) из нитей основы
- ★ подтип 2в: полотенца, украшенные тканьем на основном полотне
- подтип 2г: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне

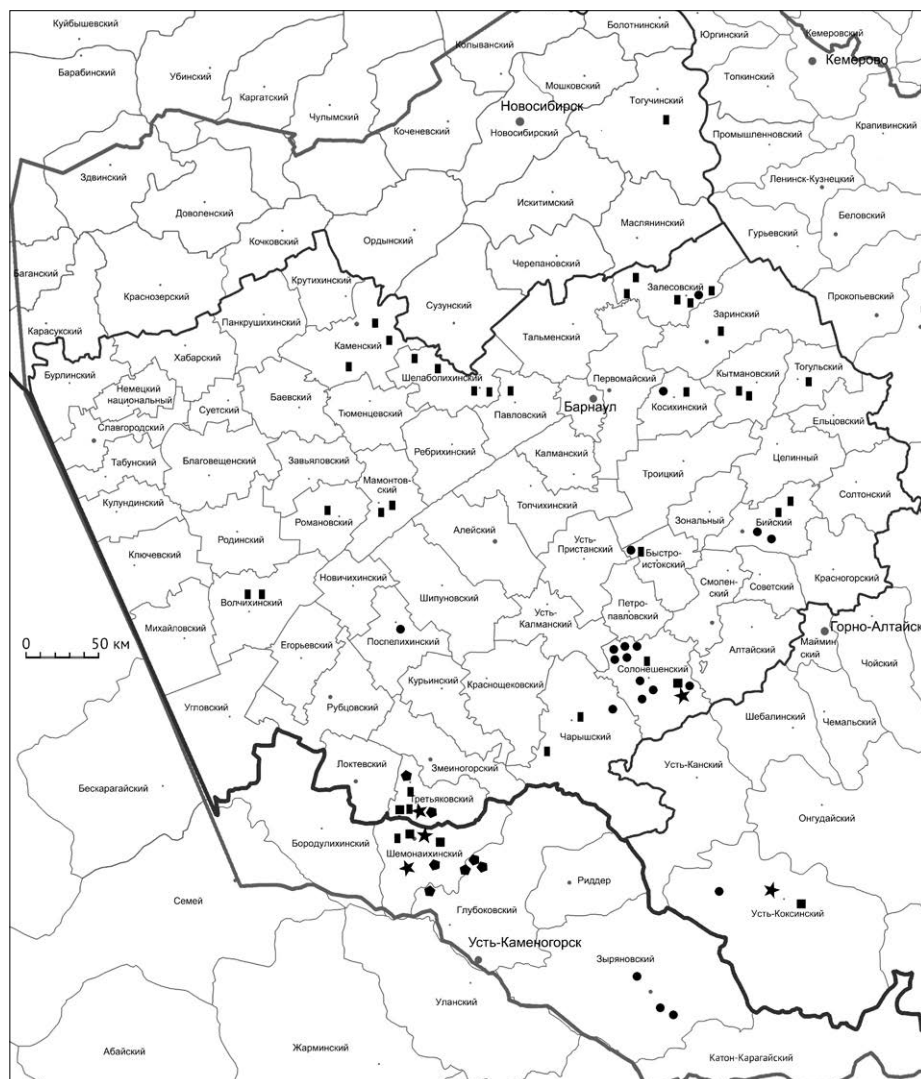
Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, ГХМАК, ЗМКМ, НГКМ, ИКМ АлтГПА, МИСС, ШМСВО, ШМСЛ, ШМСП, ШМСШ, ШИКМ, МИСР, ШМСЗ; НМРА, архив ЛИК АлтГПА (Материалы ИЭЭ 2002, 2003, 2005 гг.); Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района: каталог // Солонешенский район: очерки истории и культуры. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. — С. 333, 337 (каталог № 40, 48).

Карта 7. Распространение орнаментированных полотенец, изготовленных из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с двухчастной структурой орнаментированного конца (тип 3)

- подтип 3а: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и наконечником
- подтип 3б: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и кистями из хлопчатобумажных ниток
- ▲ подтип 3в: полотенца, украшенные полосой фабричного узорного ткачества

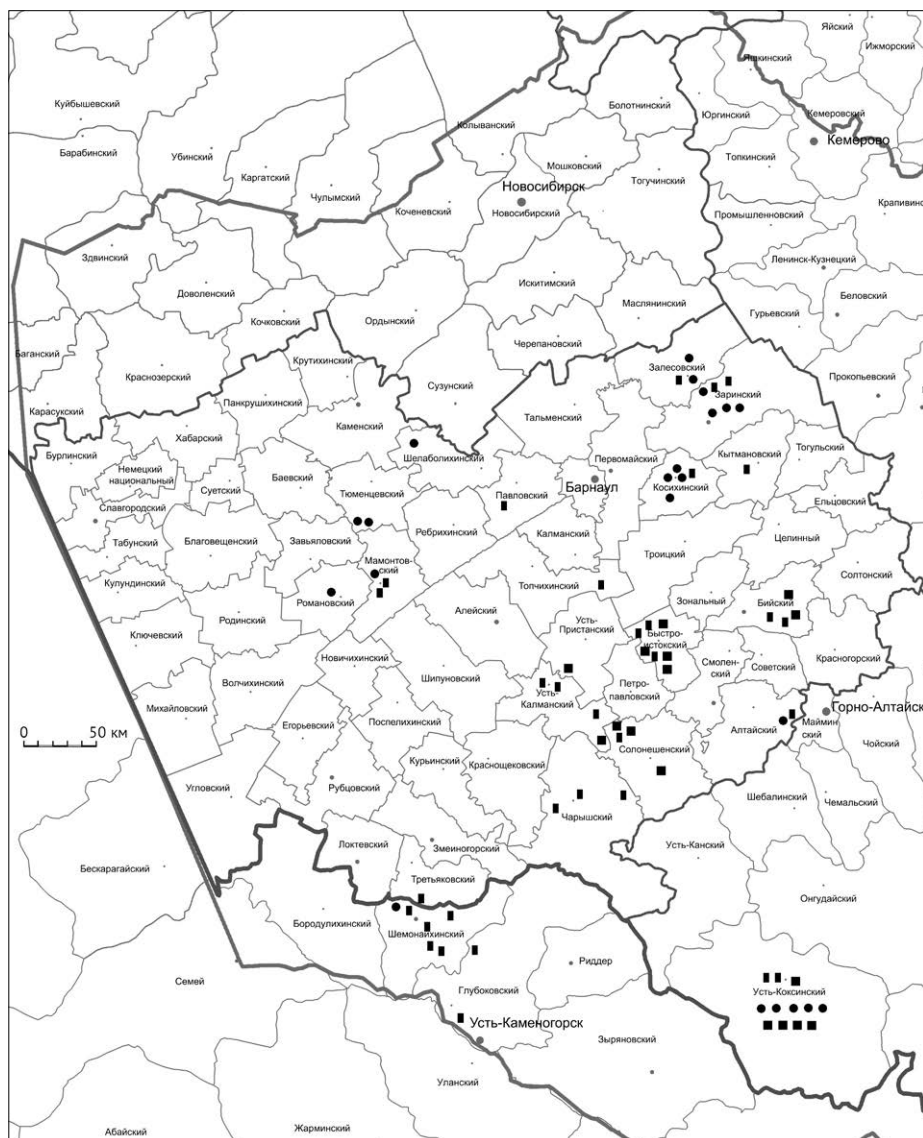
Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, ГХМАК, ЗРКМ, ИКМ АлтГПА, ИКМБ, ККМ, НГКМ, МИКНС СО РАН, МРКМ, МСВК, ПРКМ, СРКМ, ТОКМ, ЧРКМ, ШКМВО, ШИКМ ВКО, ШМСК, УРКМ, НМРА, архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЭЭ 1998 г., 2002 г., 2003 г.), ПМА.

Карта 8. Распространение полотенец, изготовленных из отбеленного полотна (холста) до-машнего ткачества с трехчастной структурой орнаментированного конца (тип 4)

- подтип 4а: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, наконечником, связан-ным крючком, и кистями из белых х/б ниток
- подтип 4б: полотенца, украшенные полосой браного ткачества и наконечником
- ★ подтип 4в: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, тканой проставкой и на-конечником
- подтип 4г: полотенца, украшенные вышитой кумачовой проставкой и наконечником
- ◆ подтип 4д: полотенца, украшенные вышитыми белыми и кумачовыми проставками и нако-нечником

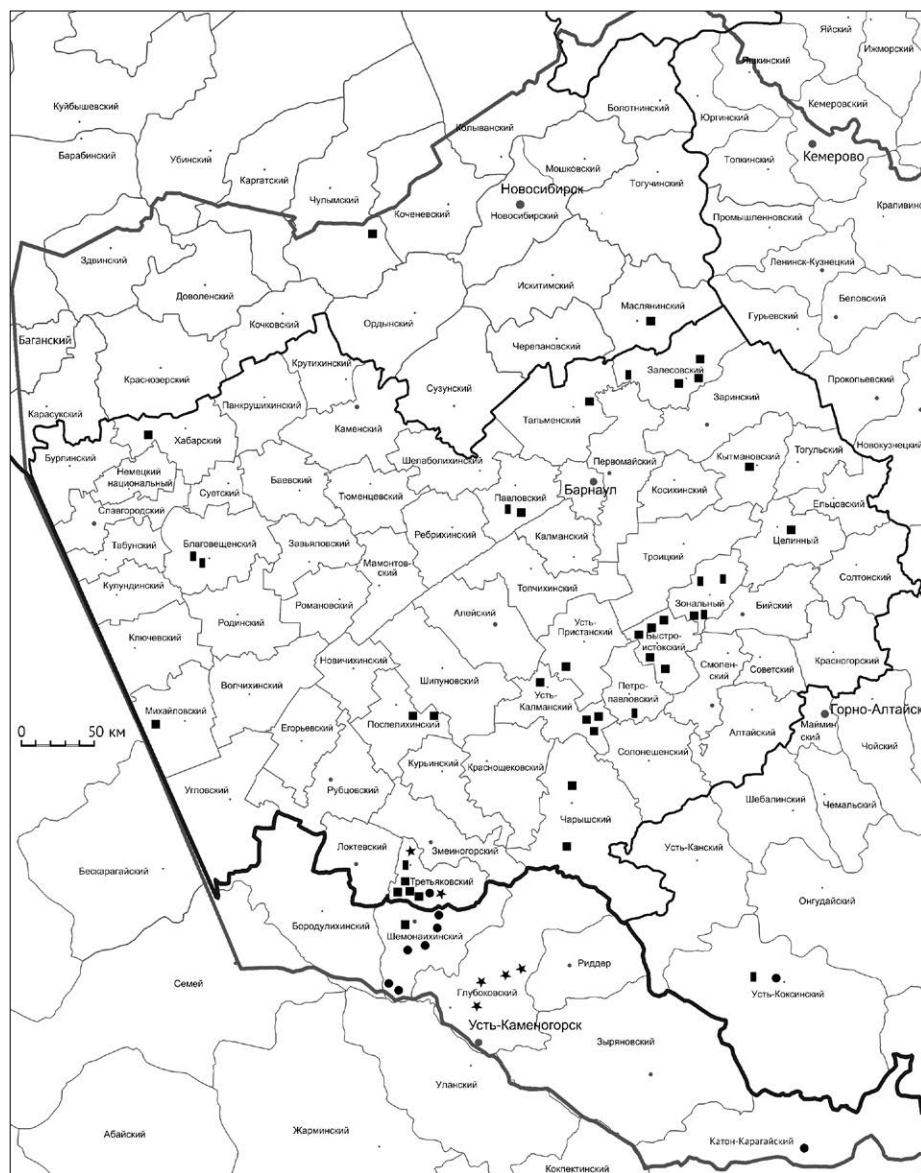
Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, ВКОЭМ, ГХМАК, ЗМКМ, МИКНС СО РАН, НГКМ, ИКМ АлтГПА, КРКМ, МРКМ, ПРКМ, ШМСШ, ШИКМ, ШМСС, ЧРКМ, ШРМ, ШМСК, ШМСЗ, архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЭЭ 2009 г.); Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района: каталог // Солонешенский район: очерки истории и культуры. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. — С. 332, 338 (каталог № 38, 49).

Карта 9. Распространение полотенец, изготовленных из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с орнаментированной частью из четырех и более структурных элементов (тип 5)

- подтип 5а: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, кружевной и полотняной проставками, наконечником
- подтип 5б: полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, кружевной и полотняной проставками, наконечником и кистями
- подтип 5в: полотенца, украшенные полосой браного ткачества и наконечником с включением в орнаментацию одной или нескольких деталей: кружевной проставки, тканой проставки, кистей

Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, ЗРКМ, ЗМКМ, ИКМ АлтГПА, МИКНС СО РАН, МРКМ, РРКМ, ШИКМ, ШМСВА, ШМСВО, ШМСХ, ШМСС, ШМСШ, УРКМ, ЧРКМ, НМРА; архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЗЭ 2004, 2005, 2009 гг.).

Карта 10. Распространение полотенец типов 6, 7, 8

- тип 6: полотенца, изготовленные из белого полотна (холста) домашнего ткачества, орнаментированные с использованием атласных лент
- подтип 7a: полотенца из кумача, украшенные вышитыми проставками и наконечником
- ★ подтип 7б: полотенца из кумача, украшенные вышитыми проставками, полосками и оборками из ткани фабричного производства
- тип 8: орнаментированные полотенца, изготовленные из фабричной ткани белого цвета с различной структурой орнаментированной части

Сост. по материалам: АГКМ, БКМ, БРКМ, ГХМАК, ЗРКМ, ИКМ АлтГПА, МИСР, НГКМ, ШИКМ, ШМСВО, ШМСВА, ШМСН, ШМСШ, МИКНС СО РАН, КПА, НМРА; архив ЛИК АлтГПА (материалы ИЗЭ 2002, 2004, 2009 гг.).

Оглавление

Введение	3
---------------------------	---

Глава 1

Наименование и использование полотенец русским сельским населением Алтая в конце XIX – начале XXI в.	23
1.1. Семантика и распространение диалектных названий полотенец	23
1.2. Полотенце в быту и интерьере жилища русского сельского населения Алтая	42
1.3. Полотенце в семейной обрядности (родильно-крестильной, свадебной, похоронно-поминальной)	81

Глава 2

Изготовление и орнаментация полотенец русским сельским населением Алтая в конце XIX – начале XXI в.	120
2.1. Материал и способы орнаментации полотенец	120
2.2. Орнамент вышивки и ткачества на полотенцах	157

Глава 3

Классификация и типология полотенец русского сельского населения Алтая	174
3.1. Классификации и типологии полотенец в отечественной этнографической литературе	174
3.2. Классификация полотенец русского сельского населения Алтая	181
3.3. Типология и распространение основных типов полотенец русского сельского населения Алтая	183
Заключение	200
Список источников и литературы	204
Список сокращений	228
Примечания	230
Приложение	233

Научное издание

Наталья Святославна Грибанова

Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая
в конце XIX – начале XXI века

Монография

Компьютерная верстка

Н. Васильевой

Корректор

Н. Ю. Ляшко

Подписано в печать 27.11.2013. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 13,7. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 147.

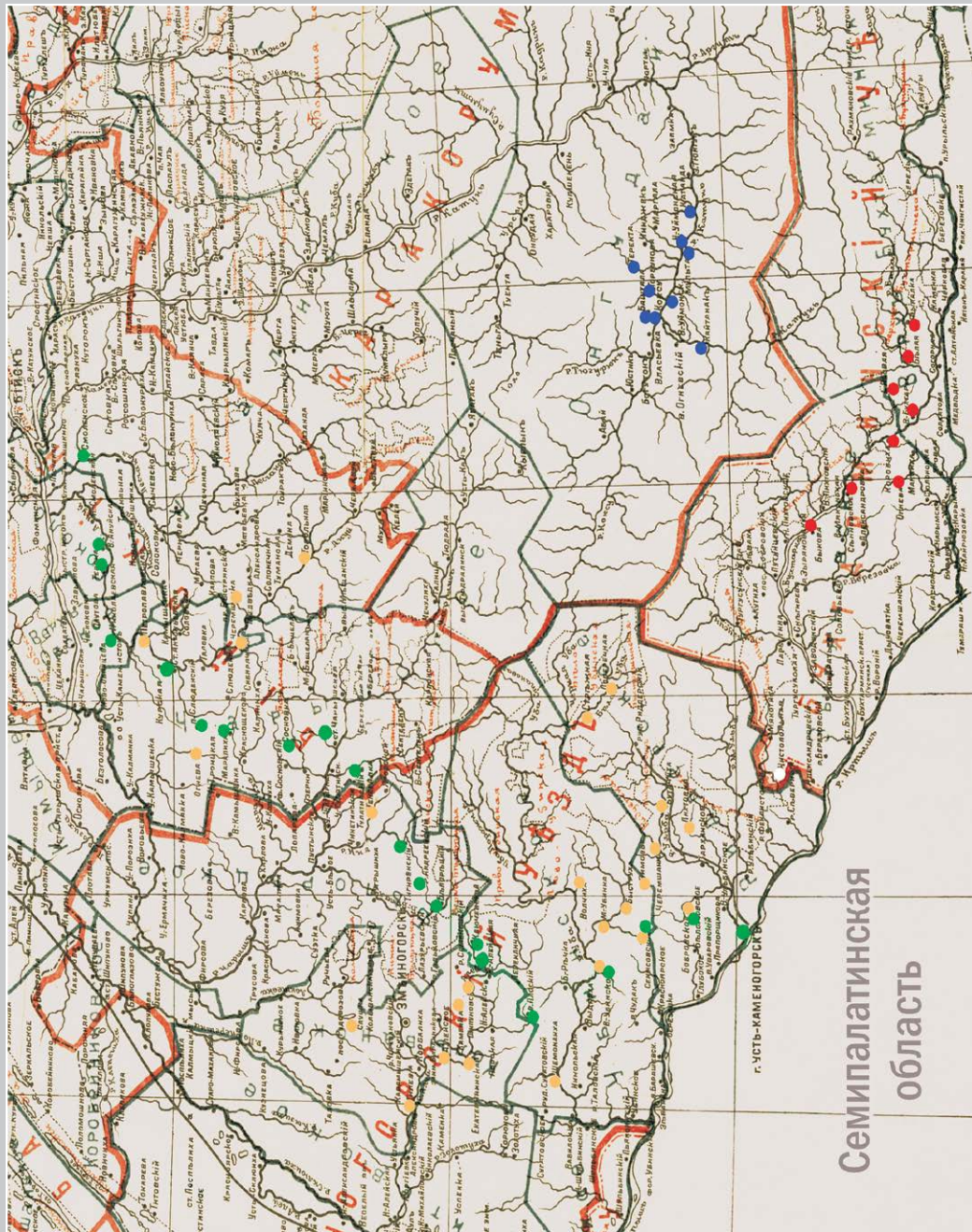
ОАО ИПП «Алтай»: Барнаул, ул. Короленко, 105, оф. 215

1. Карта расселения казачьих, «поляков», бухтарминов и уймонских каменщиков на территории Алтайского округа в конце XIX – начале XX в.

Условные обозначения:

- населенные пункты бухтарминовских каменщиков
- населенные пункты уймонских каменщиков
- населенные пункты казачьих
- населенные пункты «поляков»

См. примечания на с. 230.

2

3

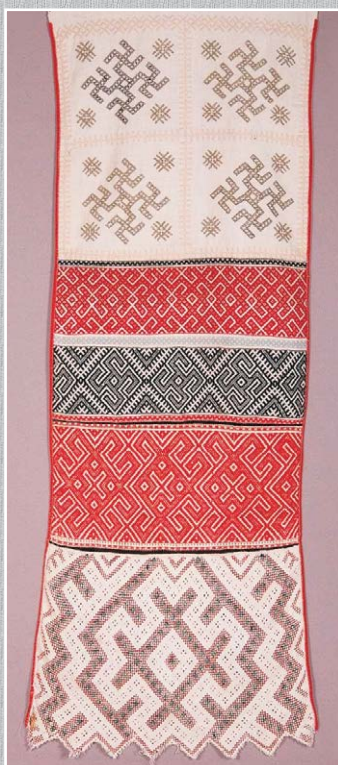

4

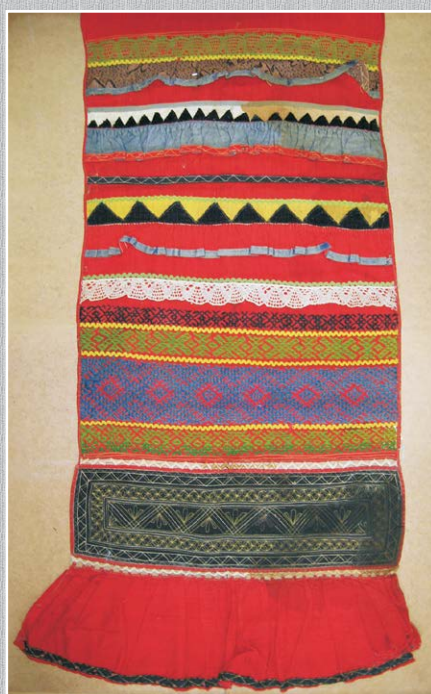

5

2 – полотенце (*утирка*). 1920-е гг. Переселенцы из Тамбовской губ. Тюменцевский р-н, с. Тюменцево. АГКМ 15697/3; 3 – полотенце. Южнорусские переселенцы Петропавловский р-н, с. Соловьиha. МИКНС СО РАН 207; 4 – кролевский *рушник*. Конец XIX в. АГКМ 14191/2; 5 – полотенце (*утирка*). 1930-е гг. Южнорусские переселенцы. Солонешенский р-н, с. Сычевка. АГКМ 16672/1

6

7

8

9

6 – бухтарминский *рукотёрт*. Конец XIX – начало XX в. ВКО РК. ВКОЭМ;
 7 – полотенце. Глубоковский р-н ВКО РК, с. Быструха. Сборы Л. М. Ру-
 саковой, 1981 г. МИКНС СО РАН 1368; 8 – полотенце. Глубоковский р-н
 ВКО РК, с. Малоубинка. Сборы Л. М. Ру사ковой, 1981 г. МИКНС СО РАН
 1442; 9 – *стенное полотенце*. Усть-Коксинский р-н РА, с. Усть-Кокса.
 БКМ 2798

10

11

12

13

10 — наконечник полотенца. Усть-Коксинский р-н РА, с. Мульта. НМРА 46;
 11 — полотенце. Начало XX в. Солонешенский р-н, с. Туманово. АГКМ 16660/1;
 12 — полотенце. Переселенцы из Воронежской губ., г. Барнаул. АГКМ 17788/1;
 13 — полотенце. 1930-е гг. Южнорусские переселенцы. Усть-Калманский р-н, с. Усть-Калманка. ИКМ АлтГПА 912

**Типология полотенец русского сельского населения Алтая
конца XIX – начала XXI в.***

Тип	Подтип	Примеры
1. Неорнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества		
	2а Полотенца, украшенные бахромой (кистями) из нитей основы	
	2б Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и бахромой (кистями) из нитей основы	
	2в Полотенца, украшенные тканьем на основном полотне	
	2г Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне	
2. Орнаментированные полотенца из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с цельной орнаментированной частью		

* См. примечания на с. 230.

Тип	Подтип	Примеры
<p>3. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с двухчастной структурой орнаментированного конца</p>	<p>3а Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и наконечником</p>	
	<p>3б Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и кистями из белых хлопчатобумажных ниток</p>	
	<p>3в Полотенца, украшенные полосой фабричного узорного ткачества</p>	
	<p>3г Полотенца, украшенные наконечником, связанным крючком из белых хлопчатобумажных ниток</p>	
<p>4. Орнаментированные полотенца, изготовленные из отбеленного полотна (холста) домашнего ткачества с трехчастной структурой орнаментированного конца</p>	<p>4а Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, наконечником, связанным крючком, и кистями из белых хлопчатобумажных ниток</p>	

Тип	Подтип	Примеры
	4б Полотенца, украшенные полосой бра-ного ткачества и наконечником	
	4в Полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, тканой про-ставкой и наконечником	
	4г Полотенца, украшенные вышитой ку-мачовой проставкой и наконечником	
	4д Полотенца, украшенные вышитыми белыми и кумачовыми проставками, наконечником	
5. Орнаментирован-ные полотенца, из-готовленные из от-беленного полотна (холста) домашнего ткачества с орна-ментированной ча-стью из четырех и более структурных элементов (многоя-русные)	5а Усложнение типа 3-а (полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне и наконечником) за счет включения в орнаментацию кружев-ной и полотняной проставок	

Тип	Подтип	Примеры
	5б Усложнение типа 4а (полотенца, украшенные вышивкой на основном полотне, наконечником и кистями) за счет включения в орнаментацию кружевной и полотняной проставок	
	5в Усложнение типа 4б (полотенца, украшенные полосой браного ткачества и наконечником) за счет включения в орнаментацию одной или нескольких деталей: кружевной проставки, тканой проставки, кистей	
6. Полотенца, изготовленные из белого полотна (холста) домашнего ткачества, орнаментированные с использованием атласных лент		
7. Полотенца из красной хлопчатобумажной ткани (кумача) с многоярусной структурой орнаментированного конца	7а Полотенца, украшенные вышитыми проставками и наконечником	
	7б Полотенца, украшенные вышитыми проставками, полосками и оборками из ткани фабричного производства	
8. Орнаментированные полотенца, изготовленные из фабричной ткани белого цвета с различной структурой орнаментированной части		